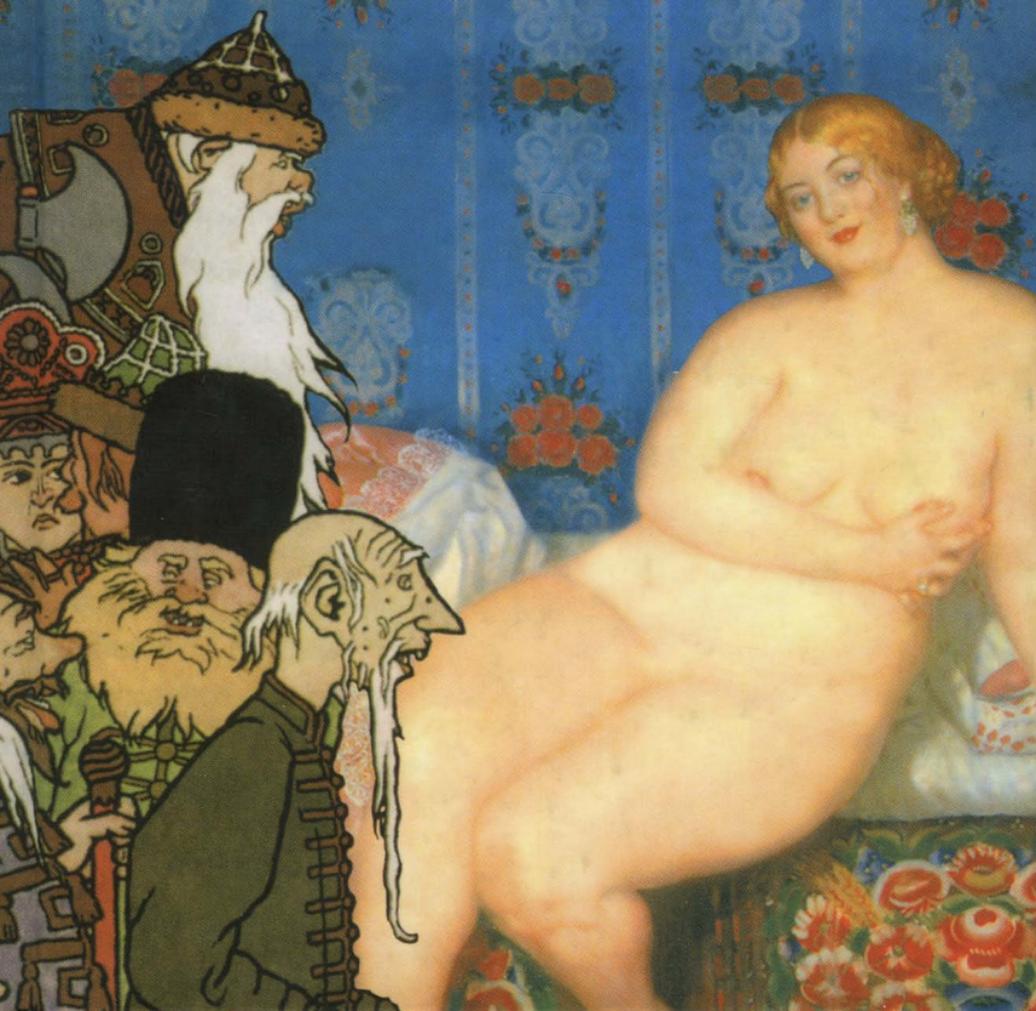

А. Н. АФАНАСЬЕВ
РУССКИЕ
ЗАВЕТНЫЕ
СКАЗКИ

Микеланджело
Буонарроти

Сальвадор
Дали

А.Н. АФАНАСЬЕВ

**РУССКИЕ
ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ**

**МОСКВА
АЛЬТА-ПРИНТ
2004**

ФАЛЛОСОФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

А. Н. АФАНАСЬЕВ
РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Художник
В. А. КАЗЬМИН

А. Н. Афанасьев. Русские заветные сказки. — М.: «Альта-Принт»,
2004. — 320 с.; илл.

Русские народные сказки для взрослых из собрания
А. Н. Афанасьева.

ISBN 5-98628-017-2

© М.Л. Вольпе
Оригинал-макет,
иллюстрации, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ*

«Honny soit qui mal у pense»

(Пусть будет дурно тому,
кто плохо подумает).

Издание наших «Заветных сказок» в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нисмало не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был

---

* Данное предисловие, подписанное псевдонимом «Филобибл», взято из первого издания «Русских заветных сказок», вышедшего в Женеве в 1872 г Публикуется с небольшими сокращениями (Ред)

бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей *gruderie*. Наши «Заветные сказки» — единственное в своем роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме была таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая блестящими и остроумными сторонами простолюдина.

Литературы других народов представляют много подобных же «заветных» рассказов и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл и т.п. Другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, так же мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни...

В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений непечатных, не для печати. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует.

Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами — само

собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире, иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронута, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями. Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характеристичных почему-либо.

О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем даже излишне распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой

для него жизни сами переносятся на его собратий — и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом «жеребичей породе», из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям и верное понимание их.

Любопытны наши «Заветные сказки» помимо многих сторон и в следующем отношении. Важному ученому, глубокомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья рассказы Боккаччо, сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона?

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же, со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

Таким образом, не принимая лицемерно ученой наружности, книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского

народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали, книга наша тихо печаталась в той отдаленной от треволнений света обители, куда еще не проникла святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьется в них, чуждое всякой цензуры, благородное искусство книгопечатания — и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их всякое свободолобное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они.

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать «Русские заветные пословицы» и продолжение «Русских заветных сказок». Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием мы надеемся оказать услугу как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собратьям — истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, образной русской речи и ее светлого юмора.

Филобибл

ЛИСА И ЗАЯЦ

Пришла весна, разыгралась у зайца кровь. Хоть он силой и плох, да бегать резов и ухватка у него молодецкая. Пошел он по лесу и вздумал зайти к лисе. Подходит к лисицыной избушке, а лиса на ту пору сидела на печи, а детки ее под окошком. Увидела она зайца и приказывает лисеняткам:

— Ну, детки! Коли подойдет косою да станет спрашивать, скажите, что меня дома нету. Ишь его черт несет! Я давно на него, подлеца, сердита. Авось теперь как-нибудь его поймаю.

А сама притаилась. Заяц подошел и постучал.

— Кто там? — спрашивают лисенятки.

— Я, — говорит заяц. — Здравствуйте, милые лисенятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жалко! Было еть — да дома нет!

Сказал косою и побежал в рощу. Лиса услышала и говорит:

— Ах он сукин сын, косою черт! Охаверник эдакой! Погоди же, я ему задам зорю!

Слезла с печи и стала за дверью караулить, не придет ли опять заяц. Глядь, а

заяц опять пришел по старому следу и спрашивает лисенят:

— Здравствуйте, лисенятки! Дома ли ваша матка?

— Ее дома нету!

— Жаль, — сказал заяц, — я бы ей напырлял по-своему!

Вдруг лиса как выскочит.

— Здравствуй, голубчик!

Зайцу уж и не до е...ли, со всех ног пустился бежать, ажно дух в ноздрях захватывает, а из ж...пы орехи сыплются. А лиса за ним.

— Нет, косо́й черт, не уйдешь!

Вот-вот нагонит! Заяц прыгнул и проскочил меж двух берез*, которые срослись вместе. И лиса тем же следом хотела проскочить, да и завязла**. Ни туда, ни сюда! Билась-билась, а вылезти не сможет. Косо́й оглянулся, видит, дело хорошее, забежал с заду и ну лису еть, а сам приговаривает:

— Вот как по-нашему! Вот как по-нашему!

Отработал ее и побежал на дорогу, а тут недалеко была угольная яма — мужик уголья жег. Заяц поскорей к яме, вывалялся весь в пыли да в саже и сделался настоящий чернец. Вы-

---

* Вар. Меж развалинами березы.

** Вар. Пошел заяц в лес, увидел лису и стал с нею разговаривать: говорить-то говорит, а сам норовит, у него х...й как рог стоит. На такое дело он ловок, да попросить-то робок... Дождался заяц удобного времени, когда лиса завязла как-то между березами.

шел на дорогу, повесил уши и сидит. Тем временем лиса кое-как выбралась на волю и побежала искать зайца. Увидала его и приняла за монаха.

— Здравствуй, — говорит, — святой отче! Не видал ли ты где косоногого зайца?

— Которого? Что тебя давеча е...?

Лиса вспыхнула со стыда и побежала домой.

— Ах он подлец! Уже успел по всем монастырям расславить!

Как лиса ни хитра, а заяц-то ее попробовал!

ВОРОБЕЙ И КОБЫЛА

У мужика на дворе сидела куча воробьев. Один воробей и начал перед своими товарищами похвалиться.

— Полюбила, — говорит, — меня сивая кобыла, часто на меня посматривает. Хотите ли, отделаю ее при всем честном собрании?

— Посмотрим, — говорят товарищи. Вот воробей подлетел к кобыле и говорит:

— Здравствуй, милая кобылушка!
— Здравствуй, певец! Какую нужду
имеешь?

— А такую нужду — хочу попросить у
тебя...

Кобыла говорит:

— Это дело хорошее, по нашему дере-
венскому обычаю, когда парень начинает
любить девушку, он в ту пору покупает ей
гостинцы: орехи и пряники. А ты меня чем
дарить будешь?

— Скажи только, чего хочешь?

— А вот: натаскай-ка мне по одному
зерну четверик овса, тогда и любовь у
нас начнется.

Воробей изо всех сил стал хлопот-
тать, долго трудился и натаскал-таки
наконец целый четверик овса. Приле-
тел и говорит:

— Ну, милая кобылушка! Овес го-
тов!

А у самого сердце не терпит — и рад,
и до смерти боится.

— Хорошо,— отвечала кобыла, —
откладывать дела нечего, вить истома
пуще смерти, да и мне век честною не
проходить. По крайней мере от мо-
лодца потерпеть не стыдно! Приноси
овес да созывай своих товарищей —

быль молодцу не укора! А сам садись на мой хвост подле самой ж...пы, да дожидайся, пока я хвост подыму.

Стала кобыла кушать овес, а воробей сидит на хвосте, товарищи его смотрят, что такое будет. Кобыла ела, ела да и заб...дела, подняла хвост, а воробей вдруг и вспорхнул в зад. Кобыла прижала его хвостом. Тут ему плохо пришлось, хоть помирай!

Вот она ела, ела, да как запе...дела. Воробей оттуда и выскочил, и стал он похваляться пред товарищами:

— Вот как! Небось от нашего брата и кобыла не стерпела, ажно запе...дела.

МЕДВЕДЬ И БАБА

Пахала баба в поле; увидел ее медведь и думает себе:

— Что я ни разу не боролся с бабами! Сильнее она мужика или нет? Мужиков довольно-таки поломал, а с бабами не доводилось повозиться.

Вот подошел он к бабе и говорит:

— Давай-ка поборемся!

— А если ты, Михайло Иваныч, разорвешь у меня что?

— Ну, если разорву, так улей меду принесу.

— Давай бороться!

Медведь ухватил бабу в лапы, да как ударит ее об землю — она и ноги кверху задрала, да схватилась за пи...ду и говорит ему:

— Что ты наделал? Как теперь мне до-мой-то показаться, что я мужу-то скажу!

Медведь смотрит, дыра большущая, разорвал! И не знает, что ему делать. Вдруг откуда ни возьмись бежит мимо заяц.

— Постой, косой! — закричал на него медведь. — Поди сюда!

Заяц подбежал. Медведь схватил бабу за края пи...ды, натянул их, приказал косому придерживать своими лапками. А сам побежал в лес, надрал лык целый пук — едва тащит. Хочет зашивать бабе дыру. Принес лыки и бросил оземь, баба испугалась, да как перднет, так заяц аршина на два подскочил вверх.

— Ну, Михайло Иваныч, по целому лопнуло!

— Пожалуй, она вся теперь излопает-ся! — сказал медведь и бросился что есть духу бежать: так и ушел!

ВОЛК

Был мужик, у него была свинья, и привела она двенадцать поросят; запер он ее в хлев, а хлев был сплетен из хворосту. Вот на другой день пошел мужик посмотреть поросят, сосчитал — одного нету. На третий день опять одного нету.

— Кто ворует поросят?

Вот и пошел старик ночевать в хлев, сел и дожидается, что будет. Прибежал из лесу волк, да прямо к хлеву, повернулся к двери ж...пою, натиснул и просунул в дыру свой хвост, и ну хвостом-то шаркать по хлеву. Почуяли поросята шорох и пошли от свиньи к дверям нюхать около хвоста. Тут волк вытащил хвост, повернулся передом, просунул свою морду, схватил поросенка и драла в лес. Дождался мужик другого вечера, пошел опять в хлев и уселся возле самых дверей. Стало темно, прибежал волк и только засунул свой хвост и начал шаркать им по сторонам, мужик как схватил обеими руками за волчий хвост, уперся в дверь ногами и во весь голос закричал:

— Тю, тю, тю!

Волк рвался, рвался и начал срать, и потуда жилился, пока хвост оторвал. Бежит, а сам кровью д...ищет. Шагов двадцать отбежал, упал и издох. Мужик снял с него кожу и продал на торгу.

МУЖИК, МЕДВЕДЬ, ЛИСА И СЛЕПЕНЬ*

... **И** не знает, что ему делать. Да потом надулся (мужик), схватил в охапку свою жену и повалил ее на полосу, она кричит, а мужик говорит:

— Молчи!

Да все свое. Задрал ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху, как можно выше. Медведь увидел, что мужик дерет какую-то бабу, и говорит:

— Не, лиса, вы со слепнем как хотите, а я ни за что не пойду к мужику!

— Отчего?

— Да оттого, посмотри-тко, вишь он опять кого-то пежит!

Вот лиса смотрела, смотрела и говорит:

— И точно, твоя правда, в самом деле он кому-то ноги ломает!

А слепень глядел, глядел и себе тоже говорит:

— Совсем не то, — он кому-то соломину в жопу пихает!

Всякий, зная, свою беду понимает; ну, однако, слепень лучше всех от-

* Начало сказки известно.

гадал. Медведь с лисой ударились в лес, а мужик остался цел и невредим.

КОТ И ЛИСА

Мужик прогнал из дома блудливого кота в лес. А в этом лесу жила-была лиса, да такая бл...дь! Все валялась с волками да медведями. Повстречала она кота, разговорились о том, о сем. Лиса и говорит:

— Ты, Котофей Иванович, холост, а я незамужняя жена! Возьми меня за себя.

Кот согласился. Пошел у них пир и веселье, после пира надо коту по обряду иметь с лисицею грех. Кот взлез на лису, не столько еб...т, сколько когтями дерет, а сам еще кричит:

— Мало, мало, мало!

— Вот еще какой! — сказала лисица, — ему все мало!

ВОШЬ И БЛОХА*

Повстречала вошь блоху:

— Ты куда?

— Иду ночевать в бабью пи...ду.

— Ну, а я залезу к бабе в ж...пу.

И разошлись. На другой день встретились опять.

— Ну, что, какво спалось? — спрашивает вошь.

— Уж не говори! Такого страха набралась; пришел ко мне какой-то лысый и стал за мной гоняться, уж я прыгала, прыгала, и туда-то и сюда-то, а он все за мной, да потом как плюнет в меня и ушел!

— Что ж, кумушка, и ко мне двое стучались, да я притаилась, они постучали себе, постучали, да с тем и прочь пошли.

СОБАКА И ДЯТЕЛ**

■ ■ ■ **С**тала баба ловить дятла и поймала-таки, и посадила под решето. Приехал домой мужик, хозяйка его встречает.

— Ну, жена, — говорит он, — со мной на дороге несчастье случилось.

— Ну, муж, — говорит она, — и со мною несчастье!

Рассказали друг дружке все как было.

— Где же теперича дятел? Улетел? — спросил мужик.

* Эта сказка записана в Воронежской губернии.

** Начало сказки известно.

— Я его поймала и под решето посадила.

— Хорошо же, я с ним разделаюсь, съем его живого!

Открыл решето и только хотел взять дятла в зубы — он порхнул ему прямо в рот живой и проскочил головой прямо в ж...пу. Высунул из мужиковой ж...пы голову, закричал:

— Жив, жив!

Видит мужик, что беда, и говорит хозяйке:

— Возьми-ка полено, а я стану раком, как только дятел высунет голову, ты его хорошенько и огрей поленом-то!

ПИ...ДА И Ж...ПА

В одно время поспорили между собой пи...да и ж...па, и такой подняли шум, что святых выноси! Пи...да говорит ж...пе:

— Ты бы, мерзавка, лучше молчала! Ты знаешь, что ко мне каждую ночь ходит хороший гость, а в ту пору ты только б...дишь да коптишь.

— Ах ты подлая пи...дюга! — говорит ей ж...па. — Когда тебя е...ут, по мне слюни текут — я ведь молчу!

Все это давно было, еще в то время, когда ножей не знали, х...ем говядину рубили.

МОЙ Ж...ПУ*

Жили муж да жена. Вот, бывало, как подает жена мужу обедать, он и начнет ее колотить, а сам еще и приговаривает:

— Мой ж...пу, мой ж...пу!

Вот она и начнет мыть ж...пу, трет ее и песком и рогожею, так что кровь пойдет, а только что подаст мужу обедать, он начнет ее колотить и опять приговаривает:

— Мой ж...пу, мой ж...пу!

Вот она и говорит своей тетке:

— Что это, тетушка, когда я подаю мужу обедать, он всегда меня бьет и приговаривает: «мой ж...пу, мой ж...пу» — кажись, я и так мою, что до крови растираю!

— Эх ты, дура! Ты мой-то ж...пу, да не свою, а у чашки.

Как стала мыть ж...пу у чашки, так и перестал ее бить муж.

ХУДО НЕ ХУДО*

Жернова по воде плавают, на них собака сидит, голову согнувши, хвост в ж...пу воткнувши, повизгивает, лапу полизывает.

— Ты ехал мимо архиерейского дома?

— Ехал; там кони поседланы, седоки посажены, в трубы играют, черт знает кого, еб...на мать, величают! Говорят, архиерея на солоной кобыле венчают...

— А ростовского медведя видел?

— Видел.

— Каков?

— Серый!

— Какой, еб...на мать, медведь? Пошел к х...ю, не бредь! Это волк.

— Х...й-те в лоб! У нас волк по лесу побегивает, ушами подергивает.

— Это заяц.

— Кляп ты знаешь. Это трус.

— Го...на тебе кус**.

---

* Эта сказка записана в Малоархангельском уезде.

** Вариант:

— Видел архиерея?

— Видел.

— Какой же он?

— На четырех ногах ходит, на цепи его водят, золотое кольцо через нос продето, а собаки на него так и лают.

— Дурак же ты, это медведь.

— Поди к х...у, не бредь.

ДУРЕНЬ

Жили мужик да баба, у них был сын дурак. Задумал он, как бы жениться да и поспать с женою. То и дело пристаёт к отцу:

— Жени меня, батюшка!

Отец и говорит ему:

— Погоди, сынок, еще рано тебя женить, х...й твой еще не достает до ж...пы, когда достанет до ж...пы, в ту пору тебя и женю.

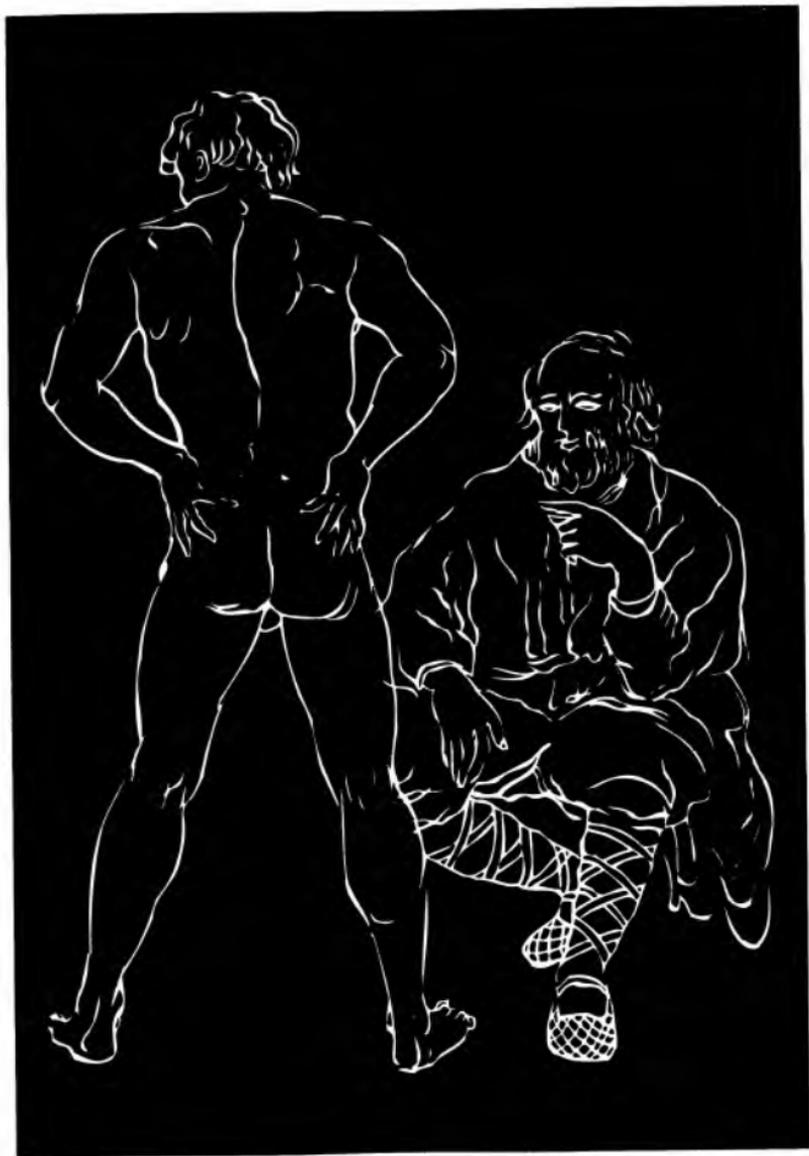
Вот сын схватился руками за х...й, натянул его как можно крепче, посмотрел — и точно правда, не достает немного до ж...пы.

— Да, — говорит, — и то рано мне жениться, х...й мой еще маленький, до ж...пы не хватает! Надо повременить годик-другой.

Время идет себе да идет, а дураку только и работы, что вытягивает х...й. И вот-таки добился он толку, стал х...й его доставать не только до ж...пы — и через хватает.

— Не стыдно будет и с женою спать, сам ее удовольствую, не пущу в чужие люди!

Отец подумал себе: «Какого ожидать от дурака толку!»

Сказал ему:

— Ну, сынок, когда х...й у тебя такой большой вырос, что через жопу хватает, то и женить тебя не для чего; живи холостой. Сиди дома, да своим х...ем е...и себя в жопу.

Тем дело и кончилось.

ЩУЧЬЯ ГОЛОВА

Жили-были мужик да баба, и была у них дочь, девка молодая. Пошла она бороновать огород; бороновала, бороновала, только и позвали ее в избу блины есть. Она пошла, а лошадь со всем, с бороною оставила в огороде:

— Пущай постоит, пока ворочусь.

Только у ихнего соседа был сын — парень глупой. Давно хотелось ему поддеть эту девку, а как — не придумает. Увидал он лошадь с бороною, перелез через изгороду, выпряг коня и завел его в свой огород. Борону хоть и оставил на старом месте, да оглобли-то просунул сквозь изгороду к себе и

запряг опять лошадь-то. Девка пришла и да-
лась диву:

— Что бы это такое — борона на одной сто-
роне забора, а лошадь на другой?

И давай бить кнутом свою клячу да приго-
варивать:

— Какой черт тебя занес! Умела втесаться,
умей и вылезать; ну, ну, выноси!

А парень стоит, смотрит да посмеивается.

— Хочешь, — говорит, — помогу, только ты
дай мне...

Девка-то была воровата:

— Пожалуй, — говорит, а у нее на примете
была старая щучья голова, на огороде валялась,
разинувши пасть. Она подняла ту голову, засу-
нула в рукав и говорит:

— Я к тебе не полезу, да и ты сюда-то не лазь,
чтоб не увидел кто; а давай-ка лучше сквозь
этот тынок. Скорей просовывай кляп, а я уж те-
бе наставлю.

Парень вздрочил кляп и просунул его
сквозь тын, а девка взяла щучью голову, раззя-
вила ее и посадила на плешь. Он как дернет —
и ссадил х...й до крови. Ухватился за кляп рука-
ми и побежал домой, сел в угол и помалкивает.

«Ах, мать ее так, — думает про себя, — да
как больно пи...да-то у нее кусается! Только
бы х...й зажил, а то я сроду ни у какой девки
просить не стану!»

Вот пришла пора; вздумали женить этого парня, сосватали его на соседской девке и женили. Живут они день и другой и третий, живут и неделю, другую и третью. Парень боится и дотронуться до жены. Вот надо ехать к теще; поехали. Дорогой молодая-то и говорит мужу:

— Послушай-ка, милый Данилушка! Что же ты женился, а дела со мной не имеешь? Коли не сможешь, на что было чужой век заедать даром?

А Данило ей:

— Нет, теперь ты меня не обманешь! У тебя пи...да кусается. Мой кляп с тех пор долго болел, насилу зажил.

— Врешь, — говорит она, — это я в то время пошутила над тобою, а теперь не бойся. На-ка попробуй хоша дорогою, самому полюбится.

Тут его взяла охота, заворотил ей подол и сказал:

— Постой, Варюха, дай-кося я тебе ноги привяжу, коли станет кусаться, так я смогу выскочить да уйти.

Отвязал он вожжи и скрутил ей голые ляжки. Струмент у него был порядочный, как надавил он Варюху-та, как она закричит благим матом, а лошадь была молодая, испугалась и на-

чала мыкать (сани то сюда, то туда), вывалила парня, а Варюху так с голыми ляжками и примчала на тещин двор. Теща смотрит в окно, видит: лошадь-то зятева, и подумала, верно, это он говядины к празднику привез, пошла встречать, а то ее дочка.

— Ах, матушка, — кричит, — развяжи-ка поскорей, покедова никто не видал.

Старуха развязала ее, расспросила, что и как.

— А муж-то где?

— Да его лошадь вывалила!

Вот вошли в избу, смотрят в окно — идет Данилка, подошел к мальчишкам, что в бабки играли, остановился и загляделся.

Теща послала за ним старшую дочь. Та приходит:

— Здравствуй, Данила Иванович!

— Здорово.

— Иди в избу, только тебя и недостает!

— А Варвара у вас?

— У нас.

— А кровь у нее унялась?

Та плюнула и ушла от него. Теща послала за ним сноху; эта ему угодила.

— Пойдем, пойдем, Данилушка, уж кровь давно унялась.

Привела его в избу, а теща встречает и говорит:

— Добро пожаловать, любезный зятюшка!

— А Варвара у вас?

- У нас.
- А кровь у нее унялась?
- Давно унялась.

Вот он вытащил свой кляп, показывает теще и говорит:

— Вот, матушка, это шило все в ней было!

— Ну, ну, садись, пора обедать.

Сели и стали пить и есть. Как подали яичницу, дураку и захотелось всю ее одному съесть, вот он и придумал, да и ловко же вытащил кляп, ударил по плещи ложкою и сказал:

— Вот это шило все в Варюхе было! — да и начал мешать своею ложкою яичницу. Тут делать нечего, полезли все из-за стола вон, а он приел яичницу один и стал благодарствовать теще за хлеб за соль.

ЖЕНИТЬБА ДУРНЯ

Жив був собі казак, у него була жинка и еще був сын Грицько. Грицько ходыв в степу за вивцями. От дид с бабою змовляються:

— Стара! Треба нам Грицька ожениць.

— Як женить, так женить! — послалы воны за Грицьком.

Приходе наймит, да и каже:

— Здоров був, паночо! Батько звилив тоби иты до господив.

Прийшов до дому, устричают його батько и мате:

— Здоров був, сынку! Як соби маешь?

— Слава Богу, тату и мамо! Помаленьку. А чого-це вы мене до дому звалы?

А батько каже:

— Та вже-ж я — старый и мате твоя — стара, так треба тебе оженить.

— Не хочу! Пиду соби у степ.

— Почекай (подожди) лышинь трохи: мы порадамось (рада — совет) з добрыми людями, як воны скажуть.

— Ну, добре!

От добри люды присовитовалы, щоб даты йому борошня (зерно, хлеб) мишкив шить и послаты на базар; тай звилить йому, щоб вин не продавав ни евреям, ни купцям, ни старым бабам, а продавав дивчатам и молодыцям и просыв бы з их за борошно еб...лки. Прийшов старый до дому, та й каже:

— Сынку! Бери пару волив, запрягай у виз и йидь на базар, та везы шить мишкив борошня; тилко не продавай евреям, купцям и старым бабам, а продавай дивчатам та молодыцям.

От вин узав пару волив, заприг, на-
клав на виз борошня и повиз у мисто.
Пидъихав к базару, устричае його еврей.

— Здоров був, паноче! Що таке у
вас е продажие?

— Ничего нема, бисив еврей!

Пидходе купец:

— Що таке, паноче, продаете?

— Ничего нема!

Оце подходе к йому молодыця и пытае:

— Що таке продажие?

Вин каже:

— Борошно.

— А сколько е?

— Шість мишків.

— А що просите за його?

— Та дай еб...лки!

Вона подывилась на парубка и каже:

— Чи не можно менши узять?

— Ни, не возьму; як дасы еб...лку,

так оддам.

— Везы ж за мною.

Вин зараз:

— Гей, гей!

И прийихав до неї на двир и пытае:

— Куды ж мини зносить?

Вона показала йому, а сама пишла,
прыготовыла меду и паляныць, та и го-
ворить:

— Иди сюда, паноче!

Вин прийшов в хату.

— Здоров був, паноче! Сидай та йижь еб...лку.

Вин сив и зачав опиз...ячивать, найився и каже:

— Спасыби за еб...лку.

Вона отвича:

— Богу святому дякуй!

Прийихав вин до дому, батько и мате пытают:

— А що, сынку! Продав борошня?

— Продав.

— А за що продав?

— За еб...лку.

— А що, сынку, гарна еб...лка?

— Та така солодка, що и сказать не можно.

— Ну, сынку, женьсь, и у твоей жинци буде!

— Колы так, та й женить мене!

— Ну, стара, — каже батько,— слава Богу!

Наш Грицько женицца захотив.

Пислалы воны сваху к богатому мужику.

Прийшла сваха:

— Помогай Бог!

— Здорова була, бабуся! А що ты нам скажешь хорошее?

— Та у вас товар, а у мене е купец.

От и сосватала за Грицька дивчину Гапку. Тутычки vybrалы дружку и бояр, созвалы пой-

изд, поїхали до церкви и повинчали, та й начали гулять, веселиця. От вжеж треба молодых весты спать до коморы. Дружко каже:

— Ну, гляды-ж, Грицько! Чи знаешь де еб...лка?

А вин:

— Як не знать!

— А де?

— Та на столи.

— Та ни, ты шукай — де волосья, там еб...лка.

— Добре.

Положили йих спаты и самы пийшли гуляты. Долго лежав Грицько з Гапкою, и захотилось йому еб...лки. Начав вин шукать по кошелюам и полкам — нигде нема, а в тий же комори стояла соха, а вверху на сохи було пидоткнуто кущем волосьев. Вин побачив тые волосья, полиз на соху, просунув руку и щупае: чи нема там еб...лки! Та вже слизты с сохи боицця. Прийшов дружко пидниматы молодых, стучить:

— Добрый день, молодой Грицько!

А вин сыдыть на сохи и каже:

— Здоров був!

— А що, Грицько, найшов волосья?

— Найшов.

— И влиз?

— Влиз, та оце лыхо — не злизу.

— Валысь набик.

Грицько звалывсь набик, ударивсь об землю и разбив соби голову до крови.

Дружко пытае:

— А що, звалывсь?

— Звалывсь.

— А що до крови?

— Та вже ж, до крови.

— Отчиняйте ж двери.

Отчинили. Грицько зараз выскочив и побиг в степь, к своим вивцям. Бижить бия попова двора, удруг наскочылы на його собаки; вин начав обороняцца, пятывся, пятывся и влиз у самую церковь, а се було у нидилю (воскресенье). Вин подивився та й каже:

— Ишь бисови собаки, сколько нагналы сюда людей!

И дывно йому, шо людей багацько, а уси мовчат, тилько помаленьку шепчуть та кланяюцца; мабуть вони кого просят, шоб йих до дому довив. А дали побачив вин попа в золотий свыти, шо ходит миж людей та все кланяецця: от иде вин и до Грицька. Грицько думае: «Шо се таке? Несе вин якусь торбынку и на людей огонь кидае (речь идет о кадиле)».

Пип блыжче, а Грицько йому каже:

— Помалу, батько, очи не выпечи!

А пип усе махае та махае. Як Грицько свисне його по голови, аж вин упав; тут люди, мабуть чоловіков пятьдесят буде, учинылысь за дурня; вин усих йих вытащив с церквы и сам пишов у степь.

— Ну, бисови люды, кажить мини спасыби, а то б вы тутьчки и заночувалы!

А Гапка скучае соби без чоловіка и плаче. От научилы йии, щоб вона пишла до Грицька у степь; як буде вин стояты з ватагою биля воды, то щоб вона спытала у його:

— А що, чоловіче, чи не можно тут скупатыся?

А вин скаже:

— Чому ж неможно? Можно.

— Та, може, тут глыбоко? Полизай сам перши у воду.

От так дило и здилаиця! Пишла Гапка у степь, приходит, а вин стоит ко-ло става (пруда).

— Здоров був, паноче!

— Здорова була!

— А що, чоловіче, чи можно тут скупатыся?

— Чому ж неможно?

— Та, може, глыбоко, покажи мини.

Вин зараз скинув сорочку и штаны,
влиз у воду и каже:

— Бачишь, по коліни.

Вона и соби влизла у воду, побачила
у його х...й и пытае:

— Що се таке?

А вин каже:

— Се табака.

— На що ж вона? Шо ты робышь
з нею?

— Сьцю.

— А чим ты йии годуешь (кормишь)?

— Та ничим.

— Ото-то вона и худа!

А Грицько побачив у Гапки пи...ду, да
й пытае:

— А у тебе що се таке?

— Поцька.

— А на що вона тобі?

— Табаку годовать. Хай твоя табака
пойишь поцьки.

— Э, щоб вона мене укусила! Хай
йий бис!

— Ни, не укусьть.

Грицько узяв свою гирлыгу (овчар-
ская палка) и зачав пробувать: чи не
укусить? А потим согласився погодо-
вать свою табаку. Надрочила вона йо-
му и направила х...й у пи...ду, та и па-

ридерживае. Любо стало Грицьку, бросив
вин степь и прибежав до дому, и кричить:

— Тату, мамо! Де моя жинка?

— На що вона тобі?

— Еб...ть хочу.

— Зараз прийде.

А жинка тому и рада, а сама каже:

— Пидожди до обида, мате галушки варыла.

А вин:

— Ничего не хочу, ходим годовать табаку.

И зачав йии еб...ть, а она зачала пир...ить; трудно йии стало, скочила и охота. Вона и говорыть:

— Я, чоловіче, вже не вздужаю.

— Що ж робыты?

— Та мини добри люды казалы, щоб нашого
сусида вил полызав мини с...аку, то, може, я и
поправлюся. Пиды попроси вола!

Пийшов вин до сусида:

— Нехай ваш вил моей жиньци с...аку по-
лыже.

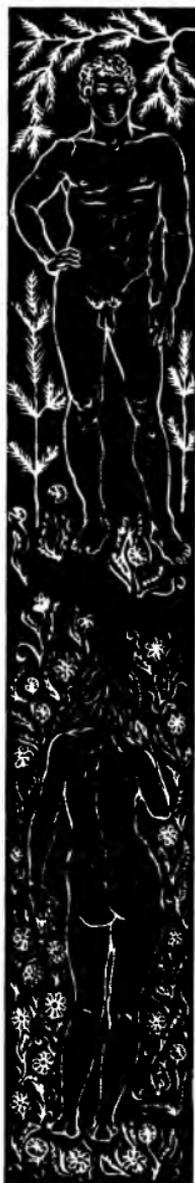
— Нехай!

Воротився до жинки, та й каже:

— Иды! Вже пригнав вола.

От Гапка задрала хвист, уставила с...аку у
викно, Грицько йии придерживае: а сусидский
Ивашка (бо вона з ным наперед его зговори-
лась) як почав Гапку чесать через с...аку, аж йии
лыхорадка забира.

— Ну що? — каже Грицько.

— Та мало полегчило!

А потом и сам Грицько заболив и каже:

— Жинка, пиды, попросы сусидова вола, шоб мини сраку полызав.

Вина пийшла и выпросила вола:

— Ну уставай, иды до викна!

От вин спустыв штаны и выпятив у викно сраку, а вин як вдарить його по тий сраци, аж через голову вин перевернулся!

БОЯЗЛИВАЯ НЕВЕСТА

Разговорились промеж себя две девки.

— Как ты — а я, девушка, замуж не пойду!

— А что за неволя идти-то! Ведь мы не господские.

— А видала ль, девушка, тот струмент, каким нас пробуют?

— Видала.

— Ну что же — толст?

— Ах, девушка, право, у другого толщиною будет с руку.

— Да это и жива-то не будешь!

— Пойдем-ка, я потычу тебя соломинкою — и то больно!

Поглупей-то легла, а поумней-то стала ей тыкать соломинкой.

— Ох, больно!

Вот одну девку отец приневолил и отдал замуж. Оттерпела она две ночи и приходит к своей подруге.

— Здравствуй, девушка!

Та сейчас ее спрашивать, что и как.

— Ну, — говорит молодая, — если бы да я знала, ведала про это дело, не послушалась бы ни отца, ни матери. Уж я думала, что и жива-то не буду, и небо-то мне с овчинку показалось!

Так девку напугала, что и не поминай ей про женихов.

— Не пойду, — говорит, — ни за кого, разве отец силою заставит, и то выйду ради одной славы за какого-нибудь безму...ного.

Только был в этой деревне молодой парень, круглый бедняк; хорошую девку за него не отдадут, а худой самому взять не хочется. Вот он и подслушал ихний разговор.

«Погоди ж, — думает, — мать твою так! Улучу время, скажу, что у меня кляпа-то нет».

Раз как-то пошла девушка к обедне, смотрит, а парень гонит свою худень-

кую да некованую клячу на водопой. Вот лошаденка идет, идет да и спотыкнется, а девка так смехом и заливается. А тут пришлось еще крутая горка, лошадь стала взбираться, упала и покатила назад. Рассердился парень, ухватил ее за хвост и начал бить немилостиво да приговаривать:

— Вставай, чтоб тебя ободрало!

— За что ты ее, разбойник, бьешь? — говорит девка.

Он поднял хвост, смотрит и говорит:

— А что с ней делать-то? Теперь бы ее еть да еть, да х...я-то нет!

Как услышала она эти речи, так тут же и усалась от радости и говорит себе: «Вот Господь дает мне жениха за мою простоту!»

Пришла домой, села в задний угол и надула губы. Стали все за обед садиться, зовут ее, а она сердито отвечает:

— Не хочу!

— Поди, Дунюшка! — говорит мать, — или о чем раздумалась? Скажи-ка мне.

И отец говорит:

— Ну что губы-то надула? Может, замуж захотела? Хошь за этого, а не то за этого?

А у девки одно в голове, как бы выйти замуж за безму...ного Ивана.

— Не хочу, — говорит, — ни за кого; хотите отдайте, хотите нет, за Ивана.

— Что ты, дурища, взбесилась али с ума спятила? Ты с ним по миру находишься!

— Знать, моя судьба такая! Не отдадите — пойду утоплюсь, не то удавлюсь.

Что будешь делать? Прежде старик и на глаза не принимал этого бедняка Ивана, а тут сам пошел набиваться со своею дочерью. Приходит, а Иван сидит да чинит старый лапоть.

— Здорово, Иванушка!

— Здорово, старик!

— Что подделываешь?

— Хочу лапти заковыривать.

— Лапти? Ходил бы в новых сапогах.

— Я на лыки-то насилу собрал пятнадцать копеек; куда уж тут сапоги?

— А что ж ты, Ваня, не женишься?

— Да кто за меня отдаст девку-то?

— Хочешь, я отдам! Целуй меня в самой рот!

Ну и сладили. У богатого не пиво варить, не вино курить; в ту ж пору обвенчали, отпировали, и повел дружка молодых в клеть и уложил спать. Тут дело знамое: пронял Ванька молодую до руды (крови), ну да и дорога-то была туды!

«Эх, я дура глупая! — подумала Дунька. — Что и наделала? Уж ровно бы принять страху, выйтить бы мне за богатого! Да где он кляп-то взял? Дай спрошу у него». И спросила-таки:

— Послушай, Иванушка! Где ты х...й-то взял?

— У дяди на одну ночь занял.

— Ах, голубчик, попроси у него еще хоть на одну ночку.

Прошла и другая ночь; она опять говорит:

— Ах, голубчик, спроси у дяди, не продаст ли тебе х...й совсем? Да торгуй хорошенько.

— Пожалуй, поторговаться можно.

Пошел к дяде, сговорился с ним заодно и приходит домой.

— Ну что?

— Да что говорить! С ним не столкнешься; 300 рублей заломил, эдак не укупишь; где я денег-то возьму?

— Ну, сходи, попроси займы еще на одну ночку; а завтра я у батюшки выпрошу денег — и совсем купим.

— Нет уж, иди сама проси, а мне, право, известно!

Пошла она к дяде, входит в избу, помолилась Богу и поклонилась.

— Здравствуй, дядюшка!

— Добро пожаловать! Что хорошего скажешь?

— Да что, дядюшка, стыдно сказать, а грех утаить; одолжите Ивану на одну ночку х...йка вашего.

Дядя задумался, повесил голову и сказал:

— Дать можно, да чужой х...й беречь надуть!

— Будем беречь, дядюшка: вот те крест! А завтра непременно совсем у тебя его купим.

— Ну, присылай Ивана!

Тут она кланялась ему до земли и ушла домой. А на другой день пошла к отцу, выпросила мужу 300 рублей и купила она себе важный кляп.

ГОРЯЧИЙ КЛЯП

Был-жил мужик, у него была дочь. Говорит она отцу: — Батюшка, Ванька просил у меня поеть.

— Э, дурная! Зачем давать чужому, мы и сами пое...ем!

Взял гвоздь, разжег в печи и прямо ей в пи...ду и вляпал, так что она три месяца с...ать не могла! А Ванька повстречал эту девку да опять начал просить:

— Дай-де мне поеть.

Она и говорит:

— Бреешь, черт Ванька! Меня ба-
тюшка по...б, так пи...ду обжег, что я
три месяца не с...ала!

— Не боись, дура! У меня холодный
кляп.

— Врешь, черт Ванька! Дай-ка я
пощупаю.

— На, пощупай.

Она взяла его за х...й рукою и за-
кричала:

— Ах ты, черт эдакой! Вишь теплой:
макай в воду.

Ванька стал макать в воду, да с нату-
ги и заб...дел.

А она:

— Ишь зашипел! Ведь сказывала, что
горяч, так еще обмануть, вор, хочешь!

Так и не дала Ваньке.

ПРИБАУТКИ

а) Вчерашний день я по улице гулял,
видел: петух топчет курицу, воробей —
воробку*; надели меня супругой — ве-
селой и упругой. Будешь доволен, я

* Петух курицу топчет, она под ним клопочет.

знаю приворотный корень, да видя твою дурацкую рожу — приведу тебе козу. «Чем же тебя благодарить, не успел киселя наварить; хотел бы сварить кашу, да расклевали куры чашу».

б) — Где ты, сорока, была?

— Да на колу сидела.

— Да что ж ты оттуда улетела?

— Да напакостила.

— А, напакостила! Черт же те в шею, так ты и здесь напакостишь.

в) Был я добрый молодец, пошел я к синю морю дубище-коренище рубить; как отрубил я коренец, он ударил меня посередь яец, так вот и теперь у меня рубец. Пошел я оттедова по-над синим морем и зашел в кузницу. «Кузнецы, кузнецы, скуйте мне топор, крепок и востер». Взял топор, иду по-над рекою, а там прачка: я етую прачку кляпом в с...ачку, она в воду, я на колоду, высек из пи...ды лобок и уехал на тот бок.

г) Стоит поп на льду, подпер х...ем бороду. Еб...на мать — дочку е...ли на лубочку: лубочек вот гнется, черна пи...да трется-потирается, разье...ается. Трах, трах, трах! Е...ет старуху монах на осиновых дровах — три полена в головах.

д) В пи...де черви завелись, немножечко проточили — три кареты проскочили. Гарнизонный капитан в пи...де роту обучал, сам на секеле стоял, да и саблю махал, нигде края не достал.

е) Из монастыря боголюбова идут старцы станицами; впереди идет сам игумен, ничего он не гунит (скажет). Состроим же, братия, келью под елью, проторим дорожку в деревню, чтоб молодые бабы ходили, печеные яйца носили, нас, молодцов, кормили.

ж) Задумал наш дядюшка жениться на сивой кобыле. Стали мы своего дядюшку женить в четыре свахи дубовые, пята сваха вязовая. С той радости наш дядюшка у...рался, кругом го...ном обклатался, домой пришел — не сказался.

СТАРЧЕСКИЙ СТИХ*

Как у Спаса на Новом

Архимандрит был новой,
Строители-разорители,

---

* Московские слепцы знают этот стих в полнейшем виде и с более интересным вариантом.

Экономы-пустодомы;
Они рано нас будили,
Понемногу нам пити давали.
Рассердимся мы, братия,
Не пойдем ни к обедне-заутрени,
Ни к тому ли честному молебну!
Будет нас игумен просить,
Будет кланяться.
Выкатят нам, братия,
Бочки дубовья,
Подадут нам, братия,
Ковши железные,
Размахнем, почерпнем,
По компании обнесем,
Кому два — кому три,
Мне четыре ковша;
Кабаки возрадуются,
А пьяницы возвеселятся.

СЕМЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Жил-был мужик, у него была жена, дочь да два сына — еще малые ребята. Раз пошла мать с детьми в баню, посбирала черное белье и начала стирать его, стоя над корытом, а к мальчикам-то повернулась жопою. Вот они смотрят да смеются:

— Эх, Андрюшка! Посмотри-ка, ведь у матушки две пи...ды.

— Что ты врешь! Это — одна, да только раздвоилась.

— Ах, вы сопливые черти! — закричала на них мать. — Вишь что выдумали!

Пришла баба в избу, легла с дочкою на печь и стали меж собой разговаривать.

— Ну, дочка! — рассказывает мать, — скоро тебя замуж пора отдавать; будешь тогда с мужем жить, а не с нами...

— Коли так, я и замуж не хочу!

— Что ты, что ты, глупая! Да чего тебе бояться? Добрые девки еще тому радуются.

— Да чего радоваться-то?

— Как чего? Переспишь с мужем первую ночь, променяешь тады и отца с матерью на него, понравится тебе слаще меду и сахару.

— Отчего же, матушка, так сладко и где у них эта сладость?

— Ах, ты какая глупая! Вить ты ходила маленькою с отцом в баню-то?

— Ходила, — говорит дочь.

— Ну, видела ты у отца на конце зарубку?

— Видела, матушка!

— Вот это и есть самая сласть.

А дочь говорит:

— Коли бы эдак зарубить зарубок пять, тады б еще слаще было!

Отец лежал, лежал на полатах, слушал, слушал, не утерпел и закричал:

— Ах вы разбойницы! Х...й вам в горло! Про что говорят! Мне для вашей сласти не разрубить своего х...я на мелкие части.

Вот тут девушка гадала да гадала: одного-то х...я мало, а два не влезут; лучше их вместе свить да оба вбить.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ЖЕНИХА С НЕВЕСТОЮ

Уодного старика был сын, парень взрослый, у другого дочь — девушка на поре. И задумали они оженить их.

— Ну, Иванушка! — говорит отец. — Я хочу женить тебя на соседской дочери, сойдись-ка с нею да поговори ладнее да поласковее!

— Ну, Машутка! — говорит другой старик. — Я хочу отдать тебя за соседского сына, сойдись-ка с ним да ладнее познакомясь!

Вот они сошлись на улице, поздоровались.

— Мне отец велел с тобой, Иванушка, ладнее познакомиться, — говорит девка.

— И мне тож наказывал мой батька, — говорит парень.

— Как же быть-то? Ты где, Иванушка, спишь?

— В сенцах.

— А я в амбарушке; приходи ночью ко мне, так мы с тобою и поговорим ладнее...

— Ну что ж!

Вот пришел Иванушка ночью и лег с Машуткою. Она и спрашивает:

— Шел ты мимо гумна?

— Шел.

— А что, видел кучу го...на?

— Видел.

— Это я насрала.

— Ничего — велика!

— Как же нам с тобою поладить? Надо посмотреть, хорош ли у тебя струмент?

— На, посмотри, — сказал он и развязал гашник, — я этим богат!

— Да эдакой-то мне велик! Посмотри, какая у меня маленькая!

— Дай-ка я попробую: придется ли?

И стал пробовать; х...й у него колом стоит; как махнет ее — ажно из всех сил она закричала:

— Ох, как больно кусается!

— Не бось! Ему места мало, так он и сердится.
— Ну вот, я ведь сказывала, что места-то для него мало!

— Погоди, будет и просторно. — Как пробрал ее всласть, она и говорит: «Ах, душечка! Да твоим богатством можно денежки доставать!»

Покончили и заснули; проснулась она ночью и ну целовать его в жопу — думает в лицо, а он как подпустил сытности — девка и говорит: «Ишь, Ваня, от тебя цингой пахнет!..»

МУЖИК И БАРИН

Пришел барин в праздник к обедне, стоит и молится богу; вдруг откуда ни возьмись — стал впереди его мужик, и этот сукин сын согрешил, так наб...дел, что продохнуть не можно.

«Эка подлец! Как навонял», — думает барин. Подошел к мужику, вынул целковый денег, держит в руке и спрашивает:

— Послушай, мужичок! Это ты так хорошо на...рал?

Мужик увидел деньги и говорит:

— Я, барин!

— Ну вот, братец! На тебе за это рубль денег.

Мужик взял и думает: «Верно, барин уж очень любит б...дех, надо каждой праздник

ходить в церковь да около него становиться: он и всегда по целковому будет давать».

Отошла обедня, разошлись все по домам. Мужик прямо к соседу своему и рассказал, как и что с ним было.

— Ну, брат, — говорит сосед, — теперича, как дождем праздника — пойдем оба в церковь; вдвоем мы еще больше наб...дим; он обем (обоим) нам даст денег!

Вот дождались они праздника, пошли в церковь, стали впереди барина и напустили вони на всю церковь. Барин подошел к ним и спрашует:

— Послушайте, ребята, это вы так хорошо на...рали?

— Мы, сударь!

— Ну спасибо вам; да жалко, со мной теперича денег не случилось. А вы, ребята, как отойдет обедня, пообедайте поплотней да приходите ко мне на дом наб...деть хорошенько, я вам тогда заодно заплачу.

— Слушаем, барин! Нынче же к вашей милости оба прийдем.

Как покончилась обедня, мужики пошли домой обедать, нажрались и к барину. А барин приготовил им добрый подарок — розог да палок; встречает их и говорит:

— Что, ребята, поб...деть пришли?
— Точно так, сударь!
— Спасибо, спасибо вам! Да как же, молодцы, вить надо раздеться, а то на вас одежды много — не скоро дух прошибет.

Мужики поскидали армяки и поддевки, спустили портки и долой рубашки. Барин махнул слугам своим; как они схватили мужиков, растянули их, да начали парить: палок пятьсот задали в спину! Насилу выбрались, да бежать домой без оглядки и одежду-то побросали.

ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Жила-была старуха, у ней была дочь — большая неряха; за что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время — нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж, пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости: эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да сказывает:

— Ах, матушка! Какой у тебя хлеб вкусной, настояще ситной, а у меня такой, что и проглотить не хочется — настояще кирпич.

— Послушай, дочка! — говорит старуха. — Ты, верно, не хорошо месишь квашню, оттого у тебя и хлеб не вкусен; а ты попробуй квашню

вымесить так, чтоб у тебя ж...па была мокра! Так и дело будет ладно.

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить; помесит-помесит, да подымет подол и пощупает: мокра ли ж...па? И опять начнет месить. Часа два так месила, всю ж...пу выпачкала, а узнать не может, мокра ли у ней ж...па или нет. Вот она подняла подол, стала раком и говорит сынишке:

— Подь сюды, посмотри, не видать ли, мокра ли моя ж...па или нет?

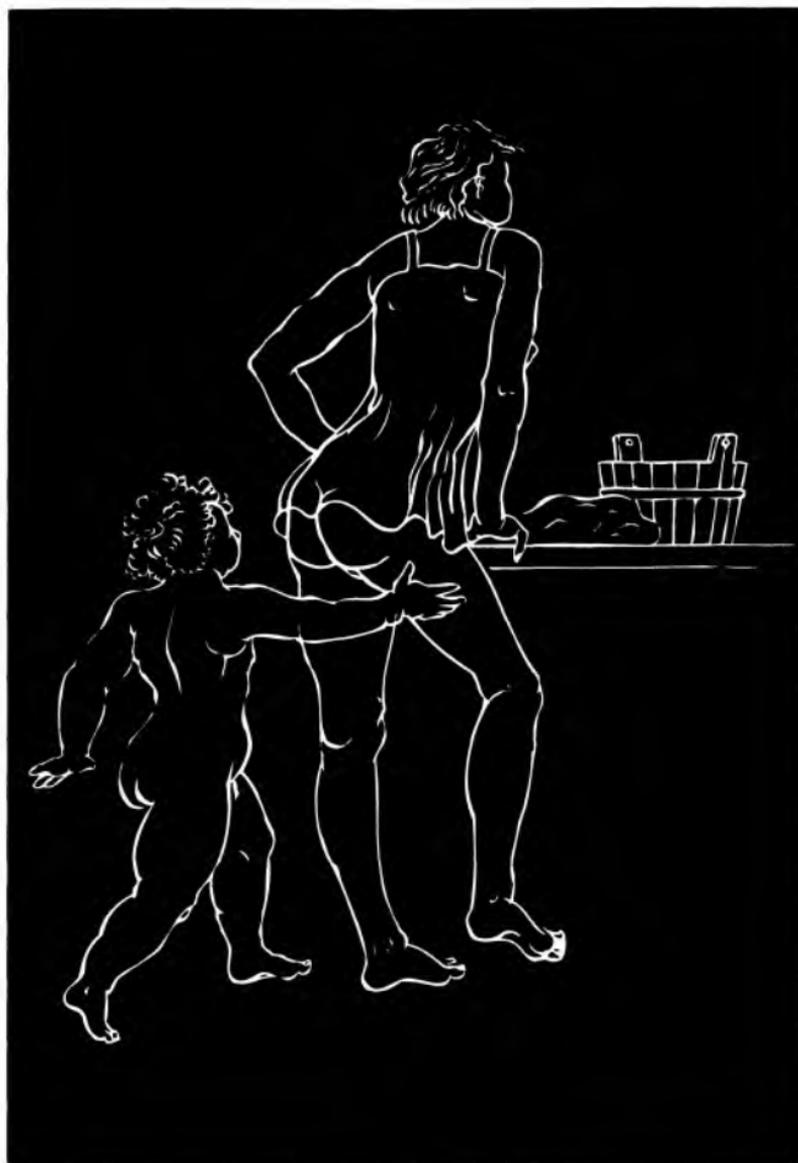
Мальчик посмотрел и говорит:

— Эге, матушка! У тебя две дырки вместе, да обе в тесте!

Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлебы такие вкусные, что если б знали, как она месила, — никто б и в рот не взял.

НЕТ

Жил-был старой барин, у него была жена и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко, он и боится, как бы жена его не стала с кем бляд...вать и говорит:

— Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не принимай к себе, чтоб они тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни сказывал — отвечай все нет да нет!

Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит себе по саду; а мимо на ту пору проезжал офицер. Увидел барыню такую славную и стал ее спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, какая это деревня?

Она ему отвечает:

— Нет!

«Что бы это значило? — думает офицер, — о чем ее не спросишь — она все нет да нет»

Только офицер не будь промах:

— Ежели, говорит, я слезу с лошади да привяжу ее к забору — ничего за это не будет?

А барыня:

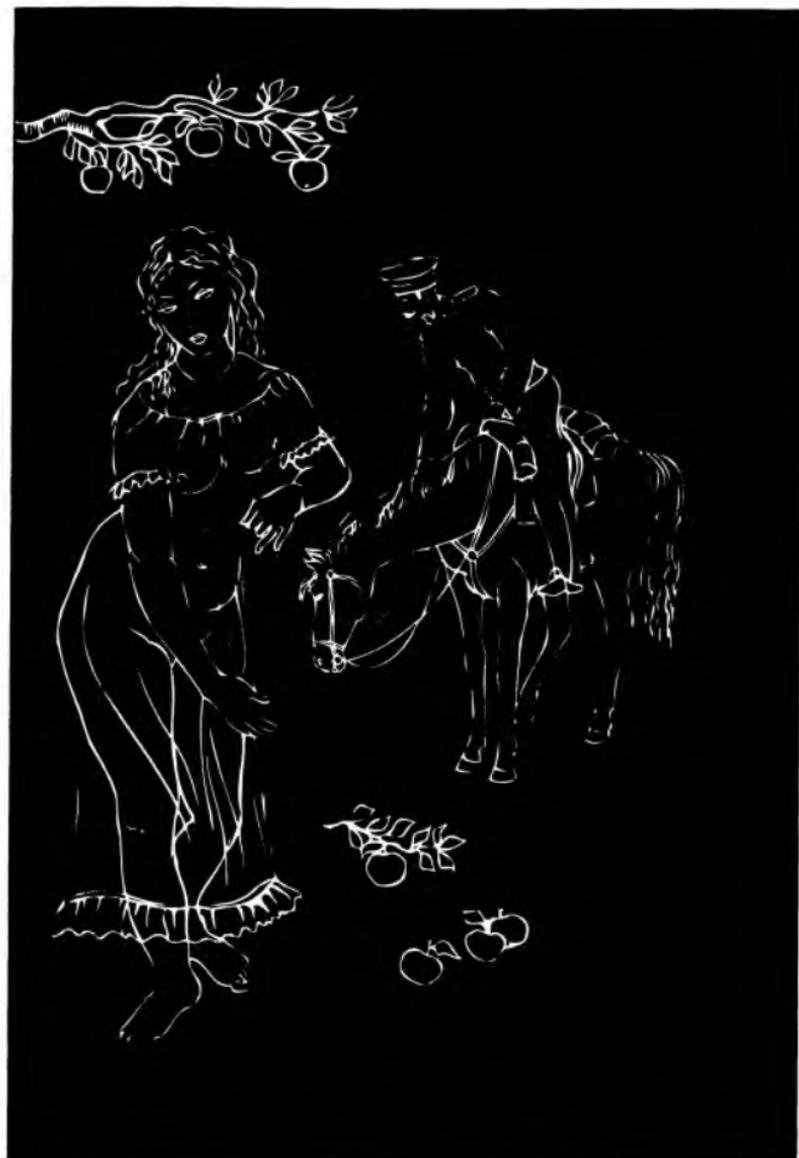
— Нет!

— А если взойду к вам в сад — вы не рассердитесь?

— Нет!

Он вошел в сад.

— А если я с вами стану гулять — вы не прогневаетесь?

— Нет!

Он пошел рядом с нею.

— А если возьму вас за ручку — не будет вам досадно?

— Нет!

Он взял ее за руку.

— А если поведу вас в беседку — и это ничего?

— Нет!

Он привел ее в беседку.

— А если я вас положу и сам с вами лягу — вы не станете противиться?

— Нет!

Офицер положил ее и говорит:

— А если я вам да заворочу подол, вы, конечно, не будете сердиться?

— Нет!

Он заворотил ей подол, поднял ноги покруче и спрашивает:

— А если я вас да стану есть — вам не будет неприятно?

— Нет!

Тут он отработал ее порядком, слез с нее, полежал да опять спрашивает:

— Вы теперь довольны?

— Нет!

— Ну, когда нет, надо еще есть. — Отзудил еще раз и спрашивает:

— А теперь довольны?

— Нет!

Он плюнул и уехал, а барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и говорит жене:

— Ну что, все ли у тебя благополучно?

— Нет!

— Да что же? Не по...б ли тебя кто?

— Нет!

Что ни спросит, она все: нет да нет; барин и сам не рад, что научил ее.

МУЖ НА ЯЙЦАХ

Жил мужик с бабою, мужик был ленивой, баба работящая. Вот жена землю пашет, а муж на печи лежит. Раз как-то и поехала она орать землю, а мужик остался дома стряпать да цыплят пасти, да и тут ничего не сделал: завалился спать и проспал цыплят: всех их ворона перетаскала: бега-ет по двору одна квочка да кричит себе, а ему хоть трава не расти. Вот приехала хозяйка и спрашивает:

— А где у тебя цыплята?

— Ах женушка, беда моя! Я уснул, а ворона всех цыплят и перетаскала.

— Ах ты, пес эдакой! Ну-ка, ку...вин сын, садись на яйца, да высиживай сам цыплят.

На другой день жена поехала в поле, а мужик взял лукошко с яйцами, поставил на полатях, скинул с себя портки и сел на яйцах. Вот баба, не будь дура, взяла у отставного солдатыка шинель и шапку, нарядилась, приезжает домой и кричит во все горло:

— Эх, хозяин! Да где ты?

Мужик полез с полатей и упал вместе с яйцами наземь.

— Это что делаешь?

— Батюшка служивой! Домовничаю.

— Да разве у тебя жены нету?

— Есть, да в поле работает.

— А ты что сидишь дома?

— Я цыплят высиживаю.

— Ах ты сукин сын! — И давай его плетью дуть изо всех сил да приговаривать:

— Не сиди дома, не высиживай цыплят, а работай да землю паши.

— Буду, батюшка, и работать и пахать, ей-Богу, буду!

— Врешь, подлец!

Била его баба, била, потом подняла ногу.

— Посмотри, сукин сын! Был я на стражении, так меня ранили — что, подживает моя рана? Али нет?

Смотрит мужик жене в пи...ду и говорит:

— Заволакивает, батюшка!

Баба ушла, переделалась в свою бабую одежду и назад домой, а муж сидит да охает.

— Что ты охаешь?

— Да приходил солдат, всего меня плетью избил.

— За что?

— Велит работать.

— Давно бы так надо! Жалко, что меня дома не было, я бы попросила еще прибавить.

— Ну, да ладно же, и он издохнет!

— Это отчего?

— Да был он на стражении, там его промеж ног... он мне показывал свою рану да спрашивал: «Подживает ли?» Я сказал: «Заволакивает — только больно рдится, а кругом мохом обросло!»

С тех пор стал мужик работать и на пашню ездить, а баба домовничать.

ОХОТНИК И ЛЕШИЙ

Ходил охотник по лесу, ходил-ходил и ничего не убил, нарвал орехов и грызет себе. Попадается ему навстречу дедушка леший.

— Дай, — говорит, — орешков.

Он дал ему пулю. Вот леший грыз ее, грыз, никак не сладит и говорит:

— Я не разгрызу!

Охотник ему:

— Да ты выхолощен или нет?

— Нет!

— То-то и есть!

— Давай я тебя охолощу, так и станешь грызть орехи.

Леший согласился. Охотник взял, защебил ему х...й и муде между осинами.

— Пусти, — кричит леший, — пусти! Не хочу твоих орехов.

— Врешь, будешь грызть!

Вырезал ему яйца, выпустил и дал взаправский орех. Леший разгрыз.

— Ну вот, ведь я сказывал, что будешь грызть!

Пошел охотник в одну сторону, а леший пошел в другую сторону и грозит ему:

— Ну, ладно! Придешь овин сушить, я сыграю с тобою штуку!

Пришел охотник домой, сел на лавку и говорит:

— Ох жена! Я устал, поди-ка ты овин сушить.

Баба пошла в овин, развела огонь и легла у стенки. Вот приходят два лесовика и говорят промеж себя:

— Давай-ка зажгем овин!
— Нет, давай наперво посмотрим, такова ли у него рана, какую он у тебя сделал?

Посмотрели.

— Ну, брат! У него еще больше твоей, видишь, как рассажена, больше шапки, да какая красная!

И пошли они прочь — в свой лес.

МУЖИК И ЧЕРТ

Жил-был мужик и посеял он репу. Приходит время репу рвать, а она не поспела; тут он с досады и сказал:

— Чтоб черт тебя побрал!

А сам ушел с поля. Проходит месяц, жена и говорит:

— Ступай на полосу, может статься, наберешь репы.

Отправился мужик, пришел на полосу, видит — репа большая да славная уродилась, давай ее рвать. Вдруг бежит старичок и кричит на мужика:

— Зачем воруешь мою репу?

— Какая твоя?

— А как же, разве ты мне ее не отдал, когда она еще не поспела? Я старался, поливал ее!

— А я сажил.

— Не буду спорить, — сказал черт, — ты точно ее сажил, да я поливал. Давай вот что: приезжай на чем хошь сюда, и я приеду, если ты узнаешь, на чем я приеду, — то твоя репа; если я узнаю, на чем ты приедешь, — то моя репа.

Мужик согласился. На другой день он взял с собой жену и, подойдя к полю, поставил ее раком, заворотил подол, воткнул ей в пи...ду морковь, а волоса на голове растрепал. А черт поймал зайца, сел на него, приехал и спрашивает мужика:

— На чем я приехал?

— А что ест? — спросил мужик.

— Осину гложет.

— Так это заяц!

Стал черт узнавать: ходил, ходил кругом и говорит:

— Волоса — это хвост, а это голова, а ест морковь!

Тут черт совсем спутался.

— Владей, — говорит, — мужик, репою!

Мужик вырыл репу, продал и стал себе жить да поживать.

МУЖИК ЗА БАБЬЕЙ РАБОТОЙ

Жил-был мужик с женою, дождались лета, пришло жни-тво, стали они ходить в поле да жать. Вот каждое утро разбудит баба мужика пораньше; он поедет в поле, а баба останется дома, стопит печку, сварит обед, нальет кувшинчики и понесет в поле мужу обедать да до вечера и жнет с ним в поле. Воротятся вечером домой, а наутро опять то же. Надоела мужику работа; стала баба его будить и посылать на поле, а он не встает и ругает свою хозяйку:

— Нет, бл...дь! Ступай-ка ты наперед, я дома останусь; а то я все хожу на поле рано, а ты спишь только да придешь ко мне уж тады, когда я до-сыта наработаюсь!

Сколько жена ни посылала его, мужик уперся на одном слове:

— Не пойду!

— Нынче суббота, — говорит жена, — надо много в доме работать: рубахи перемыть, пшена на кашу натолочь, квашню растворить, кринку сметаны на масло к завтраму сколотить...

— Я и сам это обделаю! — говорит мужик.

— Ну, смотри ж, сделай! Я тебе все приготовлю.

И принесла ему большой узел черных рубах, муки для квашни, кринку сметаны для масла, проса для каши да еще приказала ему караулить курицу с цыплятами, а сама взяла серп и пошла в поле.

— Ну, еще маленько посплю! — сказал мужик и завалился спать, да и проспал до самого обеда. Проснулся в полдень, видит — работы куча, не знает, за что прежде браться. Взял он рубахи, связал и понес на реку, намочил да так в воде и оставил. — Пушай повымокнет, потом развешу, просохнет и будет готово.

А река-то была быстротекучая, рубахи все за водою и ушли. Приходит мужик домой, насыпал квашню муки, налил водою.

— Пушай киснет!

Потом насыпал в ступу проса и начал толочь, и видит: наседка по сениям бродит, а цыплята все в разные стороны рассыпались. Он сейчас половил цыплят, перевязал их всех шнурочком за ножки и прицепил к курице, и опять начал толочь просо; да вздумал, что еще кринка сметаны стоит, надо сколотить ее на масло. Взял эту кринку, привязал к своей ж...пе: «Я, дескать, буду просо толочь, а смета-

на тем временем станет на ж...пе болтаться, разом и пшено будет готово, и масло спахтано!»

Вот и толчет просо, а сметана на жопе болтается. Тут курица побрела во двор и цыплят за собой потащила. Как вдруг налетел ястреб, ухватил курицу и потащил совсем с цыплятами. Курица завоктала, цыплята запищали; мужик услышал, бросился во двор, да на бегу ударился кринкою об дверь, кринку расшиб и сметану всю пролил. Побежал отнимать у ястреба курицу; а дверей не запер; пришли в избу свиньи, квашню опрокинули, тесто все поели, и, до проса добрались: все пожрали. А мужик курицы с цыплятами не отнял, воротился назад — полна изба свиней, хуже хлева сделали! Насилу вон всех выгнал.

«Что теперича делать-то? — думает мужик. — Придет хозяйка — беда будет!»

Все дело чисто убрал — нет ничего! — Да-ка поеду рубахи из воды вытащу. Запряг кобылу и поехал на реку. Уж он искал-искал белья; нету.

— Да-ка в воде поищу!

Разделся, скинул с себя рубашку и штаны и полез в воду, и пошел бро-

дить, а толку все не добьется: так и бросил! Вышел на берег, глядь — ни рубахи ни штанов нету, кто-то унес.

Что делать-то? Не во что и одеться, надо в деревню голому ехать.

— Нарву-ка я себе, — говорит, — длинной травы, да обвяжу кляц, сяду в телегу и поеду домой, все не так стыдно будет!

Нарвал зеленой травы, обвертел свой х...й и стал отвязывать повод у лошади. Лошадь увидала траву, схватила ее зубами и оторвала со всем х...ем. Заголосил мужик о кляпе, кое-как добрался в избу, залез в угол и сидит в углу.

— Ну что, все приготовил?

— Все, любезная жена!

— Где же рубашки?

— За водой уплыли.

— А курица с цыплятами?

— Ястреб утащил.

— А тесто? А просо?

— Свины съели.

— А сметана?

— Всю разлил.

— А х...й-то где?

— Кобыла съела.

— Экой ты, сукин сын, наделал добра!

ЖЕНА СЛЕПОГО

Жил-был барин с барыней. Вот барин-то ослеп, а барыня и загуляла с одним подьячим.

Стал барин подумывать: не бл...дует ли с кем жена, и шагу не даст ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел. Захотелось ей дать подьячему. Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена свое дело справляет, подьячему поддает. А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится: подьячий на барыне сидит, и рассказывает своей жене:

— Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну, что как теперь откроет Бог слепому глаза, да увидит он — что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет.

— И, душенька! Ведь и нашей сестре Бог увертку дает!

— А какая тут увертка?

— Тогда узнаешь.

На тот грех и открыл Господь слепому барину глаза; увидел он, что на его барыне подьячий сидит, и закричал:

— Ах ты, ку...ва! Что ты делаешь, проклятая бл...дь!

А барыня:

— Ах, как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай-де грех с таким-то подьячим и Господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды Бог дал тебе очи!

ТЕТЕРЕВ

Два дня ходил охотник по лесу — ничего не убил; на третий день дал обещанье: «Что ни убью, то про...бу!» — Пошел в лес, напал на тетерева и убил его. Ворочается домой. Вот увидела из окна барыня, что идет охотник, несет тетерева, и позвала его к себе в горницу.

— Что стоит тетерев? — спрашивает барыня.

— Этот тетерев у меня не продажный, — говорит охотник, — а заветный.

— Какой же завет?

— Да как шел я на охоту, дал обещание, что ни убью, то про...бу.

— Не знаю, как быть, — молвила барыня, — хочется мне тетеревятинки, дюже хочется! Видно, надо делу сбыться. Да мне совестно под тобою лежать...

— Ну, я лягу книзу, а ты барыня, ложись сверху.

Так и сделали.

— Ну, мужик, отдавай тетерева.

— За что я отдам тебе тетерева? Ведь ты меня е...ла, а не я тебя.

Барыне жалко упустить тетерева.

— Ну, — говорит, — полезай на меня!

Мужик и в другой раз отделал барыню.

— Давай тетерева.

— За что я отдам тебе? Мы только поквитались.

— Ну полезай еще раз на меня, — говорит барыня.

Влез охотник на барыню, отработал и в третий раз.

— Ну, давай же теперь?

Как ни жалко было охотнику, а делать нечего — отдал барыне тетерева и пошел домой.

АРХИЕРЕЙСКИЙ СОВЕТ

Жили-были генерал и архиерей, случилось им быть на беседе. Стал генерал архиерея спрашивать:

— Ваше Преосвященство, мы люди грешные, не можем без греха жить, не еть, а как же вы терпите, во всю жизнь не согрешите?

Архиерей отвечает:

— Пришлите ко мне за ответом завтра.

На другой день генерал и говорит своему лакею:

— Поди к архиерею, попроси у него ответа.

Лакей пришел к архиерею, доложил о нем послушник.

— Пусть постоит, — сказал архиерей.

Вот стоял лакей час, и другой, и третий; нет ответа. Просит послушника:

— Скажи опять владыке.

— Пусть еще постоит, — отвечает архиерей.

Лакей долго стоял, стоял, не вытерпел — лег да тут же и заснул и проспал до утра. Поутру воротился к генералу и рассказывает:

— Продержал до утра, а ответу никакого не дал.

— Опять, — говорит генерал, — сходи к нему да непременно попроси ответа.

Пошел лакей, приходит к архиерею, тот его позвал к себе в келью и спрашивает:

— Ты вчера у меня стоял?

— Стоял.

— А потом лег да заснул?

— Лег да заснул.

— Ну так и у меня х...й встанет — постоит, постоит, потом опустится и уснет. Так и скажи генералу.

ПОСЕВ Х...ЕВ

Жили-были два мужика, вспахали себе землю и поехали сеять рожь. Идет мимо старец, подходит к одному мужику и говорит:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, старичок!

— Что ты сеешь?

— Рожь дедушка.

— Ну помоги тебе Бог, зародись твоя рожь высока и зерном полна!

Подходит старец к другому мужику:

— Здравствуй, мужичок. Что ты сеешь?

— На что тебе надо знать! Я сею х...и!

— Ну и зародись тебе х...и!

Старец ушел, а мужики посеяли рожь, заборонили и уехали домой. Как стала весна, да пошли дожди — у первого мужика взошла рожь и густая, и большая, а у другого мужика взошли все х...и и красноголовые, да так-таки всю десятину и заняли: и ногой ступить негде, все х...и! Приехали мужики посмотреть, какво их рожь взошла; у одного дух не нарадуется, глядя на свою полосу, а у другого так сердце и замирает.

«Что, — думает, — буду я теперича делать с эдакими чертями?»

Дождались мужики — вот и жнитво пришло, выехали в поле: один начал рожь жать, а другой смотрит — у него на полосе поросли х...и аршина в полтора. Стоят себе красноголовые, словно мак цветет. Вот мужик поглазел, поглазел, покачал головой и поехал назад домой; а приехавши, собрал ножи, наточил повострее, взял с собой ниток и бумаги, и опять воротился на свою десятину, и начал х...и срезывать. Срежет пару, обернет в бумагу, завяжет хорошень ниткою и положит в телегу. Посрезывал все и повез в город продавать.

«Да-ка, — думает, — повезу, не продам ли какой дуре хошь одну парочку!»

Везет по улице и кричит во все горло:

— Не надо ли кому х...ев, х...ев, х...ев! У меня славные продажные х...и, х...и, х...и!

Услыхала одна барыня, посылает горничную девушку:

— Поди, поскорее спроси, что продает этот мужик?

Девка выбежала:

— Послушай, мужичок! Что ты продаешь?

— Х...и, сударыня!

Приходит она назад в горницу и стыдится барыне сказать.

— Сказывай же, дура! — говорит барыня, — не стыдись! Ну что он продает?

— Да вот что, сударыня, он, подлец, х...и продает!

— Эка дура! Беги скорей, догони да поторгуй, что он с меня за пару возьмет?

Девка воротила мужика и спрашивает:

— Что парочка стоит?

— Да без торгу сто рублей.

Как только сказала девка про то барыне, она сейчас же вынула сто рублей.

— На, — говорит, — поди, да смотри, выбери какие получше, подлиннее да потолще.

Приносит девка мужику деньги и упрасивает:

— Только, пожалуйста, мужичок, дай каких получше.

— Они у меня все хороши уродились!

Взяла горничная пару добрых х...ев, приносит и подает барыне; та посмотрела, и показались ей очень. Сует себе куда надеть, а они не лезут.

— Что же тебе мужик сказал, — спрашивает она у девушки, — как командовать ими, чтобы действовали?

— Ничего не сказал, сударыня.

— Эка ты дура! Поди сейчас спроси.

Побежала опять к мужику:

— Послушай, мужичок, скажи, как твоим товаром командовать, чтоб мог действовать?

А мужик говорит:

— Коли дашь еще сто рублей, так скажу!

Горничная скорей к барыне:

— Так и так, даром не сказывает, сударыня, а просит еще сто рублей.

— Таковую штуку и за двести рублей купить — недорого!

Взял мужик новую сотню и говорит:

— Коли барыня захочет, пусть только скажет: «Но-но!»

Барыня сейчас легла на кровать, заворотила свой подол и командует: «Но-но!» Как пристали к ней оба х...я, да как зачали ее жаривать, барыня уж и сама не рада, а вытащить их не может. Как от беды избавиться? Посылает она горничную:

— Поди, догоняй этого сукина сына да спроси у него, что надо сказать, чтоб они отстали!

Бросилась девка со всех ног:

— Скажи, мужичок! Что нужно сказать, чтоб х...и от барыни отстали? А то они барыню совсем замучили!

А мужик:

— Коли даст еще сто рублей, так скажу! Прибегает девка домой, а барыня еле жива на кровати лежит.

— Возьми, — говорит, — в комоде последние сто рублей, да неси подлецу поскорей! А то смерть моя приходит!

Взял мужик и третью сотню и говорит:

— Пусть скажет только: «Тпруу» — они сейчас отстанут.

Прибежала горничная и видит: барыня уж совсем без памяти и язык высунула: вот она сама крикнула на них:

— Тпруу!

Оба х...я сейчас выскочили. Полегчало барыне; встала она с кровати, взяла и припрятала х...и и стала жить в свое удовольствие. Как только захочется, сейчас достанет их, скомандует, и х...и станут ее отрабатывать, пока не закричит барыня:

— Тпруу!*

В одно время случилось барыне поехать в гости в иную деревню, и позабыла она взять эти х...и с собой. Побывала в гостях до вечера, и стало ей скучно: собирается домой. Тут зачали

* Вариант: Мужик учит барыню говорить: «Но-тпруу! но-тпруу!» Скажет: «Но!» — х...й пойдет в дыру; скажет: «Тпруу!» — назад попятится и т.д.

ее упрашивать, чтоб осталась переночевать.

— Никак невозможно, — говорит барыня, — я позабыла дома одну секретную штуку, без которой мне не заснуть!

— Да коли хотите, — отвечают ей хозяйева, — мы пошлем за нею хорошего, надежного человека, чтоб привез ее в целости.

Барыня согласилась. Сейчас нарядили лакея, чтоб оседлал доброго коня, ехал в барынин дом и привез такую-то вещь.

— Спроси, — сказывает барыня, — у моей горничной, уж она знает, где эта штука спрятана.

Вот лакей приехал, горничная вынесла ему два х...я, оба завернуты в бумагу, и отдала. Лакей положил их в задний карман, сел верхом и поехал назад. Пришлось ему по дороге въезжать на гору, а лошадь была ленивая, и только что он начал понукать ее: «Но-но» — как они выскочили оба и ну его зажаривать в ж...пу, холуй ажно испугался! Что за чудо такое, откуда они, проклятые, взялись? Пришло холую хоть до слез, не знает, как и быть! Да стала лошадь с горы спускаться

прытко, так он закричал на нее: — «Тпруу!» Х...и сейчас из жопы и повыскакивали вон. Вот он подобрал их, завернул в бумагу, привез и подает барыне.

— Что, благополучно? — спрашивает барыня.

— Да ну их к черту, — говорит холуё, — коли б на дороге да не гора, они зае...ли бы меня до двора!*

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

а) В некотором царстве, в некотором государстве жили-были три брата крестьянина. Повздорили меж собой и стали делиться. Поделили имение не поровну, старшим досталось много, а третьему по жребью пришлось мало. Все они трое были холостые; сошлись вместе на дворе и говорят промеж себя:

— Пора-де нам жениться.

— Вам хорошо, — говорит меньшей брат, — вы богаты и у богатых сосватались, а мне-то что делать? Я беден, нет у меня ни полена, только и богатства что х...й по колена!

---

* Вариант: Барыня наказывает лакею привезти свой секрет в ящике, да никак не заглядывать туда, не любопытствовать, что такая за штука. Лакей не утерпел и посмотрел, идя дорогою: как увидел, и промолвил, покачав головой: «Ну, ну, ну!» Оба х...я так и всадились ему в ж...пу, и долго его промучили; да спасибо, ехал навстречу мужик на лошади и закричал на нее: «Тпруу!» Тут они и выскочили вон.

В то самое время проходила мимо купеческая дочь, подслушала этот разговор и думает себе: «Ах, кабы мне попасть замуж за этого молодца, у него х...й-то по колено!»

Вот старшие братья поженились, а меньшей ходит холостой. А купеческая дочь как пришла домой, только на разуме и держит, чтобы выйти за него замуж. Сватали ее разные богатые купцы, только не выходит за них.

— Ни за кого, — говорит, — не пойду замуж, кроме такого-то молодца.

Отец и мать ее уговаривают:

— Что ты, дура, задумала? Опомнись! Как можно идти за бедного мужика?

Она отвечает:

— Нужды вам нет до этого, не вам с ним жить!

Вот купеческая дочь подговорила себе сваху и послала к тому парню, чтоб непременно шел ее сватать. Пришла к нему сваха и говорит:

— Послушай, голубчик! Ты что зеваешь? Ступай сватать купеческую дочь, она давно тебя поджидает и с радостью за тебя пойдет.

Молодец сейчас собрался, надел новый армяк, взял новую шапку и по-

шел прямо на двор к купцу сватать за себя его дочь. Как увидела его купеческая дочь и узнала, что это подлинно тот самый, у которого х...й по колена, не стала и разговаривать, начала просить отца, матери их родительского навеки нерушимого благословения. Легла она спать с мужем первую ночь и видит, что у него ху...шка так себе, меньше перста.

— Ах ты подлец! — закричала на него. — Ты хвастался, что у тебя х...й по колена. Где же ты его дел?

— Ах, жена, сударыня, вить ты знаешь, что я холостым был оченно беден, как стал собираться играть свадьбу — денег у меня не было, не на что было подняться, я и отдал свой х...й под заклад.

— А за сколько ты его заложил?

— Не за много, всего за пятьдесят рублей.

— Ну, хорошо же, завтра пойду я к матушке, выпрошу денег, и ты непременно выкупи свой х...й, а не выкупишь — и домой не ходи!

Дождалась утра и сейчас побежала к матери и говорит:

— Сделай милость, матушка, дай мне пятьдесят рублей, оченно нужно!

— Да скажи, на что нужно-то?

— А вот, матушка, для чего; у моего мужа был х...й по колена, да как стали мы играть свадьбу,

ему, бедному, не на что было подняться, он и заложил его за пятьдесят рублей. Теперича у моего мужа ху..шка так себе, меньше перста, так непременно надо выкупить его старый х...й!

Мать, видя такую нужду, вынула пятьдесят рублей и отдала дочери. Та прибегает домой, отдает деньги мужу и говорит:

— Ну, ты теперича беги как можно скорей, выкупи свой старый х...й, пускай чужие люди им не пользуются!

Взял молодец деньги и пошел с очей долой; идет и думает: «Куда мне теперича деваться? Где такого х...я жене достать? Пойду куда глаза глядят».

Шел он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль и повстречал старуху.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, добрый человек! Куда путь держишь?

— Ах, бабушка, коли б ты знала, ведала мое горе, куда я иду!

— Скажи, голубчик, твое горе, может, я твоему горю и пособлю.

— Сказать-то стыдно!

— Небось не стыдись, а говори смело.

— А вот, бабушка, похвастался я, что у меня х...й по колена, услышала

эти речи купеческая дочь и вышла за меня замуж, да как ночевала со мной первую ночь и увидела, что ху...шка мой так себе, менее перста, она заартачилась, стала спрашивать: «Куда девал большой х...й?» А я сказал ей, что заложил, дескать, за пятьдесят рублей. Вот она дала мне эти деньги и сказала, чтоб непременно его выкупил; а коли не выкуплю, чтоб и домой не показывался. Не знаю, что моей головушке и делать-то!

Старуха говорит:

— Отдай мне свои деньги, я пособлю твоему горю.

Он сейчас вынул и отдал ей все пятьдесят рублей, а старуха дала ему кольцо.

— На, — говорит, — возьми это кольцо, надевай только на один ноготок.

Парень взял кольцо и надел; как надел на ноготок — х...й у него сразу сделался на локоток.

— Ну что, — спросила старуха, — будет твой х...й по колена?

— Да, бабушка, еще хватил пониже колен.

— Ну-ка, голубчик, надвинь кольцо на целый перст.

Он надвинул кольцо на целый перст — у него вытянулся х...й на семь верст.

— Эх, бабушка, куда ж я его дену? Вить мне с ним беда будет!

А старуха:

— Надвинь кольцо опять на ноготок — будет с локоток. Теперича с тебя довольно! Смотри ж, всегда надевай кольцо только на один ноготок.

Он поблагодарил старуху и пошел назад домой. Идет и радуется, что не с пустыми руками явится к жене. Шел, шел, и захотелось ему поесть. Своротил он в сторону и сел неподалеку от дороги около репейника, вынул из котомки сухариков, размочил в воде и закусил. Захотелось отдохнуть ему; он тут же лег вверх брюхом и любуется кольцом. Надвинул на ноготь — х...й поднялся вверх на локоть, надвинул на целый перст — х...й поднялся на семь верст, снял кольцо и стал ху...шка маленьким по-прежнему да по-старому. Смотрел-смотрел на кольцо, да так и заснул, а кольцо позабыл спрятать, осталось у него на груди. Проезжал мимо в коляске один барин с женою и увидел: спит неподалеку мужик, а на груди у него светится кольцо, как жар горит на солнце. Остановил барин лошадей и говорит лакею:

— Поди к этому мужику, возьми кольцо и принеси ко мне.

Лакей сейчас побежал и принес кольцо барину. Вот они и поехали дальше. А барин любит колючку.

— Посмотри, душенька, — говорит своей жене, — какое славное кольцо. Дай-ка я надену его.

И сразу надвинул на целый перст — у него х...й вытянулся, спихнул кучера с козел и прямо потрафил кобыле под хвост. Кобылу пихает да коляску вперед подвигает. Видит барыня, что беда, крепко перепугалась и кричит громким голосом на лакея:

— Беги скорей назад, к мужику, тащи его сюда!

Лакей бросился к мужику, разбудил его и говорит:

— Иди, мужичок, скорее к барину.

А мужик кольцо ищет.

— Мать твою так, ты кольцо взял?

— Не ищи, — говорит лакей, — иди к барину, кольцо у него, оно, брат, много хлопот нам наделало.

Мужик побежал к коляске, барин просит его:

— Прости меня, пособи моему горю!

— А что дашь, барин?

— Вот тебе сто рублей.

— Давай двести, так пособи!

Барин вынул двести рублей, мужик взял деньги да стащил у барина с руки кольцо — х...я как не бывало, остался у барина его старый

ху...шка*, барин уехал, а мужик пошел со своим кольцом домой.

Увидала его жена в окошечко, выбежала навстречу.

— Ну что, — спрашивает, — выкупил?

— Выкупил!

— Ну покажь!

— Ступай в избу, не на дворе же тебе показывать.

Вошли в избу: жена только и твердит:

— Покажь да покажь.

Он надвинул кольцо на ноготь, стал х...й у него с локоть: вынимает из порток и говорит:

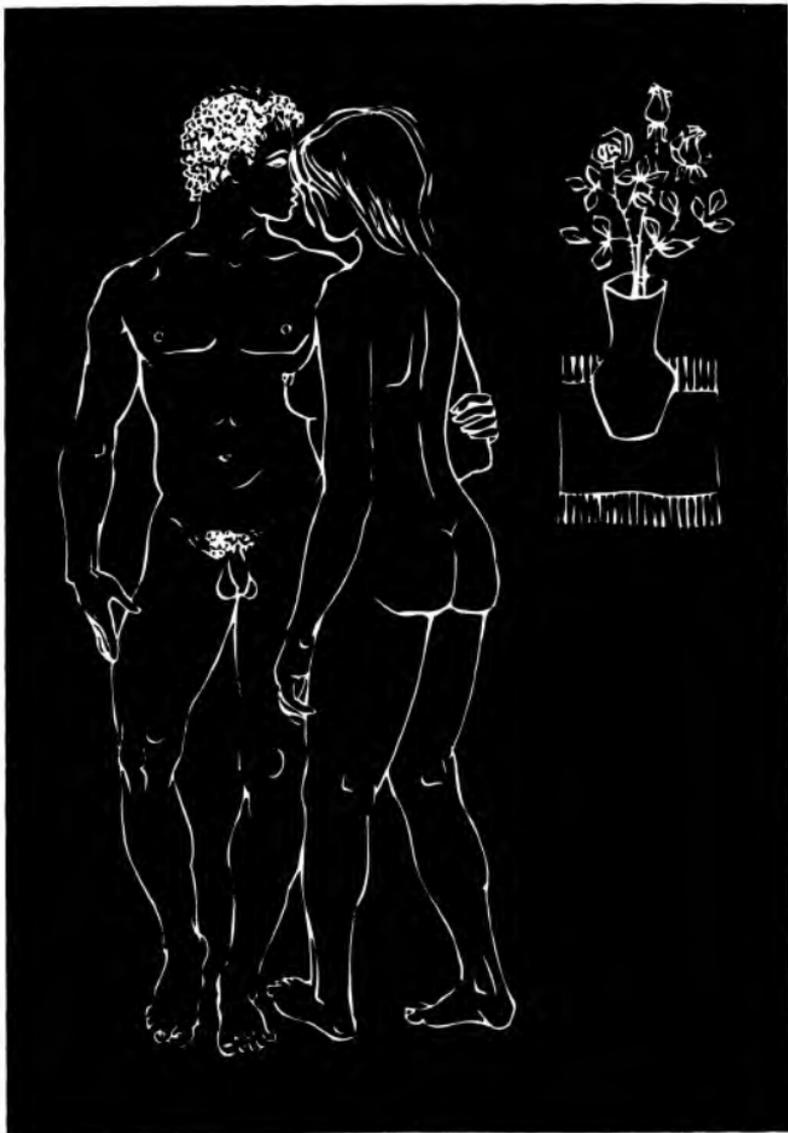
— Смотри, жена.

Она зачала его целовать.

— Вот муженек! Пускай лучше эдакое добро при нас будет, чем в чужих людях. Давай-ка поскорее пообедаем, ляжем, попробуем!

---

* Вариант: Мужик устал дорогою, лег в стороне и заснул, а кольцо забыл снять с пальца; вот кольцо и сдвинулось с ноготка на палец — х...й и протянулся на семь верст, лежит через дорогу, словно дубовая колода. Вдруг скачет во весь дух на тройке добрых лошадей молодой барин, наскочил на х...й — крик — ось пополам! Что за диво такое? Пошли и добрались по х...ю до мужика. Разбудил его барин: «Отчего, скажи, у тебя х...й такой большой?» Мужик рассказал. «Продай мне кольцо». — «Купи». — «Что стоит?» — «Сто рублей!» Барин заплатил и поехал. Дорогой надел кольцо на весь палец и не знает, что делать с х...ем; не рад и кольцу. Опять к мужику: «Сделай по-старому.» А тот взял еще сто рублей и снял кольцо с руки барина.

Сейчас наставила на стол разных кушаньев и напитков поить да кормить его. Поит да кормит его. Пообедали и пошли отдыхать. Как пробрал он жену своим х...ем, так она целых три дня под подол себе засматривала, все ей мерещится, что промеж ног торчит!

Пошла она к матери в гости, а муж тем времечком вышел в сад и лег под яблоней.

— Что же, — спрашивает мать у дочери, — выкупили х...й-то?

— Выкупили, матушка!

Вот купчиха только о том и думает, как бы ухитриться сбегать к зятю, покудова дочь здесь, да попробовать его большого х...я. Дочь-то заговорила, а теща-то и удрала к зятю, прибежала в сад, смотрит — а зять спит себе, кольцо у него надето на ноготок — х...й стоит с локоток.

«Дай-ка я тепереча залезу к нему на х...й», — думает теща, влезла и давай на х...ю покачиваться, вот на ту беду надвинулось как-то кольцо у сонного зятя на целый перст, и потащил х...й тещу вверх на семь верст.

Дочь видит, что мать куда-то ушла, догадалась и бросилась домой, в избу

— нет никого, она в сад — смотрит — муж спит, его х...й высоко торчит, а наверху чуть-чуть видно тещу. Как ветром поддаст — она так и завертится на х...е, словно на рожене. Что делать, как матушку с х...я снять? Набежало на то место народу видимо-невидимо, стали ухитряться да раздумывать. Одни говорят:

— Больше нечего делать, как взять топор, да х...й подрубить.

А другие говорят:

— Нет, это не годится! За что две души погубить: как срубим х...й, ведь баба на землю упадет — убьется. Лучше миром помолиться, авось каким чудом старуха с х...я свалится!

На ту пору проснулся зять, увидел, что у него кольцо надето на весь перст, а х...й торчит к небу на семь верст, и крепко прижал его самого к земле, так, что и повернуться на другой бок нельзя! Начал потихоньку кольцо с пальца сдвигать, стал у него х...й убывать. Сдвинул на ноготь — стал х...й с локоть, и видит зять, что на х...е теща торчит.

— Ты, матушка, как сюда попала?

— Прости, зятюшко, больше не стану!*

---

* Вариант: зять лег спать в избе, х...й у него стоял по локоть; теща в зарод вошла, влезла на х...й к нему и ну покачивать; кольцо сдвинулось, х...й поднялся выше и выше, проломил потолок, пробил крышу и высунулся с тещею поверх трубы.

б) Был-жил портной, у него было такое волшебное кольцо: как наденешь на палец, так х...й вырастет! Случилось ему работать у одной барыни, а он был такой весельчак да шутник: когда спать ложился, никогда своего х...я не закрывал. Вот эта барыня увидала, что у него х...й очень велик, позадорилась на эдакую сбрую и позвала его к себе*.

— Послушай, — говорит, — согласишься сделать со мной грех, хоть один раз.

— Отчего не так, барыня! Только с уговором: чур не пе...деть! А если упе...днешься, то с тебя триста рублей!

— Хорошо, — сказала барыня.

Легли они, вот барыня всячески старается, чтобы как можно под портным не ус...аться, и приказала своей горничной девке приготовить большую луковицу и заткнуть ей ж...пу и покрепче придерживать обеими руками. Воткнула барыне в ж...пу луковицу и стала придерживать; а портной как взобрался на нее, как напер — куда к еб...ной матери и луковица вылетела,

* Жил-был Иван бедной, у него х...й медной, плешь полуженная. Нанялся у купца в работники; стал один раз мочиться; увидала купеческая дочь, что у него х...й велик, и пошла за него замуж. У Ивана было волшебное кольцо (далее история с тещею).

да прямо в горничную, так ее до смерти и убила! Пропало у барыни триста рублей. Взял портной деньги и пошел домой. Шел, шел, долго ли, коротко ли, и лег в поле отдохнуть, надел на палец свое кольцо — у него х...й и протянулся на целую версту, лежал-лежал, да так и заснул. Откуда ни возьмись семь волков, стали х...й глотать, одной плечи не съели — и то сыты наелись. Проснулся портной — будто мухи кляп покусали. Снял с руки кольцо, спрятал в карман и пошел в путь-дорогу. Шел-шел и зашел ночевать к одному мужику, а у того мужика была жена молодая, до больших х...ев великая охотница. Лег портной спать на дворе и выставил х...й наружу. Увидала мужикова жена: как ухитриться? Подошла, заворотила подол и наставила чужой х...й в свою пи...ду. Портной видит — дело ладно, стал потихоньку кольцо на палец надевать — стал у него х...й больше да больше вырастать, поднял ее на целую версту. Пришлось бабе не до е...ли, уцепилась за х...й обеими руками. Увидали хорошие люди, соседи, знакомые, что баба на х...ю торчит.

— Давай молебен служить, обое целы будут!

Стал портной помаленьку снимать с руки кольцо, х...й понизился, баба свалилася.

— Ну, нена...бная пи...да! Смерть бы твоя была, коли б х...й подрубили.

РАЗЗАДОРЕННАЯ БАРЫНЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил богатый мужик, у него был сын по имени Иван.

— Что ты, сынок, ничем не займешься? — говорит ему отец.

— Еще поспею! Дай-ка мне сто рублей денег да благослови на промысел.

Дал ему отец сто рублей денег. Пошел Иван в город. Идет мимо господского двора и увидел в саду барыню: очень из себя хороша! Остановился и смотрит сквозь решетку.

— Что ты, молодец, стоишь? — спросила барыня.

— На тебя, барыня, засмотрелся! Уж больно ты хороша! Коли б ты мне показала свои ноги по щиколотки, отдал бы тебе сто рублей!

— Отчего не показать! На, смотри, — сказала барыня и приподняла свое платье. Отдал он ей сто рублей и воротился домой.

— Ну, сынок, — спрашивает отец, — каким товаром занялся? Что сделал на сто рублей?

— Купил место да лесу для лавки. Дай еще двести рублей, надо заплатить плотникам за работу.

Отец дал ему денег, а сын опять пришел и стоит у того же сада. Барыня увидела и спрашивает:

— Зачем, молодец, опять пришел?

— Пусти меня, барыня в сад, да покажи свои коленки, отдам тебе двести рублей.

Она пустила его в сад, приподняла подол и показала свои коленки. Парень ей отдал деньги, поклонился и воротился домой.

— Что, сынок, устроился?

— Устроился, батюшка, дай мне триста рублей, я товару накуплю.

Отец дал ему триста рублей. А сын сейчас отправился к барынину саду. Стоит и глядит сквозь решетку.

А отец думает: «Дай-ка схожу, посмотрю на его торговлю».

Пошел за ним следом и посматривает.

— Зачем, молодец, опять пришел? — спросила барыня.

Парень отвечал ей:

— Не во гнев тебе, барыня, сказать, позволь поводить мне х...ем по твоей пи...де, я за то дам тебе триста рублей.

— Пожалуй.

Пустила в сад, взяла деньги и легла на траву: а парень скинул портки и стал ее х...ем по губам поваживать и так раззадорил, что барыня сама просит:

— Ткни в серединку! Пожалуйста, ткни!

А парень не хочет:

— Я просил только по губам поводить.
— Я отдам тебе назад все твои деньги,
— говорит барыня.

— Не надо!

А сам все знай поваживает по губам-то.

— Я у тебя шестьсот взяла, а отдам тысячу двести, только ткни в серединку!

Отец глядел-глядел, не вытерпел и закричал из-за решетки:

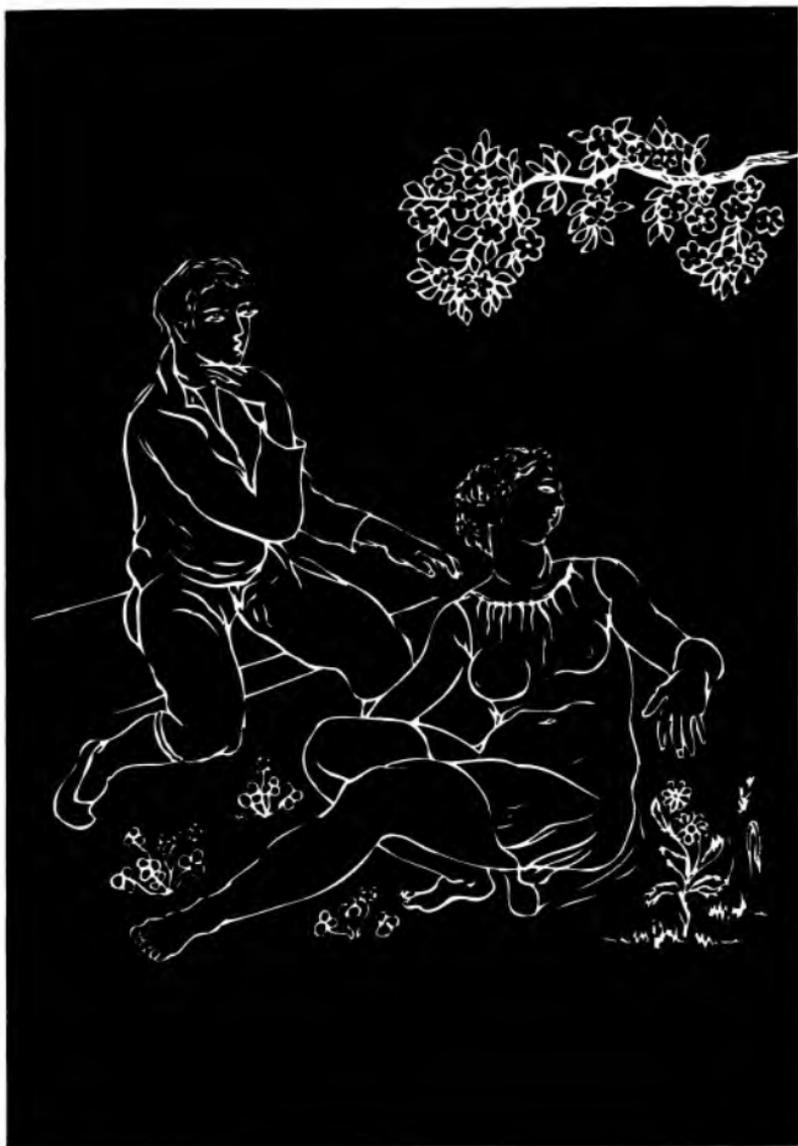
— Бери, сынок, копейка на копейку хороший барыш!

Барыня услышала, да как вырвется и убежала. Остался парень без копейки и заругался на отца:

— Кто просил тебя кричать-то, старый хрен!

ПО-СОБАЧЬИ

В некотором царстве жил-был дворянин, у него была дочь-красавица. Пошла она как-то погулять, а лакей идет за ней позади да думает: «Экая ловкая штука! Ничего б, кажись, не желал в свете, только б отработать ее хоть один разок, тогда б и помирять не страшно было!»

Думал, думал, не вытерпел и сказал потихоньку:

— Ах, прекрасная барышня, шаркнул бы тебя хоть по-собачьи!

Барыня услышала эти слова и как воротилась домой, дождалась ночи и позвала к себе лакея.

— Признавайся, мерзавец, — говорит ему, — что ты говорил, как я гулять ходила?

— Виноват, сударыня! Так-то и так-то говорил.

— Ну, коли хотел, так и делай сейчас по-собачьи, не то все папеньке расскажу...

Вот барыня заворотила подол, стала посреди горницы раком и говорит лакею:

— Нагибайся, да нюхай, как собаки делают.

Холуй нагнулся и понюхал.

— Ну, теперича языком лизни, как собаки лижут.

Лакей лизнул раз, и два, и три раза.

— Ну, теперь бегай вокруг меня!

Начал он кругом барышни бегать, обежал разов десяток, да опять пришлось нюхать и лизать ее языком. Что делать? Морщится да нюхает, плюет да лижет.

— Ну, теперича на первый раз будет, — сказала барышня, — ступай, ло-

жись себе спать, а завтра вечером опять приходи.

На другой день вечером опять барышня позвала к себе лакея.

— Что ж ты, мерзавец, сам не идешь? Не всякий же день за тобой посылать? Сам знай свое дело!

Сейчас заворотила подол и стала раком, а лакей стал ей под ж...пою нюхать и языком в пи...де лизать. Обежит кругом ее разов десять да опять нюхает да полижет. Эдак долгое время угощала его барышня, да потом сжалилась, легла на постель, заворотила подол спереди, дала ему разок поеть и простила всю вину. Лакей отработал да и думает: «Ну, ничего, хоть и полизал, да свое взял».

ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец и говорит:

— Послушай, брат, давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит.

— Давай, да как пробу-то сделать?

— А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая

жена пуще станет плакать, та больше и мужа любит.

Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается. А другая прощается, и сама смеется. Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой.

— Ишь как тебя жена-то любит, — говорит один, — как она плакала-то на прощанье, а моя стала прощаться, а сама смеется!

А другой говорит:

— Вот что, брат, теперь нас жены проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают.

— Хорошо.

Воротились к ночи и вошли в город пешие, подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала, смотрят в окно, она сидит себе с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит:

— На, милая, выпей!

Она выпила и говорит:

— Друг ты мой любезный, теперя я твоя.

— Вот какие пустяки: вся моя! Есть чего-нибудь и мужнино!

Она оборотилась к нему ж...пою и говорит:

— Вот ему, бл...дскому сыну, — одна ж...па!

Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях и усердно молится да приготавливает:

— Подаждь, Господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!

— Ну вот, — говорит один купец другому, — теперь поедем торговать.

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо, такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж и домой. Стали собираться назад и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена Богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на одну ж...пу.

— Ведь моя одна ж...па! Так только мне пол-аршина и надобно: я свою ж...пу не хочу паскудить.

Приехали и отдали женам гостинцы.

— Что ж ты купил эдакой лоскут? — говорит жена с сердцем.

— А ты вспомни, бл...дь, как ты сидела с любовником и говорила, что моя только ж...па, ну я свою часть и снарядил! Нашей парчу на ж...пу да и носи!

СТЫДЛИВАЯ БАРЫНЯ

Была-жила молодая барыня, много пере-
бывало у нее лакеев, и все казались ей
похабными, и она прогоняла их от себя.

Вот один молодец и сказал:

— Дай-ка я пойду, к ней наймусь!

Пришел наниматься.

— Смотри, голубчик, — говорит барыня, — я
не пожалею денег, только с тем условием, чтоб
ты не говорил ничего похабного!*

— Как можно говорить похабное.

В одно время поехала барыня в свою вот-
чину, стала подъезжать к деревне, смотрит:
ходит стадо свиней, и один боров взлез на
свинью. И так его с той работы припирало,
что изо рта пена клубом валит. Барыня и
спрашивает лакея:

— Послушай!

— Чего изволите, сударыня?

— Что это такое?

Лакей был не промах.

— А это, — говорит, — вот что: под низом,
должно быть, какая-нибудь родня — сестра или
тетка, а наверху-то брат или племянник; он креп-
ко нездоров, вот она и тащит его домой на себе.

— Да, да, это точно так! — сказала барыня и
засмеялась.

---

* Вариант скоромного

Ехали-ехали, ходит другое стадо, и один бык взлез на корову.

— Ну, а это что такое? — спросила барыня.

— А это вот что: у коровы-то сила плохая, и прокормиться не сможет, кругом себя корм объела и траву общипала, вот бык и попихивает ее на свежую травку.

Барыня опять засмеялась:

— Это точно так!

Ехали-ехали, ходит табун лошадей, и один жеребец взлез на кобылу.

— А это что такое?

— А вон, сударыня, изволите видеть, за лесом-то дым, должно быть, горит что-нибудь; так жеребец и взлез на кобылу пожар поглядеть.

— Да, да, это правда, — сказала барыня, а сама-то смеется, так и заливается.

Опять ехали-ехали и приехали к реке. Барыня и вздумала купаться, велела остановиться и начала раздеваться, да и полезла в воду. А лакей стоит да смотрит.

— Если хочешь со мною купаться — раздевайся скорее!

Лакей разделся и полез купаться. Она увидала у него тот струмент, которым делают живых людей, затряслась от радости и стала спрашивать:

— Посмотри, что это у меня? — а сама на дыру показывает.

- Это колодезь, — говорит лакей.
— Да, это правда! А у тебя что такое висит?
— Это конь называется.
— А что, он у тебя пьет?
— Пьет сударыня; нельзя ли попить в вашем колодезе?
— Ну, пусти его, да чтоб он сверху напился, а глубоко его не пускай!
Лакей пустил своего коня к барыне и стал ее раззадоривать. Стало ее разбирать, стала она приказывать:
— Пушай его дальше, пушай его дальше, чтобы хорошенько напился.
Вот тут-то он натешился: насилу оба из воды вылезли*.

ДОБРЫЙ ОТЕЦ

В одной деревне жил веселый старик. У него были две дочери — хорошие девицы. Знали их подруги и привычны были к ним на поседки схо-

* Вариант: «Что это жеребец делает?» — «Свой табун оглядывает». «Правда, правда». — «Кабы не правда, сударыня, не сказал бы!» Вот петух топчет курицу. «Что это?» — «Нынче день ненастный, так он ее от дождя закрывает». «Правда, правда». — «Кабы не правда, сударыня, не сказал бы!» Вот еще склещились. «Это что?» — «Сегодня канун, а завтра праздник: друг дружку в гости ташат». «Правда, правда».

диться. А старичок сам был до девок лаком, завсегда по ночам, как только они уснут, так и полезет щупать, и какой подол ни заворотит, ту и отработает; а девка все молчит, такое уж заведение было. Ну, мудреного нет, таким образом, может, он и всех-то девок перепробовал, окромя своих дочерей. Вот и случилось, в один вечер много сошлось к ним в избу девок, пряли и веселились, да потом разошлись все по домам: той сказано молотить рано поутру, другой мать ночевать наказала дома, у третьей отец хворает. Так все и разошлись. А старик храпел себе на полатях и ужин проспал, и не видал, как девки-то ушли. Проснулся ночью, слез с полатей и пошел ощупывать девок по лавкам, и таки нащупал на казенке большую дочь, заворотил ей подол и порядком-таки отмахал, а она — спротонок-то отцу родному подмахнула. Встает поутру старик и спрашивает свою хозяйку:

— А что, старуха, рано ли ушли от нас ночевщицы?

— Какие ночевщицы? Девки еще с вечера — все по дворам ушли.

— Что ты врешь! А кого же я на казенке дячил?

— Кого? Вестимо кого, знать, большую дочуху.

Старик засмеялся и говорит:

— Ох, мать ее растак!

— Что, старый черт, ругаешься?

— Молчи, старая кочерга! Я на дочку-то смеюся, ведь она лихо подье...ать умеет.

А меньшая дочь сидит на лавке да обертывает онучею ногу, хочет лапоть надевать, подняла ногу и говорит:

— Ведь ей стыдно не подье...ать-то, люди говорят: девятнадцатый год!

— Да, правда, евто ваше ремесло!

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП РОДИЛ ТЕЛЕНКА

Был-жил поп да попадья. У них был казак (т.е. батрак) Ванька, только житье у них казаку было не очень-то хорошее, больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хвостинку и давай за ними бегать, прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе dokonчили работу и поехали домой. Было темно.

— Ванька, — сказал поп, — не лучше ли нам ночевать в деревне, хоть у Гвоздя, он мужик добрый, да у него и дворто крытой.

— Хорошо, батюшка, — отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился богу, поклонился хозяину и сказал:

— Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: «Садитесь все крещеные», а если скажешь попу: «Садись, отец духовный!», то он рассердится на тебя и не сядет ужинать: он не любит, когда его так называют.

Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол, и когда все было готово, сказал:

— Садитесь, все крещеные, ужинать!

Все сели, кроме попа, он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, ан-то не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа:

— Что, отец Михаил, не сядил с нами ужинать?

А поп отвечал:

— Мне не хочется есть.

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было теплее, чем в избе, поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, кроме квашни с раствором. Поп стал будить казака.

— Что, батюшка, надобно?

— Казак, мне есть хочется.

— Ну, так что не ешь, в квашне тот же хлеб, что и на столе, — сказал Ванька и сошел с полатей, наклонил квашню и говорит:

— Будет с тебя!

Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул. В это время отелилась на дворе корова и стала мычать, хозяйка услышала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную, пихнула его на печь к попу, а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком, схватил рукою теленка и стал будить казака.

— Что опять понадобилось? — сказал Ванька.

А поп:

— Ванька, ведь у меня на печи теленок, и не знаю, откуда он явился.

— Вот еще что выдумал! Сам родил теленка, да и говорит: не знаю, откуда взялся.

— Да как же это так могло случиться? — спрашивает поп.

— А вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! Вот теперь и родил теленка.

— Ванька, как бы сделать, чтобы попадья не узнала?

— Давай триста рублей, все сделаю, никто не узнает!

Поп согласился.

— Смотри же, — говорит казак попу, — ступай теперь тихонько домой да надень вместо сапогов мои липовки.

Только что ушел поп, казак тотчас к хозяину:

— Ах, вы, ослы, ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги, ступайте — посмотрите.

Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтобы обделал дело так, чтобы никто про это не узнал. Ванька все обещал сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит:

— Батюшка! Теленка-то хозяин хочет привезти к попадье да сказать, что ты его родил!

Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько.

— Ступай себе, все сделаю, — сказал казак и поехал опять к мужику.

— Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет!

Этот простофиля дал казаку еще сотнягу:

— Только обмани попадью да никому не сказывай!

— Хорошо, хорошо, — сказал казак, приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать*.

ПОП И ЗАПАДНЯ

В одной деревне был мужик, промыслом мясник: бил он скотину да продавал говядину, а мясо хранил в сарае. Только в этом сарае было окно, и повадились туда лазить собаки и кошки таскать мясо. Вот мужик и поставил в окне капкан: прибежала попова собака и попала в капкан, да подохла. Жалко попу собаки, да делать нечего, купил другую и боится:

— Как бы и эта не пропала.

Думал-думал, как бы пособить горю да насмеяться над мужиком, и надумался: пришел к сараю,

---

* Записана в Вологодской губернии.

скинул штаны, влез в окно и ну срать в капкан, а капкан как спустится да как схватит попа за м...де — закричал он благим матом. Прибежал мужик.

— Ах, мать твою разэдак, какой черт тебя сюда занес? Уж и впрямь дурья порода!

Сбежался народ, кое-как отцепили попу, а он тут же издох, так и повалился!

ПОП, ПОПАДЬЯ, ПОПОВНА И БАТРАК

Собрался поп нанимать себе работника, а попадья ему приказывает: — Смотри, поп, не нанимай похабника: у нас дочь невеста!

— Хорошо, мать! Не найму похабника.

Поехал поп, едет себе путем-дорогою, вдруг попадается ему навстречу молодой парень, идет пешком-шажком.

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

— Хочу, батька, в работники наниматься.

— А я, свет, еду искать работника, наймись ко мне.

— Изволь, батька!

— Только с тем уговором, свет, чтобы по-соромски* не ругаться.

— Я, батька, отродясь не слыхивал, как и ругаются-то!

— Ну, садись со мной: мне такого и надо.

А поп ехал на кобыле: вот он поднял ей хвост и указывает кнутовищем на пи...ду.

— А это, свет, что?

— Пи...да, батька!

— Ну, свет, мне эдаких похабников не надо, ступай куда хошь**.

Парень видит, что дал маху, делать нечего, слез с телеги и стал раздумывать, как бы ухитриться да надуть попа. Вот он обогнал попа стороной, забежал вперед, шубу свою выворотил и опять идет навстречу.

— Здравствуй, батька!

— Здравствуй, свет! Куда Бог несет?

— Да вот, батька, иду наниматься в работники.

— А я, свет, ищу себе работника, иди ко мне жить, только с уговором: не ругаться по-соромски: кто из нас выругается по-соромски, с того сто рублей! Хочешь?

— Изволь, батька, я и сам терпеть не могу таких ругателей!

---

* Вариант: матерным.

** Вариант: Парень спроста отвечает: «Повыше-то ж...па, а ниже пи...да». — «Ну, брат, слезай с телеги долой, да убирайся от греха к х...ю; меня попадья и в избу-то не пустит; она похабного до смерти не любит».

— Ну хорошо! Садись, свет, со мною. Парень сел, и поехали вместе в деревню. Вот поп отъехал маленько, поднял у кобылы хвост и показывает кнутовищем на пи...ду:

— Это, свет, что такое?

— Это тюрьма, батька!

— Ай свет, я такого и искал себе работника.

Приехал поп домой, вошел с батраком в избу, задрал у попадьи подол, показывает на пи...ду пальцем:

— А это что, свет?

— Не знаю, батюшка! Я сроду не видывал такой страсти!

— Не робей, свет! Это тоже тюрьма.

Потом кликнул свою дочь, заворотил ей подол, показывает на пи...ду.

— А это что?

— Тюрьма, батюшка!

— Нет, свет, это подтюрьмок*.

Поужинали и легли спать: батрак влез на печь, собрал поповы носки, на

---

* Вариант: Пришел поп с батраком в избу, попадья села на лавку, подняла подол, расставила ноги и говорит батраку:

— Смотри-ка, что это у меня?

А батрак будто испугался, как побежит из избы вон; она его ухватила:

— Чего ты, глупенький, боишься? Вить это, право, ничего.

А тут еще попова дочь заворотила подол да спрашивает батрака:

дел их на х...й обеими руками и закричал во все горло:

— Батка, я вора поймал! Дуй скорей огня.

Поп вскочил, бегаёт по избе, словно бешеный.

— Не пускай его, держи его! — кричит батраку.

— Небось, не вывернется!

Поп вздул огонь, полез на печь и видит: батрак держится руками за х...й, а на х...ю надеты носки.

— Вот он, батюшка, вишь все носки твои заграбастал; надо наказать его, мошенника!

— Что ты, с ума, что ли, спятил? — спрашивает поп.

— Нет, батка, я не люблю вора́м потачку давать; вставай, мать, давай его, мошенника, в тюрьму сажать.

Попадья встала, а батрак ей:

— Становись-ка скорей раком!

Делать нечего, встала попадья раком, батрак и зачал ее осаживать. Поп видит, дело плохо, и говорит:

— Что ты, свет, делаешь? Ведь ты еб...шь!

— А, батка! Уговор-то был по-соромски не ругаться: заплати-ка сто рублей!

— А у меня-то что?

Батрак дрожит со страху да поглядывает на двор.

— Ну, — говорит попадья, — мы тебя, голубчик, больше страшать не будем; а вот помни, что я тебе скажу: у меня-то меж ног тюрьма, а у дочки-то перетюрьм-тюрьма: кто провинится в воровстве или в чем ином нехорошем — того сюда и посадим!

Пришлось попу раскошелиться, а работник отъ...б попадью, держит х...й в руках да свое кричит:

— Этого тебе, каналья, мало, что в тюрьме сидел, еще в подтюрьмок посажу тебя! Ну-ка, голубушка, — говорит поповне, — отвориай подтюрьмок!

Поставил и ее раком, да зачал осаживать по-своему. Попадья накинулась на попа:

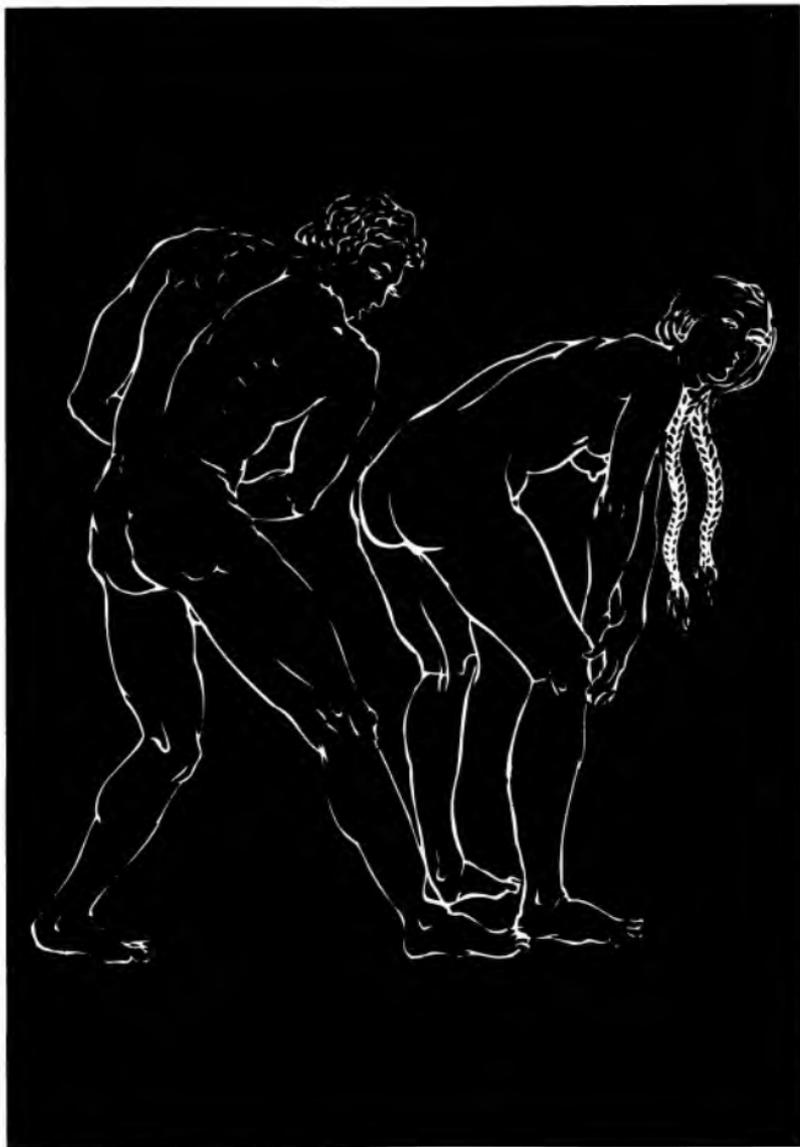
— Что ты смотришь, батька! Ведь он дочь нашу еб...т!

— Молчи, — говорит ей поп, — за тебя заплатил сто рублей, не прикажешь ли заплатить и за нее столько же! Нет, пускай делает, что хочет, а я ничего говорить не стану!

Отработал батрак поповну как нельзя лучше. Тут поп и прогнал его из дому*.

* Вариант: Вот батрак и ухитрился: украл серебряную ложку и привязал ее мочалкою на х...й. Стала обыскивать его попадья, спустила с него портки, увидела ложку, засмеялась и говорит: «Ишь тебя черт догадал! Ведь я же тебе говорила, что за воровство в тюрьму сажают». — «Да я, матушка, и сам ворам не потатчик: за такую вину надо его, подлеца, посадить в перетюрьм-тюрьму». Поп с попадьей видят, куда оно пошло, и говорят: «На первый раз-де и простить можно!» — «Вы-то прощаете, — говорит батрак, — да я-то не прошу: вить на меня-то худая слава пойдет! В перетюрьм-тюрьму его, бестию!»

Поп и попадья стали его уговаривать, просить да кланяться, и упросили батрака не сажать вора к поповне в перетюрьм-тюрьму, а взять за то сто рублей деньгами. Тем и сказка кончилась.

ПОРосЕНОК

Жил-был в одном селе поп, толоконный лоб, у него была дочка, да такая уродилась прекрасная, что любо-дорого посмотреть. Вот и нанял поп себе батрака: детина ухарской! Живет у попа месяц и другой, и третий. На ту пору у богатого мужика на деревне родила баба: приехал мужик и зовет попа окрестить младенца:

— Да, милости просим, батюшка, пожалуйста вместе с матушкой, не оставьте!

А поповская порода на чужое добро лакома, за чужим угощением обос...аться рада. Вот поп запряг кобылу и уехал с попадьей на крестины, а батрак остался дома вместе с поповною. Захотелось батраку есть, а в печи-то у попадьи было припасено два жареных поросенка.

— Послушай, что я скажу, — стал говорить он поповне, — давай съедим этих поросят, вить попа с попадьей дома нету!

— И то давай!

Он сейчас достал одного поросенка и съели его вдвоем.

— А другого, — говорит он поповне, — я спрячу тебе под подол, чтоб наши не

нашли, да после сами и съедим! А когда поп с попадьею спросят про поросят — заодно скажем, что кошка съела!

— Да как же ты под подол спрячешь?

— Уж не твое дело! Я знаю как.

— Ну, хорошо, спрячь!

Он велел ей нагнуться (встать раком), поднял подол да и давай прятать своего сырого ей в пи....ду.

— Ах, как хорошо ты спрячешь! — говорит поповна. — Да как же я его оттуда выну?

— Ничего, помани только овсом, он и сам выйдет!

Таким манером уважил ее батрак так славно, что она сразу и сделалась беременною. Стало у ней брюхо расти, стала она поминутно на двор бегать: у нее в брюхе шевелится-то ребенок, а она думает — поросенок. Выбежит на крыльцо, поднимет ногу, а сама сыплет на пол овес да манит:

— Чух, чух, чух! — авось выйдет.

Раз как-то и увидал это поп и стал с попадьею думать: «Ведь непременно дочь-то брюхата, давай-ка спросим у нее, с кем ее лукавый стрёс?»

Призвали дочку.

— Аннушка, подь сюда! Что это с тобой? Отчего ты очижелела (отяжелела)?

Она смотрит в оба и молчит.

«Что такое, — думает, — меня спрашивают?»

— Ну скажи же, отчего ты забрюхатила?

Поповна молчит.

— Да говори же, глупая! Отчего у тебя пузо велико?

— Ах, маменька, ведь у меня в животе поросеночек, мне его батрак засадил!

Тут поп ударил себя в лоб, кинулся за батраком, а того и след давно простыл*.

---

* Вариант: У того попа была большая свинья. Только поп с попадшей уехали, она и опоросилась и принесла одиннадцать поросеночков. Поповна и говорит:

— Ведь наша свинья распросталась: ах, как мне поростинки-то захотелось!

А батрак:

— Ну, что же? Возьмем одного, заколем да и зажарим.

— Отец узнает!

— Черта с два! Что он поп, так и узнает! Вить свинья не равно поросится: иной раз принесет 6, а то и 10 поросят и больше!

Вот взяли они одного поросенка, закололи, ошпарили, положили на противень и поставили в печь, да и начадили на всю избу. Только сжарился поросенок, смотрят — а черт попа несет! Что делать? Куда девать поросенка?

— Просунь голову в окно, — говорит поповне батрак, — да смотри, далеко ли отец, а я стану прятать поросенка.

Она высунулась в окошко, а батрак бросил поросенка под рогожу, сам скинул портки и заворотил поповне платье.

— Что ты делаешь?

— Я туда поросенка схороню! Никто не найдет.

Да как запахнул ей, ажно она заохала:

— Ах, как больно! Никак до крови?

— Терпи, уж как-нибудь я его спрячу!

Приехал поп.

— Что у вас чад в избе-то?

— Должно быть, в печи была головешка, — говорит батрак, — ишь и дочка-то ваша угорела, вся из лица переменялась!

ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великий пост: надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкою и пошел к попу.

— Ну говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?

— Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!

— Ну, это дело хорошее! Чай, замерзла?

— Замерзла, все на погребке лежала.

— Ну, когда-нибудь растает!

— Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял на обедне да б...днул.

— Что это за грех? Я и сам один раз в алтаре пе...днул. Это ничего, свет! Ступай с Богом.

Тут начал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено.

— Ах ты, б...дун проклятый! Где ж белорыбица-то?

— Х...я не хочешь ли, пе...дун эдакой.

С того самого часа и забрюхатила поповна. Стал шевелиться у ней в брюхе ребенок, она и говорит батраку:

— Знаешь что? Вить тот поросенок, что ты тогда схоронил ко мне, у меня в брюхе ожил?

— И впрямь?

— Ей-Богу! Так и шевелится.

— Ну, его пирогами можно вымануть!

Вот поповна взяла конец пирога, пошла в сарай к телеге, подняла левую ногу на колесо и кричит:

— Чух, чух, чух!..

ПОП И МУЖИК

а) В некотором царстве, в некотором государстве, а по правде сказать, в том, где мы живем, был-жил мужик, у него была молодая жена; вот муж-то пошел на заработки, а жена осталась дома беременная. А попу давно она приглянулась. И хочется ему, как бы умудриться да мужику в карман на-срать. Дождался он, пришла к нему баба на исповедь.

— Здравствуй, Марья, — говорит поп, — где твой муж теперь?

— Пошел на работу, батюшка!

— Ах, он мошенник! Как же он тебя-то оставил? Ведь он заклал тебе ребенка, да не доделал! Родишь теперь какого-нибудь уroda, безрукого или безногого! И пойдет про тебя худая слава на целый уезд!

Баба была очень проста.

— Что же мне делать, батюшка? Нельзя ли помочь этому горю?

— Похлопотать-то можно, только разве для тебя, а для твоего мужа не в жисть бы не согласился!

— Похлопочить, батюшка! — просит его баба со слезами.

— Ну, так и быть, я тебе ребенка доделаю! Приходи уже вечером к нам в сарай. Я пойду за кормом скотине, тут тебе и исправлю.

— Спасибо, батюшка!

Пришла баба вечером к попу в сарай.

— Ну, ложись, голубушка, хоть на солому.

Легла баба и ноги растопырила: поп отваял ее разов шесть и говорит:

— Ступай домой с Богом! Теперь все благополучно.

Баба стала попу кланяться да благодарствовать.

Вот воротился домой мужик, а баба сидит и губы надула — такая сердитая.

— Что ты рыло-то воротишь? — спросил мужик. — Смотри, как бы я тебе не утер его!

— Поди-кась! Твое дело только гадить! Ишь, пошел из дому, а ребенка так и оставил недоделанным! Спасибо, поп уж смиловался — доделал, а то родила бы тебе урода!

Видит мужик, что поп насрал ему в карман. Погоди же, думает, и я тебе навалю.

Пришло время, родила баба мальчишку; поехал мужик звать попа на крестины. Собрался поп окрестить младенца и сел за стол да стал попивать водочку.

— Эка славная водка! — говорит поп хозяйну. — Ты бы послал кого за попадьей, и она б выпила.

— Я сам пойду за ней, батюшка!

— Поди, свет!

Пришел мужик и зовет попадью.

— Спасибо, что нас не забываешь!

Сейчас оденусь, — говорит попадьа. Стала убираться да наряжаться, положила на лавку золотые серьги, а сама принялась умываться; только смочила глаза водою — а мужик взял и спрятал к себе серьги. Умылась попадьа и давай искать серег — нет нигде.

— Не ты ли, мужичок, взял? — спрашивает она у мужика.

— Как можно, матушка! Я хоть и видел, куда они запропастились, да сказать совестно.

— Ничего, сказывай!

— Ты, матушка, на скамью-то села, а пи...да их и съела!

— Нельзя ли как достать их оттуда-ва?

— Пожалуй, для тебя постараюсь!

Заворотил ей подол, запендрячил и начал валять; отделал раз-другой и вытащил свой кляп и повесил ему на плешь одну сережку.

— Вот достал, матушка!

Слазил на попадью еще раза два, достал и другую сережку.

— Замучился ты, бедной, да уж потрудись еще: третьего года пропал у нас медный чугунок, поищи, нет ли его там!

Отработал ее мужик еще раза два:

— Нет, матушка, не достанешь! Чугун-то, он тут, да повернулся дном кверху, зацепить не за что.

Вот, покончивши это дело, пришла попадья к мужику на крестины да и говорит:

— А ты, батька, чай заждался?

— И то заждался! Тебя, — говорит мужику, — только за смертью посылать!

— Что ты, батька! Вить у меня, было, серьги пропали, я положила их на лавку, да сама-то и села, а пи...да их и съела; спасибо мужику, уж он мне достал!

Поп услышал и надулся, сидит как сыч.

Вот тебе, невестка, на отместку!*

6) Жил мужик с женою. Только ему пришла нужда ехать в Москву; что делать; жена беременна, а ехать надо.

— Ладно, — говорит он жене. — Я поеду в Москву, а ты живи без меня поскромнее да поводержаннее.

* Вариант: Поехала попадья с мужиком на крестины, выехала в чистое поле и слезла до ветру; исправила свое дело и заходила помыть руки хоть в луже: сняла кольцо и положила наземь; мужик взял его и припрятал. Далее рассказ тот же: мужик достает кольцо у попадьи из пи...ды и надевает его себе на х...й.

Сказал и уехал. А дело-то было великим постом. Баба говела и пошла к попу на дух. Баба-то собой была хороша. Вот поп ее на духу и спрашивает:

— Отчего у тебя брюхо велико?

— Согрешила, батюшка, жила с мужем, сделалась тяжела, а теперича он в Москву уехал.

— Как в Москву?

— Да, батюшка.

— А долго ль проездит?

— Почти с год.

— Ах, он мошенник, заделал ребенка и не доделал, вить это смертной грех! Делать нечего, я твой отец духовной и должен тебе доделать, а за хлопоты принеси-ка три холста!

— Сделай божескую милость, — просит баба, — избавь от смертного греха, доделай, а ему, мошеннику, как приедет с Москвы, все глаза выцарапаю!

— Ну, свет, рад послужить тебе; а то грешно, коли до его приезда станешь носить младенца!

Так дело-то и обделалось.

А поп был женатый, и у него были две дочери; вот он и боится, как бы попадя про его шашни не узнала. Хорошо. Приехал мужик с Москвы, а жена

его уж давно родила, только что входит он в избу, баба и напустилась на него:

— Ах, ты сукин сын, мошенник! Наказывал мне жить воздержаннее, а сам у меня ребенка заделал, да не доделал, так и уехал! Спасибо еще: батюшка-поп мне его доделал, а то что бы я стала делать?

Мужик догадался, что дело не ладно, и говорит себе: «Погоди, я его, долгогривого колухана, обтяпаю!»

Случилось в одно время летом, поп служил обедню, а дом его был подле самой церкви. Мужик собирался ехать в поле на пашню, и понадобилась ему борона, а у попа их было три. Мужик пошел к попу в церковь и стал просить борону. Поп рад всячески ему угодить, чтоб только до попадьи не довел мужик его шашней, боится отказать и говорит:

— Возьми хоть все три!

— Да без тебя, батюшка, не дадут; скричи попадью-то хоть из окошка, чтоб все три дали.

— Хорошо, свет, ступай.

Мужик к попадье пришел и говорит:

— Матушка! Батюшка велел вам всем трем мне дать...

— Что ты, свет, с ума, что ли, сошел?

— Спроси его хоть сама, ведь он мне сейчас приказывал.

Попадья и кричит попу: «Поп! Ты велел нам дать мужику?»

— Да, да, все три дайте!

Делать нечего, стали давать мужику по очереди; он начал с попадья, а кончил меньшей поповною и воротился домой. Как только пришел поп от обедни, попадья и давай его ругать:

— Ах ты, черт, колухан! С ума, что ли, спятил! Всех дочерей перепортил; ну меня одну уж так и быть бы, а то всех трех велел ему отделать*.

Поп хватя себя за бороду и побежал к мужику:

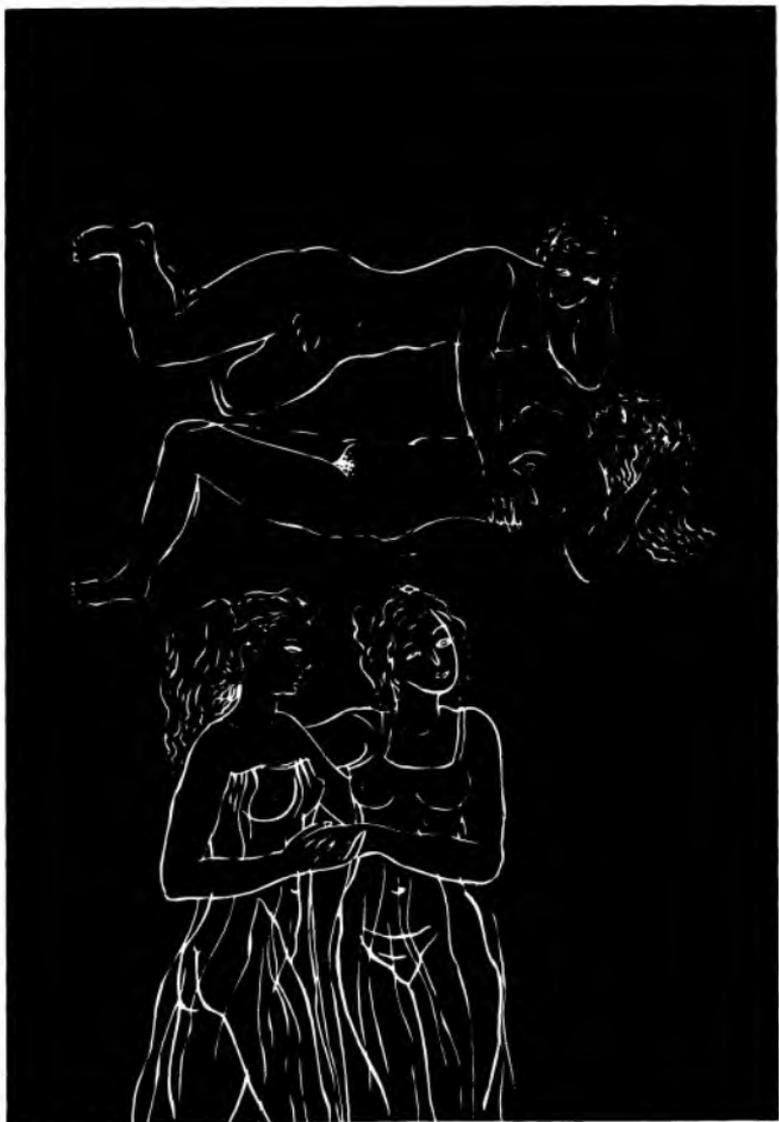
— Я тебя в суд поташу, ты моих дочерей перепортил!

— Не сердись, батяка! — говорит мужик. — Любил чужих ребят доделывать, да еще за труды холстом брал, вот теперя мы с тобой поквитались.

Помирился поп с мужиком и стали жить большими приятелями.

в) Та же интрига в одном варианте выставляется как случившаяся между племянником и дядею, который вздумал доделывать ребенка.

* Сравни со сказкой «Поп и батрак».

Задумал Иван, как бы дяде Кузьме насмешку отплатить. На ту пору Кузьмы дома не было, оставались одни бабы. Ванька взял веревку, привязал корову за рога и повел вдоль деревни. Увидала из окна тетка и говорит:

— Видно, Ванька-то совсем промотался: последнюю корову повел продавать. Сноха, поди-ка спроси его, куда ведет корову?

Сноха выбежала и спрашивает:

— Куда повел корову?

— Да рассердился на жену, так и веду; где-нибудь про...бу!

— Дай ему, сноха! — говорит тетка. — Пусть чужим корова не достанется!

Сноха согласилась.

— Веди корову на двор, — закричала она Ваньке.

Вот он привел ее на двор, привязал к столбу, положил сноху на солому, отделал как надо и хочет зашивать ей пи...ду: вынимает иголку и нитки. Та испужалась да в избу.

— Ну, где ж корова? — спрашивает тетка.

Та чуть не плачет:

— Поди сама! Он отделать-то отделал, да еще хотел пи...ду зашить, очень-де широка!

— Ну, ступай ты, Матрешка! — стала посылать тетка свою дочь-девку, — хоть не задаром твоя честь пропадет, все корову возьмешь!

Пошла Матрешка к Ваньке, он положил ее на солому, отработал и стал вынимать ножик.

— Ах, старая чертовка! — говорит Ванька, — что она на смех высылает? Весь х...й до крови ободрал. Я не пожалею, что родня, разрежу пи..ду-то!

Матрешка испужалась и побежала в избу.

— Сама ступай, старая ведьма! — говорит с плачем матери, — мне и так больно, а он хотел еще ножом резать.

А старуха говорит:

— Уж разве мне пойти — старинкой трянуть!

Пошла к Ваньке, он и ее положил на солому да и стал смеяться.

— У меня-де и дома много в погребу снегу!

Вынул огниво и хочет поджечь солому. Старуха давай Бог ноги, а Ванька отвел свою корову назад домой и пошел навстречу к дяде. Повстречались.

— Здорово, дядюшка!

— Здорово! Спасибо, что без меня в моем дому порядок держал! Да что у тебя волос на голове совсем нету?

— Что делать. Бог взял!

— Хошь, я сделаю, что у тебя на голове будут волосы; только пошепчу тебе в шапку — и дело с концом!

Взял дядину шапку, зашел за куст, нас...ал в нее, застлал сверху травкой и надел дяде на голову.

— Смотри, дядя, трое суток носи, не скидывай!

ПОП И БАТРАК

а) Жил поп с попадьёю; у них были две дочери. Нанял себе поп работника; дождался весны, сам поехал на богомолье, а работнику приказывает:

— Смотри, свет, к моему приезду чтоб ты весь огород скопал и гряды поделал.

— Слушаю, батюшка!

Вот батрак кое-как копал огород колом, да все время и прогулял. Воротился поп, пошел с попадьёй на огород, видит — ничего не сделано.

— Эх ты, свет! Уж ли ты не знаешь, как огороды копают?

— То-то и оно, что не знаю, коли б знал — так бы и сделал.

— Ну, свет, ступай в горницу, спроси у дочерей, чтоб дали тебе железную лопатку, я тебе покажу, как копать-то.

Батрак побежал в горницу прямо к дочерям.

— Ну, барышни, батюшка приказал вам, чтобы вы обе мне дали!

— Чего?

— Сами знаете чего — поеть!

Поповны на него заругались.

— Нечего тут ругаться-то! Батюшка велел, чтобы скорее меня отпустили: надо гряды копать. Коли не верите, сами у него спросите.

Одна сестра сейчас выбежала на крыльцо и кричит:

— Батюшка, вы приказали дать работнику?

— Дайте ему поскорее, что вы его там держите!

— Ну, сестрица! — говорит, воротившись, поповна, — нечего делать — надо ему дать, батюшка приказал.

Тут они обе легли, и работник лихо их отмахал. После того схватил в сенях лопату и побежал к батьке на огород. Поп показал ему, как копать гряды, а сам с попадьей пошел в горницу; смотрит, а дочери плачут.

— О чем вы плачете?

— Как нам не плакать, батюшка! Сам же ты велел работнику над нами насмеяться.

— Как насмеяться?

— Да вить ты велел, чтобы мы ему дали!

— Ну, что же? Я велел дать ему лопату.

— Какую лопату? Он нас обоих перепортил, невинность нашу порушил.

Поп, как услышал это, сильно рассердился; схватил кол и прямо на огород. Батрак видит, что поп с колом бежит к нему — не с добром, бросил лопату и давай Бог ноги от попа бежать. Поп за ним, а батрак шибче, так и укрылся с бабкиных глаз. Пошел поп отыскивать своего батрака. Идет, а навстречу ему мужичок.

— Здравствуй, свет!

— Здравствуй, батюшка!

— Не попадался ли тебе навстречу мой работник?

— Не знаю, какой-то парень пробежал бойко.

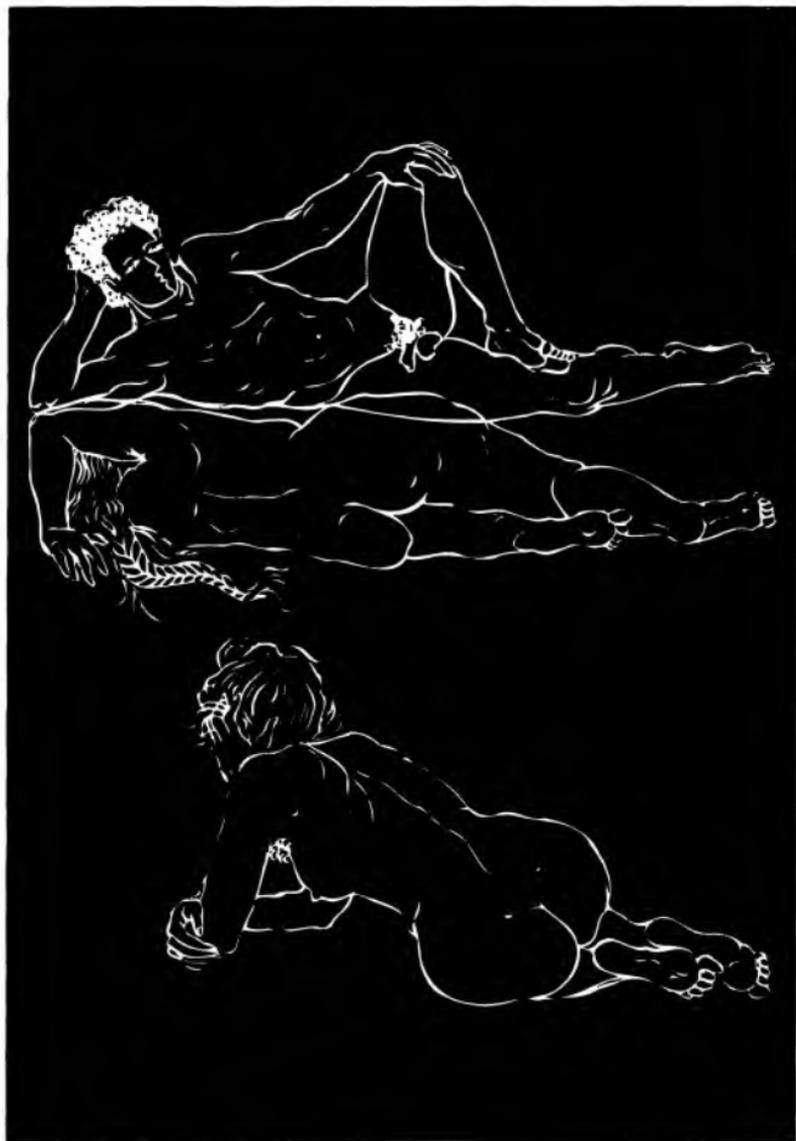
— Это он самой и есть! Пойдем, мужичок, со мною, пособи мне его отыскать, я тебе за то заплачу.

Вот пошли они вместе, прошли немало, и повстречался им цыган.

— Здравствуй, цыган! — говорит поп.

— Здоров бул, батенька!

— Что, не попадался ли тебе навстречу какой парень?

— А, батенька, какой-то проскочил мимо.

— Это он самой и есть! Пособи нам отыскать его, я тебе заплачу за это.

— Изволь, батенька.

Пошли они втроем. А батрак прибежал в деревню, надел на себя другую одежду и сам идет попу навстречу. Поп не узнал его и стал спрашивать:

— Что, свет, не видал ли ты какого мужика по дороге?

— Видел, в деревню побежал.

— Ну, брат, пособи нам его найти.

— Извольте, батюшка.

Пошли все четверо искать попова батрака, пришли в деревню, ходили-ходили до самого вечера: нет толку. Стало темно: где бы переночевать?

Вот приходят они к одной избе, в которой вдова жила, стали проситься на ночлег. Вдова отвечает:

— Добрые люди! У меня эту ночь потоп будет! Пожалуй, еще потонете.

Но сколько она ни отказывалась — не могла отказаться и впустила их на ночь. А к ней в эту ночь обещался прийти любовник. Вот взошли они в избу и легли спать. Поп думает: «Что, коли в самом деле будет потоп?»

Взял большое корыто, поставил на полку и лег в корыте.

«Коли будет потоп, — думает себе, — так я стану в корыте по воде плавать».

Цыган лег на шестке головой в золу; мужик лег за столом на лавке, а попов работник у самого окна на скамье. Только улеглись они и уснули все крепким сном, один работник не спит, и слышит он, что под окошко подошел хозяйкин любовник и стучится:

— Отопри, душенька.

Работник встал, отворил и тихонько говорит ему:

— Ах, миленький мой! Ты пришел не вовремя. Теперича у меня ночуют чужие люди в доме; приходи на ту ночь.

— Ну, миленькая, — говорит любовник, — нагнись в окошко, хоть мы с тобой поцелуемся!

Работник повернулся к окну ж...пою и высунул свою с...аку, любовник и поцеловал ее всласть.

— Ну, прощай, миленькая! Будь здорова, на ту ночь приду к тебе.

— Приходи, душа! Я стану дожидаться, а на прощанье дай, миленький, свой х...й — мне хоть в руках его подержать: все как будто будет повеселее.

Вот он вывалил из штанов на окно свой кляп:

— На, милая, полюбуйся!

А батрак взял тот кляп в руки, побаловал-побаловал, вынул нож из кармана и отхватил у него х...й вместе с мудями. Любовник закричал благим матом — и без памяти домой. Работник затворил окно, сидит себе на лавке и чавкает ртом, будто ест. Мужик услышал, проснулся, да и спрашивает:

— Что ты, брат, ешь?

— Да вот нашел на столе кусок колбасы, только никак не угрызу, такая сырая.

— Даром, брат, что сырая, дай-ка мне кусочек попробовать.

— Э, брат, мне и самому мало! Да, пожалуй, на тебе один конец, ешь на здоровье, — и отдал мужику отрезанный х...й. Мужик с голодухи начал его жевать: грыз-грыз, никак не может откусить и говорит:

— Что, брат, с нею делать? Никак не угрызешь; эдакая сырая!

— Ну, ты положи колбасу в печь, пускай поджарится, тогда ты и съешь.

Мужик встал, подошел к печке и сунул колбасу прямо на цыганские зубы; подержал, подержал и стал пробовать:

— Нет, ничего колбаса не упарилась! Ее и огонь не берет.

— Да полно тебе с нею-то возиться, еще, пожалуйста, хозяйка услышит, забранится. Небось в печке-то огонь весь разгреб, залей его водой, чтоб хозяйка не узнала.

— Да где воды-то искать?

— Ну пос...ы туда! Чем на двор идти, лучше огонь залей.

Мужику крепко хотелось с...ать, и зачал он прямо цыгану в рожу с...ать. Как почувал цыган, что откуда-то вода льет ему прямо в рот, подумал: пришел-де потоп, и стал кричать во все горло:

— Ай, батенька, потоп, потоп!

Поп услышал голос цыгана и захотел спросонок прямо на корыте спуститься на воду, да как шлепнется об пол, все ребра себе и переломал.

— О Боже мой! — кричит поп. — Когда падает малой ребенок, Бог подставляет под него подушку, а как старому придется упасть — так черт борону подставит. Вот теперича я весь разбился! Не найти мне, верно, разбойника, моего батрака.

А работник:

— И не ищи лучше, ступай-ка с Богом домой — будет здоровее!

б) Нанял поп батрака. Раз поутру говорит поп батраку:

— Давай-ка позавтракаем да пойдем молотить.

Сели завтракать, поели того-сего, потом попадьё дала на закуску три яйца, попу два, а батраку — одно. Пошли они на ток молотить, взяли цепи и стали работать; поп ударит цепом два раза, а батрак один раз. Поп видит, что батрак выдает его в работе, рассердился и говорит:

— Что ты, свет, со мною шутишь, что ли? Я как следует молочу, а ты все выжидаешь, я ударю цепом два раза, а ты супротив меня только один раз.

— Послушай, батюшка, — сказал батрак, — когда мы завтракали, так ты два яйца съел, а я одно, оттого и силы у меня меньше!

— Что ж, свет, давно мне этого не скажешь? Я бы приказал матке, чтоб тебе и другое яйцо дала. Ступай в избу да скажи матке, чтоб дала тебе другое яйцо, съешь да и ворочайся назад.

Батрак бросил цеп, прибежал в избу и говорит попадьё:

— Матушка! Поп приказал, чтоб ты мне дала.

— Чего тебе дать?

— Сама догадаешься — вестимо, поеть! Только давай поскорей, батька велел торопиться.

— Что ты, проклятой, с ума спятил? Эдакие речи говоришь?

— Ну, сама спроси у попа, коли не веришь.

Попадья вышла на двор и кричит:

— Послушай, батюшка! Ты велел работнику дать?

— А ты еще не дала? — кричит ей поп. — Дай ему поскорее, да отпусти, пусть молотить идет.

Попадья вошла в избу.

— Ну, правда твоя! — говорит работнику и легла на лавку за столом.

Батрак взлез на нее, живо отмахал, торопится уйти, чтоб поп-то не застал, и прямо с попадьи полез через стол, и тут с его х...я потекло на стол соплей-таки порядочно. Вышел на двор и дал тягу от попа. Вот поп помолотил, помолотил и думает: что такое значит, что по сию пору нет работника, дай схожу за ним. Пришел в избу и спрашивает у попадьи:

— Где же батрак?

— Как обработал, так сейчас и ушел.

Поп думает, что попадья говорит об яйце, подошел к столу и видит, что на столе нагажено, и говорит жене:

— Эка ты ему уважила! Верно, дала яйцо всмятку: ишь, не мог он аккуратно съесть, на стол разлил*.

А попадья посмотрела на стол и говорит:

---

* Вариант: Подошел к столу и говорит: — Ишь ты, мать, с батраком яичницу ела, да разлила!

Взял соли, посолил да и слизал языком.

(Этим и кончается сказка.)

— Эка подлец! Это как он с меня слез прямо через стол, верно, с его х...я натекли сопли; надо убрать.

— Что, что, — спрашивает поп, — что он с тобою сотворил?!

— Да что ты приказал, то он и сотворил — отъ...б меня!

Поп начал на себе длинные волосы рвать и заругался на попадью:

— Ах ты, проклятая бля...ища!

Тотчас запряг он лошадь и поехал нагонять батрака. Батрак увидел попа — взял выпачкался в грязи и сам пошел к нему навстречу.

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет!

— Куда едешь?

— Батрака своего разыскиваю.

— Возьми и меня с собою.

— Да ты кто?

— Грязнов.

— Пожалуй, поедем.

Едут вдвоем, попадается им цыган, тоже назвался с ними ехать. Вот едут втроем, и настигла их ночь. Приехали они к реке и увидели: стоит на берегу избушка, а в той избушке жила вдова, и к ней по ночам ходил любовник. Стали у ней проситься ночевать; она им отказывает:

— Никак нельзя! Нынче ночью зальет мою избу водою — все, пожалуй, сонные потонете!

— Ничего, мы тогда как-нибудь выйдем.

Делать нечего, пустила их ночевать; поп лег на полати.

«Здесь, — думает, — высоко, авось вода не дойдет!»

Цыган привесил корыто к потолку, лег в него и взял нож.

«Когда придет вода, — думает себе, — обрежу веревки и поплыву в корыте».

Хозяйка легла на печке, а батрак хозяйкино-то дело сметил да и лег у окна:

«Пусть вода придет, ведь один раз умирать!»

Вот ночью слышит он: кто-то стучится к нему под окошко.

— Кто там?

— Я, — говорит любовник.

— Ну что ж, принес что-нибудь?

— Принес полштофа водки да колбасу.

— Ну давай!

Тот подал. Батрак взял и говорит ему:

— Мне никак нельзя теперича тебя принять, потому что у меня постояльцы ночуют; а дай хотя для потехи поддержку твой х...й в руках: все легче мне будет!

Любовник вывалил из штанов свой х...й, а батрак взял рукою за х...й покрепче, другую

ищет, нет ли палки его попотчевать; на счастье, и попадись ему ножик. Как он барахнул-то ножом — тот и стоит, словно безумный, без х...я, видит: дело-то плохо, и марш домой!

А батрак сейчас полуштоф побоку, пьет себе да колбасой заедает. А попы на это чутки. Проснулся поп и кричит:

— Грязнов! Что ты ешь?

— Колбасу.

— Дай-ка и мне!

Он ему и подал отрезанный х...й. Поп погрыз, погрыз, да и отдал назад.

— Очень крепка! — говорит.

— Еще не уварилась.

Потом опять заснули все; батрак и вздумал еще подшутить, взобрался на полати и зачал с...ать да наметился прямо попу в рот, а тот как закричит:

— Вода, вода!

Да чебурах вниз головою. А цыган видит, что поп нырнул вниз, сейчас обрезал ножом веревки да и с корытом бац — так и брякнулся об пол. Кое-как повскакивали да бежать вон! А батрак и теперя поживает с этою хозяйкою*.

* Вариант: Шел сапожник дорогою; нагнал его портной и говорит:

— Здравствуй, мир дорогою!

— Здравствуй!

— Нельзя ли пристать к тебе в товарищи?

— Пойдем.

ПОПОВСКАЯ СЕМЬЯ И БАТРАК

В некотором царстве, в нашем государстве жил-был поп с попадьею, у него были три дочери да батрак. Вот этот батрак и задумал: как бы подобраться к поповым дочерям. Попросить он прямо не смел; дождался он праздника, взял с собою котелок и пошел в сарай, налил в котелок воды, разложил огонь и давай кипятить воду. Поп воротился от обедни, сел обедать с женою и дочерьми да спрашивает:

— А где же батрак?

— В сарае, — говорит попадья, — что-то все утро работает.

— Что вы, безбожницы? Послали его работать — эдакой нынче праздник! Или в вас Богато нет?

— Мы его не усылали, он сам пошел.

Идут. Навстречу им немец.

— Здорово, мир дорогою вам, братцы! Не примете ль в товарищи?

— Какие мы тебе товарищи: мы русские, а ты немец!

— Возьмите с собой, братцы!

— Ну, иди!

(Дальнейшая история та же: останавливаются ночевать у вдовы: сапожник у окошка; вдова было не пускать его — куда! Портной на гольце у печки, а немец в корыте, которое привесил к потолку. Приходит любовник.

— Дай, милая! Я хоть тебя поцелую!

Сапожник выставил ему свою ж...пу. Тот поцеловал и говорит:

— Какая у ней морда-то широкая! Дай, еще поцелую!

Сапожник еще выставил ж...пу, а любовник нашел колотушку да как хватит его по ж...пе.

— Ах, мать его так! Ловко поцеловал!

Сапожник с...ыт немцу прямо в рот, тот падает наземь.

— Хитер немец, — говорит сапожник, — а мы его надули.)

— Ступай, — сказал поп старшей дочери, — сходи за ним, чтобы шел обедать.

Поповна побежала в сарай, прибежала и спрашивает:

— Что ты, батрак, варишь?

— Сласть!

— Дай-ка хлебнуть!

— А дай е...нуть!

Поповна заворотила подол, а батрак и ну ее талить, отделал и дал хлебнуть. Она хлебнула:

— Вода как вода! — говорит и ушла назад.

Приходит в избу, поп и спрашивает ее:

— Что же батрак не идет?

— Что-то работает!

— Дура! Ведь я сказал, чтобы все бросил да шел обедать. Поди ты, — говорит поп средней дочери, — гони его сюда!

Побежала средняя дочь и спросила:

— Что ты, батрак, варишь?

— Сласть!

— Дай мне хлебнуть!

— Дай-ка раз е...нуть!

Тут он и эту отвалял и дал после хлебнуть.

— Как есть вода! — говорит поповна и убежала назад.

— Что же батрак? — спрашивает поп.

— Нейдет, что-то все возится!

Послал поп меньшую дочь. Пришла она в сарай и тоже спросила:

— Батрак! Что ты варишь?

— Сладь!

— Дай-ка мне хлебнуть!

— Дай разок е...нуть!

Поповна дала ему разок, хлебнула воды и ушла в избу.

Поп осердился и говорит:

— Все вы дурищи! Поди ты, попадья!

Зови его, чтобы сейчас шел!

Пришла попадья в сарай.

— Что ты, батрак, варишь?

— Сладь!

— Дай отведать — хоть раз хлебнуть!

— Дай е...нуть!

Попадья было заартачилась, а он так — даром не дает попробовать сласти, но уж ей очень захотелось узнать, что такое там варится, попадья и дала ему е...нуть, а потом хлебнула и водицы.

— Ну что, хороша, матушка, моя сладь?

Вылили вместе воду и пошли обедать.

— Что ты, дурак, долго не шел; ныне грешно работать! — сказал поп.

Стали обедать, вот подали пирог, поп разрезал его и роздал всем по куску. Попадья отдает свою долю батраку.

— На тебе, батрак, мою долю за давешнее!*

Глядя на мать, и поповны стали отдавать батраку свои куски.

— На тебе, батрак, за давешнее!

Поп глядел, глядел, да и сам туда же:

— На тебе, батрак, и мою долю за давешнее!

— Да разве тебя батрак пежил? — спросила его попадья.

А поп спрашивает:

— А вас разве пежил?

Попадья и поповны в один голос так и заговорили:

— Как же! Нас пежил!

Поп рассердился и согнал батрака со двора.

ЧЕСАЛКА

Купил старик своей старухе тулуп да под забором ее всю ночь и е... Поутру стала погода мокрая, идет старушонка, сгорбилась да плачет, а старик вслед за нею да на жену так и скачет. Старуха своему старику говорила:

— Не разорви меня, Гаврила!

---

* Вариант: за твою сласть.

А старик был на ухо крепок, тех речей не расслушал да ей в чрево свой х...й вбухал и е... ее до ус...ру. Не насытится никогда око зрением, а ж...па б...дением, нос табаком, а пи...да хорошим ел...аком: сколько ее ни зуди — она все, гадина, недовольна!

Это присказка, сказка будет впереди.

Жил-был поп. У попа была дочка, еще невинная девка. Пришло лето, стал поп нанимать работников косить сено и нанимает с таким уговором, если дочь его пере...икнет через стог сена, что работник накосит, то и заработной платы ему нет. Много нанималось к нему рабочих, да все работали на попа даром: поповна, что ни выйдет, так стог и пересикнет. Вот договорился с попом один удалой работник с тем, что будет он косить попу сено и коли поповна пере...икнет, то вся работа пойдет ни за что. Стал работник косить сено, накосил и сметал в стог, лег подле стога, вынул из порток свой х...й и давай его над...ачивать. А дочь попова идет к работнику посмотреть на работу, глядит на него да и спрашивает:

- Что это ты, мужичок, делаешь?
- Чесалку поглаживаю.
- Что ж ты этою чесалкой чешешь?
- Давай я тебя почешу! Ложись на сено.

Легла попова дочка, он начал ее чесать, да и промахнул ее как следует*. Встала поповна да и говорит:

- Какая славная чесалка!

Потом стала си...ать через стог — нет, не берет, только себя обос...ала, словно из решета вылила. Приходит к отцу и сказывает:

— Очень велик стог — не смогла пере...икнуть.

— Ах, дочка! Верно, больно хороший работник! Я его на год найму.

Как только пришел работник за расплатою, поп пристал к нему:

- Наймись, свет, на год!
- Хорошо, батюшка!

Нанялся он к попу. А поповна так ему рада!

* Вариант: В одном селе, против неба на земле, жил поп Сирах, носил рясу в дырах; жил он без лишних затей, а семья у него сам третей: была одна дочь Катерина да батрак. В одно время поповна печку топила, а батрак стоял против огня, и встал у него х...й, ажно сорочка поднялась. Увидала попова дочка и стала батрака спрашивать:

- Что это у тебя за бурак под рубашкою торчит?
- Ах, барышня! Это у меня не бурак, а чесалка!
- Какая ж такая чесалка? Нельзя ли и меня один раз чесануть?
- Ишь ты, барышня, какой у тебя завидливый глазок! Что ни увидишь — то и просишь.

И начал батрак чесать поповну и с тех пор чесал ее до тех пор, пока не поднялось у ней брюхо к носу, тут батрак с попом рассчитался, да и драла от него.

Приходит ночью к батраку и говорит:

— Почеши меня!

— Нет, я даром чесать не буду, принеси сто рублей, купи себе чесалку!

Поповна принесла ему сто рублей, он и начал чесать ее каждую ночь. После того батрак поссорился с попом и говорит ему:

— Рассчитай меня, батька.

Рассчитался и ушел, а дочери на ту пору дома не было; приходит она домой:

— Где работник?

— Он, — говорит поп, — рассчитался и сейчас ушел на деревню.

— Ах, батюшка, что вы сделали, ведь он мою чесалку унес.

И пустилась бежать за ним в погоню. Нагоняет его около речки. Батрак засучил портки и стал переходить вброд.

— Отдай мою чесалку! — кричит попова дочь.

Батрак поднял камень, бросил его в воду.

— Возьми себе, — говорит.

Перешел на ту сторону и был таков!

Поповна подняла подол, полезла в воду и ну искать чесалку. Шарит по дну — нет чесалки. Ехал мимо барин и спросил.

— Что ты, голубушка, ищешь?

— Чесалку. Я купила ее у батрака за сто рублей, а он, уходя, унес было, да я погналась за ним, так он и бросил ее в воду.

Барин вылез из брички, скинул с себя штаны и полез искать чесалку. Искали-искали вдвоем. Вот попова дочь увидала, что у барина висит х...й, как схватила его обеими руками, держит, а сама кричит:

— Ах, барин! стыдно тебе, вить это моя чесалка, отдай назад!*

— Что ты делаешь, бесстыдная, пусти меня! — говорит барин.

— Нет, ты сам бесстыдник! Чужое добро хочешь взять. Отдай мою чесалку!

И потащила барина за х...й к своему отцу. Поп смотрит в окно: дочка тащит барина за х...й да все кричит:

— Отдай, подлец, мою чесалку!

А барин жалобно просит:

— Батька, избавь от напрасной смерти! Век тебя не забуду!

Что делать? Поп вынул из порток свой поповский кляп, показывает дочери в окошко и кричит:

---

* Вариант: Ищет поповна в реке чесалку; приходит поп и давай вместе с нею шарить; поднял рясу, а портки-то еще до берегу спустил; дочь увидала у него х...й и кричит:

— Батюшка! Отдай мою чесалку!

Поп туда-сюда; она все свое:

— Отдай мою чесалку!

— Дочка, а дочка! Вот твоя чесалка!

— И то моя, — говорит дочь, — ишь, с конца-то красная! А я уж думала, что барин ее взял!

Сейчас бросила барина и бегом в избу. Барин наострил лыжи — только пятки показывает. А девка вбежала в избу:

— Где же моя чесалка, тятенька?

— Ах, ты сякая-такая! — напустился на нее поп. — Гляди, матка, вить у нее честности-то нет!

— Полно, батька, — сказала попадья, — посмотри сам, да получше.

Поп долой портки и давай свою дочь ети.

Как стало попа забирать, он ржет да кричит:

— Нет, нет, не потеряла дочка честности...

Попадья говорит:

— Батька! Засунь ей честность-то подальше!

— Не бось, матка, не выронит, далече засунул!

А дочь-то еще молоденькая, не умеет подымать ноги круто.

— Круче, дочка, круче! — кричит попадья.

А поп:

— Ах, матка, и так вся в куче!

Так-то и нашла попова дочь чесалку.

С тех пор стал поп их обеих чесать, состряпал им по куколке и доселева живет: дочку с матушкой е...ет!

ЗАГОНИ ТЕПЛА

Жил-был мужик; у него было три сына: два умных, а третий дурак. Стал он их спрашивать:

— Дети мои любезные! Чем вы меня под старость будете кормить?

Старшие братья сказали:

— Работою.

А дурак по-дурацки и отвечал:

— Чем тебя больше кормить, как ни х...ем!

На другой день старший сын взял косу и пошел косить сено; идет дорогою, попадается ему навстречу поп.

— Куда идешь? — спрашивает поп.

— Ищу работы, где бы сена косить.

— Поди ко мне, только с уговором: я дам тебе сто рублей, если моя дочь не пере...икнет того, что ты накосишь за день, а коли она пере...икнет — не заплачу тебе ни копейки*.

---

* Сравни со сказкой «Чесалка».

«Где ей пересикнуть!» — думает парень и согласился.

Поп привел его на полосу:

— Вот здесь коси, работник!

Парень сейчас же начал косить и к вечеру накосил такую кучу, что страшно посмотреть. Но поповна пришла и пере...икнула. Пошел он домой, как не солоно хлебал!

Со средним братом случилось то же самое. Ну, пошел и дурак.

— Дай-ко, — говорит, — я пойду, поищу своему х...ю работы.

Взял косу и идет; попадается ему навстречу тот же самый поп и зазвал его к себе работать с таким же уговором.

Начал дурак косить; прошел одну линию, скинул портки и стал раком. Тут пришла старшая попова дочь и спрашивает:

— Работник, что же ты не косишь?

— Подожди, дай мне тепла в ж...пу загнать, чтоб зимою не мерзнуть.

— Загони и мне тепла, пожалуйста, а то мы зимой в гости ездим — всегда зябнем.

— Становись раком; заодно загонять!

Она стала раком, а дурак вздрочил махалку да как хватит ей в пи...ду и давай

загонять тепло; до тех пор загонял, что с ней аж пот градом льет. Как его забрало, он и говорит:

— Ну, будет с тебя, хватит на одну зиму!

Она побежала домой и сказала двум своим сестрам:

— Ах, душечки сестрицы! Как славно мне работник тепла в ж...пу загонял, с него и с меня даже пот лил!

И эти туда ж побежали; дурак и им загнал тепла на зиму. А сена накопил он так, самую малость, только три раза прошел.

Приходит поп со старшей дочерью и хвастает:

— Ступай, работник, лучше заранее домой; моей дочери этого нетрудно пере...икнуть!

— А вот посмотрим!

Поп велел своей дочке сикать; она подняла подол, как си...нет, да прямо себе в чулки.

— Вот видишь! — сказал дурак, — а тоже хвастаешь!

Поп в досаде послал за меньшими дочерьми.

— Коли и эти не пере...икнут, — говорит поп, — то я даю тебе с каждой по сто рублей!

— Хорошо.

Но и средняя и меньшая поповны только себя обос...али.

Дурак сорвал с попа триста рублей, пришел к отцу и говорит:

— Вот вам и ху...ва работа! Посмотрите, сколько денег!

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ (ИЛИ КОЗЛА)

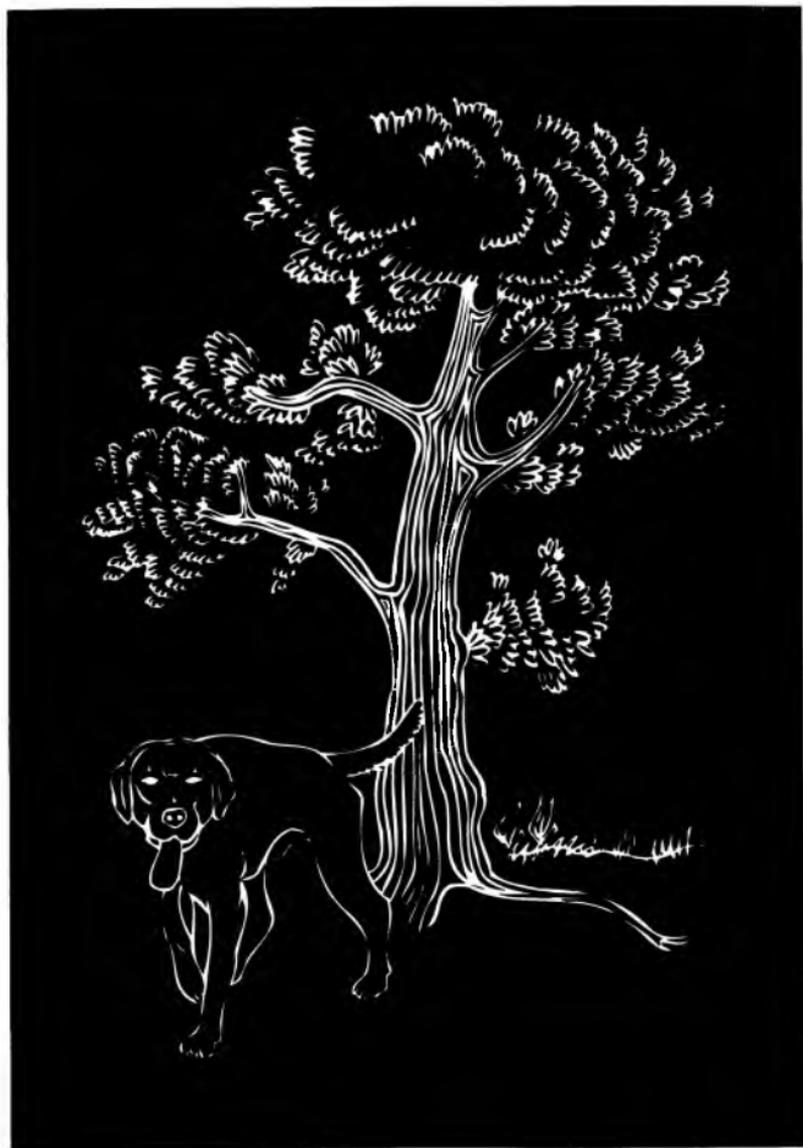

а) Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял и повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес; забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

— Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить, да не будете его кормить — я с вами по-своему разделаюсь!

Ну, бабы стали кормить на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески, а хозяин никому, кроме кобеля, не верит: куда ни поедет — ключи всегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля

со всею церемонией. Взял он пять тысяч и пошел к попу.

— Батюшка! У меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

— Ну, это хорошо, свет! Только в церковь носить его не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришли поп с дьяконом и дьячками в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу. Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков — мало им дал. Вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронил кобеля похристиански.

Архиерей позвал к себе попа на суд.

— Как ты смел, — говорит, — хоронить нечистого пса?

И посадил его под арест.

А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать.

— Ты зачем? — спросил архиерей.

— Так и так, — отвечает мужик, — помер у меня кобель, отказал вашему

преосвященству десять тысяч денег да попу пять!

— Да, брат, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды!

Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

б) Жил старик со старухою. Не было у них ни одного детища, только и был, что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому. Вот однажды случилось старику идти в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да травку щиплет. Щипал, щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему — и увидел золото. Несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик, — говорит старуха, — это нам Бог дал такой клад на старость за то, что

столько лет с тобой потрудились в бедности! А теперь проживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик. — Эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым, теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами поправились — лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе проживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед Богом и людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили! А лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому

случилось большое несчастье: козел помер!
Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи — крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе:

— Ах ты, окаянной! Что выдумал! Вонючего козла хоронить.

— Да вить этот козел, батюшка, был совсем-таки православной, он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп. — Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сию пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уже помер!

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорей к отцу-дьякону, скажи, чтобы приготавлился; сейчас пойдем козла хоронить!

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знали моего козла, он-то и помер!

Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо.

— Не бей меня, отец-дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал — тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар да глуп! — сказал дьякон. — Что же ты давно не известил меня о его православной кончине. Ступай скорей к дьячку: пушай прозвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, прозвони по козловой душе!

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, вить козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что же ты по этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы уже давно прозвонить!

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять: положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп-де козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом.

— Как вы смели похоронить козла? Ах вы безбожники!

— Да вить этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы; он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупой старик! Я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

СУД О КОРОВАХ

Водной деревне жили-были поп да мужик; у попа было семь коров, а у мужика только одна, да хромая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!»

Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви:

— Послушайте, миряне! Аще кто подарит своему духовному пастырю одну корову — тому Бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!

Мужик услышал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове! На всю семью и молока

не хватает! Сделаю-ка я по писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь Бог смилуется!»

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу.

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что хорошего скажешь?

— Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро! Вот я, батюшка, и привел вашей милости в подарок корову.

— Это хорошо, свет, что ты помнишь слово Божие: Бог тебе воздаст за то седемерицею. Отведи-ка, свет, свою корову в сарай и пусти к моим коровам.

Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать:

— Зачем, подлец, отдал попу бurenку? С голоду, что ли, нам пропадать, как собакам?

— Эка ты дура! — говорит мужик. — Разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приве-

дет за собой еще семь; тады похлебаем молока досыта!

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны: стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню, пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидел в окошко и говорит своей бабе:

— Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: Божие слово завсегда сбывается! А ты еще ругалась. Будут у нас теперича и молоко и говядина*.

Тотчас побежал, загнал всех коров к себе в хлев и накрепко запер. Вот поп видит: уже темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику** и говорит:

— Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?

— Поди ты с Богом! У меня чужих коров нет, а есть свои, что мне Бог их дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька! Сам ты читал на праздник в церкви.

* Вариант: Вот как-то нанял поп мужика вычистить загороду, где коровы стояли; мужик стал чистить да нарочно ворота и отворил, коровы и ушли со двора; а он, не будь глуп, взял да и загнал всех поповых коров к себе.

** Вариант: Пришел поп к мужику, а у того и ворота заперты; смотрит сквозь плетень, а мужик свежует поповых коров да солонину готовит

— Врешь ты, сукин сын! Это мои коровы.

— Нет, мои!

Спорили, спорили, поп и говорит мужику:

— Ну, черт с тобой, возьми свою корову назад, отдай хоть моих-то!

— Не хошь ли кляпа собачьего!

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архиерея. Поп одарил его деньгами, а мужик холстом; архиерей и не знает, как их рассудить.

— Вас, — говорит им, — так не рассудишь! А вот что я придумал! Теперь ступайте домой, а завтра кто из вас придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся.

Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье:

— Ты смотри, пораньше меня разбуди утром!

А мужик, не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался архиерею под кровать.

Здесь, думает себе, пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь, так попу коров-то и не видать!

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает:

— Кто такой?

— Я, игуменья, отче!

— Ну, ложись-ка спать, игуменья, на постель.

Легла она спать на постель; стал архиерей ее щупать за титьки, а сам спрашивает:

— Что это у тебя?

— Это, святой отче, сионские горы, а ниже — долы.

Архиерей взялся за пупок.

— А это что?

— Это пуп земли!

Архиерей спустил руку еще ниже, щупает игуменью за пи...ду.

— А это что?

— Это ад кромешный, отче!

— А у меня, мать, есть грешник*, надо его в ад посадить.

Взобрался на игуменью, засунул ей грешника и давай наяривать; отработал и пошел провозжать мать-игуменью. Тем временем мужик потихоньку выбрался и ушел домой.

На другой день поп поднялся до света, не стал и умываться — побежал скорее к архиерею, а мужик выспался хорошенько, проснулся —

---

* Вариант: Иуда.

уже давно солнце взошло, позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архиерею, а поп давно его ждет.

— Что, брат, чай, за жену завалился! — подсмеивается поп.

— Ну, — говорит архиерей мужику, — ты после пришел...

— Нет, владыко, поп пришел после, нешто ты позабыл, что я пришел еще в то самое время, как ты ходил по сионским горам да грешника сажал в ад!

Архиерей замахал обеими руками.

— Твои, — говорит, — твои, мужичок, коровы! Точно, твоя правда: ты пришел раньше!

Так поп и остался ни при чем; а мужик зажил себе припеваючи*.

---

* Вариант: В одном списке продолжается эта сказка так.

Пришел поп домой. А у него жил батрак по сто рублей в год. Прожил семь лет, а ни за один год не получил денег. Стал он приставать к попу за расчетом, а поп говорит:

— Ты жил у меня семь лет и ни разу не говел; ты прежде исповедуйся, а там и разотчемся.

Стал батрак говеть и пошел к попу на дух.

— Признавайся, свет, — говорит поп, — может, у кого товар (т.е. скотину) из загороды выпустил-то, это грех большой!

— Нет, батюшка, в том не грешен, а вот какую перед тобой на духу — семь лет е... твою сноху!

— Не в том дело, свет, а не спустил ли ты у кого со двора коров?

— Нет, батюшка, не грешен; а вот в чем перед тобой какую — я до твоей попадьи добираюсь!

— Полно, свет, пустяки говорить! Я тебя спрашиваю, не спустил ли ты со двора моих коров?

ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не приносил гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог собрать гривенника, чтобы духовному отцу за исповедь дать. Ведь он за вас, окаянных, Богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак.

Поп просто взбесился.

— Послушай, проклятый! — говорит ему. — Откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка! Где я больше возьму? Что есть, то и даю.

— По бл...дям да по кабакам носить, небось есть деньги! А духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про эдакий случай хоть укради что да продай, а священнику принеси, что подобает, заодно уж перед ним пока-

---

— Нет, батюшка, такого греха за собой не знаю, а вот нечего таить — и на тебя мой кляп стоит!

— Будь проклят ты, окаянный!

После того поп расчел батрака и остался без коров и без работника.

ешься и в том, что своровал, так он все тебе грехи отпустит!

И прогнал поп от себя этого солдата без исповеди.

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?»

Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

«Дай-ка, — говорит сам себе, — попробую эту шапку утащить».

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да и прямо в кабак. Тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка!

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка! Украл шапку да продал за гривенник!

Поп взял этот гривенник и говорит солдату:

— Ну, Бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю.

Солдат ушел, а поп, покончив исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню, отслужил и стал домой собираться, бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее утащил?

— Да в нашей церкви висела на поповской палке, у самого клироса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца?

— Да вы, батюшка, сами меня от того греха разрешили и простили.

СМЕХ И ГОРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был поп; жил он над рекою и содержал на ней перевоз. Приходит к реке один раз бурлак и кричит с другого берега:

— Эй, батька, перевези меня!

— А заплатишь, свет, за перевоз?

— Заплатил бы, да денег нету!
— А нету, так и перевозить не стану.
— Коли перевезешь, батька, я покажу тебе за то смех и горе.

Поп задумался, захотелось ему увидеть смех и горе.

«Про что такое, — думает он себе, — говорил сейчас бурлак?»

Вот он сел в лодку и поехал на тот берег, посадил с собой бурлака и перевез на свою сторону*.

— Ну, батька, ворочай лодку вверх дном! — сказал бурлак.

Поп перевернул лодку вверх дном и ждет себе, что будет. Бурлак вынул из-под порток свой молодецкий х...й и как ударит по дну — так лодка и развалилась надвое.

---

* Вариант: Жил-был поп, возле его дома протекала река, а на другой стороне стояла церковь. Случился праздник; зазвонили к обедне, поп сел в лодку и переехал на тот берег. Только вылез он из лодки, а навстречу ему мужик:

— Перевези, батюшка, на ту сторону.

— Ах, свет! Я бы перевез тебя, да к обедне давно прозвонили, опоздаю.

— Небось без тебя не начнут служить обедни; а коли перевезешь, я покажу тебе смех и горе.

Поп перевез мужика.

— Что ж, батюшка, очень желательно тебе видеть смех и горе?

— Да, свет, очень желательно!

(Мужик х...ем разбивает лодку.) Как теперь без лодки попасть попу в церковь?

— Эка сукин сын мужик! Какого горя наделал.

Постоял-постоял поп над лодкою и пошел домой.

— Что так рано воротился? — спрашивает его попадья.

— Так и так, — говорит ей поп.

Поп увидал такой заправский х...й и рассмеялся; а после как раздумался о своей расколотой лодке — так стало ему жалко, что даже заплакал с горя.

— Что, доволен мною, батька? — спрашивает бурлак.

— Шут с тобой! Ступай, куда идешь!

Бурлак простился с попом и пошел своей дорогой, а поп воротился домой. Только перешагнув через порог в избу, вспомнил о бурлаковском х...е и засмеялся, а там вздумал о лодке — и заплакал.

— Что, батька, с тобою сделалось? — спрашивает попадья.

— Ты не знаешь, матка, моего горя!

И сдуру рассказал ей обо всем, что с ним случилось.

Как услышала попадья про бурлака, сейчас напустилась на своего батьку:

— Ах ты, старый черт! Зачем ты его от себя отпустил! Зачем домой не привел? Вить это не бурлак, это мой брат родной! Верно, родители послали его нас с тобой проведать, а ты нет того, чтоб догадаться... Запрягай-ка скорее лошадь да гони за ним, а то он, бедный, блудить станет и, пожалуй, домой воротится, нас не выдавши. Я хоть на него, голубчика, посмотрю да про родителей расспрошу.

Поп запряг лошадь и погнал за мужиком, нагнал его и говорит:

— Послушай, добрый человек! Что же ты мне не сказался: вить ты моей попадье родной брат. Как рассказал ей про твою удадь, она сейчас тебя признала и приказала воротить.

Бурлак сейчас догадался, к чему дело клонится.

— Да, — говорит, — это правда: я твоей попадье родной брат, да тебя, батюшка, прежде сего никогда я не видал, а потому самому и признать тебя не умел!

Поп схватил его за руку и тащит на телегу.

— Садись, свет, садись! Поедем к нам. Мы с маткою, слава Богу, живем в довольстве и благополучии, есть чем тебя употчевать.

Привез бурлака, попадьа сейчас выбежала к нему навстречу, бросилась бурлаку на шею и целует его.

— Ах, братец любезный, как давно тебя не видала, ну что, как наши-то поживают?

— По-старому, сестрица! Меня послали тебя проведать.

— Ну и мы, братец, покудова Бог грехи терпит, живем помаленьку.

Посадила его попадьа за стол, наставила перед ним разных закусок, яичницу и водки и ну угощать:

— Кушай, любезный братец!

Начали все они трое есть, пить и веселиться до самой ночи. А как стало темно, постлала попадья постель и говорит попу:

— Мы с братцем вот здесь ляжем да поговорим про наших родителей: кто жив, кто помер; а ты, батюшка, ложись один на казенке али на полатях.

Вот полегли спать: бурлак влез на попадью и начал ее попирать своим ху...щем, так что она не утерпела — на всю избу завизжала. Поп услышал и спрашивает:

— Что там такое?

— Эх, батька, ты не знаешь моего горя: мой отец помер.

— Ну, царство ему небесное, — сказал поп и перекрестился.

А попадья опять не выдержала да в другой раз еще пуще того завизжала. Поп опять спрашивает:

— О чем еще плачешь?

— Эх, батька, вить и мать моя померла!

— Царство ей небесное! Со святыми упокой!

Так-то вся ночь у них и прошла*. Поутру бурлак стал домой собираться, а попадья ну его

* Вариант: Наугощался мужик.

— Ну теперь пойдем в мою горницу, — говорит ему попадья, — потолкуем о родных, как проживают. Ты, братец, расскажешь мне про свое житье, а я тебе про свое расскажу.

Пошли вместе, а поп смекнул, в чем дело-то, подошел к дверям и смотрит в щель: а там уж мужик матку на постели накачивает, так ее прижимает, что кровать шатается. Видит поп, что дело дрянь, а взойти в горницу боится.

«Только я помешаю, — думает он, — мужик убьет меня своим х...ем! Видно, так тому и быть».

угощать на прощанье и вином-то и пирогами, так и суется около него:

— Ну, братец любезный, коли опять будешь в этой стороне — завсегда к нам заходи!

А поп говорит:

— Не обходи нас; мы тебе всегда рады!

Попрошались с ними бурлак. Попадья вызвалась провожать братца, а за ней и поп пошел. Идут да разговаривают; вот уже и поле. Попадья говорит попу:

— Воротись-ка, батька, домой, что тебе идтить, я и одна теперича провожу братца.

Поп воротился, прошел шагов с тридцать, остановился и глядит: далеко ли они ушли?

А бурлак тем временем повалил матку на пригорок, влез на нее и ну отжаривать на прощанье; а чтобы ловчей надуть попа, надел ей на правую ногу свою шапку и велел задрать ногу-то кверху. Вот е...ет ее, а попадья то и дело ногой да шапкой качает. Поп стоит да смотрит.

«Вишь, — говорит сам себе, — какой родственный человек-то! Далекое ушел, а все кланяется да шапкою мне махает!»

Взял да скинул с себя шапку и давай кланяться:

— Прощай, шурин, прощай!

Отвалял бурлак попадью, да так ее утешил, что три дня под подол заглядывала.

Догоняет она попа, а сама с радости песни поет.

— Сколько лет с ней живу, — сказал поп, — а доселева не слышал от нее песен!

— Ну, батька, — говорит попадья, — проводила я братца любезного, придется ли еще по-видаться с ним в другой раз!

— Бог не без милости, авось придет!

ЧУДЕСНАЯ МАЗЬ

а) В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, парень молодой; не посчастливилось ему в хозяйстве, все коровы и лошади подошли, осталась одна кобыла. Стал он эту кобылу беречь пуще глаза, сам недоест — недоспит, а все за ней ухаживает: раздобрела во как кобыла! Раз как-то убирал он свою лошаденку, зачал ее гладить да приговаривать:

— Ах ты, моя голубушка! Матушка! Нет милее тебя!

Услыхала эти слова соседская дочь — девка рыжая, и как собрались на улицу деревенские девки, она им и сказала:

— Ох, сестрицы! Я стояла у себя на огороде, а сосед наш Григорий убирал на ту пору свою кобылу, да потом слазил на нее и ну целовать и приговаривать: «Ах ты, голубушка моя, матушка! Нет тебя милее на свете!»

Вот девки и начали над парнем смеяться. Где только ни повстречают его, так и закричат:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

Что делать парню, куда глаз показывать нельзя.

Стал он печалиться. Вот увидела его старуха тетка.

— Что, Гриша, невесел? Что головушку повесил?

Он ей и рассказал про все это дело.

— Ничего, Гриша, — сказала старуха, — все поправлю. Приходи-ка завтра ко мне. Небось перестанут смеяться!

Старуха-то была лекарка, да такая важная — на все село. А в избу к ней сходились на вечерницы девки. Вот она вечером-то увидела ту девку, что рассказала о Григории, как он кобыле под хвост лазил, и говорит ей:

— Ты, девушка, заходи ко мне завтра поутру, мне надо кое о чем с тобой потолковать.

— Хорошо, бабушка!

На другой день встал молодец, оделся и пришел к старухе.

— Ну смотри, Гриша, чтоб у тебя припас-то готов был! А теперя становись за печку да стой смирно — пока не позову.

Только стал он за печкою, пришла и девка.

— Здравствуй, бабушка!

— Здорово, голубушка! Вот что, девушка, хочу тебе сказать: вить над тобою худое деется, вить ты, родимая, оченно больна...

— Э, бабушка, я, кажись, здорова!

— Нет, голубушка, у тебя внутри то делается, что и подумать-то страшно! Хошь теперь и не больно тебе, а как дойдет до сердца — в то время уж ничем не вылечишь; так и помрешь! Дай-ка я тебя за живот пощупаю.

— Пощупай, бабушка! — говорит девка, а сама чуть не плачет со страху.

Стала баба щупать ее за живот и говорит:

— Вишь, я правду сказывала! Как только вчерась на тебя взглянула — сейчас догадалась, что с тобой недоброе деется, у тебя, голубушка, подле сердца желтуха...

— Подлечи, пожалуйста, бабушка!

— Уж коли хвораешь, так надо полечить; только стерпишь ли, ведь больно будет?

— Что хочешь делай, хошь ножом режь, да вылечи!

— Ну стань же ты вот тут, высунь голову в окошко и примечай: с какой стороны, с правой или с левой, больше народу будет идти? А назад-то не моги оглядываться, а то все мое лекарство задаром пропадет, тогда и двух недель не проживешь!

Девка высунула свою голову в окошко и ну глазеть по сторонам; а старуха задрала ей хвост и говорит:

— Нагнись-ка туда за окошко побольше, да не оглядывайся: сейчас стану мазать тебе помазком да деготьком!

Тут вызвала старуха потихоньку парня:

— Ну, работай!

Вот он и засунул девке помазок свой на целую четверть вглубь, и как стало у них заходиться — стала девка ж...пою вертеть, а сама просит:

— Бабушка, голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Парень отваял ее и ушел за печку.

— Ну, девушка! — сказала старуха, — теперича такая будешь красавица, что любо-дорого!

Девка поблагодарила старуху:

— Спасибо, бабушка! Такое славное у тебя лекарство-то, просто сласть!

— У меня ничего худого нету, а это лекарство для баб и девок куда пользуетое! А с какой стороны народу шло больше?

— С правой, бабушка!

— Ишь, какая ты счастливая! Ну, ступай с Богом домой.

Девка ушла, ушел и парень. Вот он пообедал и повел свою кобылу на реку поить. Девка увидала его, выскочила и кричит:

— Ах ты, матушка моя, голубушка!

А он оборотился и ну передразнивать ее:

— Ох, бабушка-голубушка! Мажь, мажь побольше своим деготьком да помазком!

Тут девка язык прикусила и стала жить с парнем дружно.

б) Жил-был молодец, повадился ходить мимо купеческого дома: как идет — прокашляется и скажет:

— Гуся ел, да попершилось!

Вот купеческая дочь и сказала:

— У моего батюшки много денег, а каждый день не едим гусей.

— Это бывает не богатством, а счастьем, — отвечал молодец и пошел домой.

А купеческая дочь позвала какую-то старую нищенку и посылает:

— Иди за этим молодцем вслед, да узнай, что он там обедает, я тебя награжу за это.

Молодец пришел домой, а за ним и нищенка просится отдохнуть в избе; вот ее и пустили. Только молодец жил в большой бедности.

— Матушка, — говорит он, — нет ли чего поесть?

— Щи вчерашние да третьевошная каша.

— Давай-ка сюда кашу.

Подала мать кашу.

— А масла, — говорит, — нету? Да нет ли хоть сальной свечки?

— На, вот, огарочек.

Положил он свечной огарок в кашу и давай уплетать. Нищенка все это и рассказала купеческой дочери. Вот идет молодец мимо купеческого дома, да опять прокашлялся и сказал:

— Гуся ел, да попершилось!

А купеческая дочь в окошко кричит:

— Сальный огарок с кашей ел!

«Ах, мать твою! Почему она знает? Верно, это нищенка ей сказала».

Отыскал он нищенку и стал ее просить:

— Нельзя ли как поправить это дело? Коли будут деньги, заплачу тебе!

— Хорошо, — сказала старуха.

Сейчас пошла к купеческой дочери.

— Как, сударыня, поживаешь?

— Не совсем здорова, бабушка: все животом хвораю. Нельзя ли помочь моему горю?

— Можно, прикажи истопить баню, я вам живот-то потру мазью.

Вот истопили баню; старуха загодя спрятала там молодца, потом привела купеческую дочку, раздела ее всю донага и говорит:

— Ну, сударыня, надо завязать тебе глаза, чтоб дурно не сделалось!

Завязала ей платком глаза, положила ее на лавочку и говорит:

— Теперь стану мазать легкою мазью!

И провела по брюху рукою раза два.

— А теперича будет потруднее!

Тут сказала молодцу, он взлез на девушку, всунул ей свой кляп, да так, что она на всю баню закричала.

— Потерпи маленько, сударыня! Завсегда сначала больно бывает, а как обойдется — так по маслу пойдет и живот заживет!

Зачал он махать купеческую дочку, забрало ее за живое, хорошо показалось: она и говорит:

— Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь!

Сделал молодец с нею раз и спрятался; старуха развязала купеческой дочери глаза. Та посмотрела, а под нею кровь.

— Что это, бабушка?

— Это дурная кровь из тебя вышла; полегчало тебе?

— Полегчало, бабушка! Ах, какая у тебя славная мазь, слаще меда! Нет ли еще?

— Разве еще хочется?

— Очень хочется, бабушка! Что-то живот опять начал побаливать.

Завязала ей старуха глаза, положила на лавочку, а молодец опять стал ее махать по-свойски.

— Мажь, бабушка, мажь! Хороша твоя мазь, — говорит купеческая дочь.

Отделал ее молодец и спрятался; купеческая дочь встала и просит:

— Принеси мне, бабушка, этой мази, вот тебе сто рублей за лечение!

Так дело и кончилось.

Вот идет молодец мимо купеческого дома и опять говорит:

— Гуся ел, да попершилось.

А купеческая дочь кричит в окно:

— Сальную свечку с кашей ел!

А молодец в ответ:

— Мажь, бабушка, мажь, хороша твоя мазь!

Стало у купеческой дочери брюхо расти; заметила мать и спрашивает:

— Что это, дочка, никуда ты из дому не ходишь, а брюхо у тебя выше носа поднимается?

— Ах, матушка, вить это оттого, как ходила я с бабушкою в баню, а она все мазала мне живот мазью, да такую славную, слаще меду!

Мать догадалась, позвала к себе нищенку и спрашивает:

— Ты, бабушка, мазала мою дочь в бане мазью?

— Я, сударыня!

— Помажь и мне!

— Изволь, помажу!

Тотчас побежала за молодцом.

— Одевайся, иди, купчиха мази просит!

Пришли в баню; старуха завязала купчихе глаза и положила ее на лавку. А молодец взлез на нее и ну отжаривать. Тут купчиха поскорей платок с глаз долой, увидала молодца, поцеловала его за работу и говорит:

— Ну, молодец, живу я с мужем двадцать лет, а этакой сласти не знавала. Вот тебе сто рублей, будь мужем моей дочери.

Женился молодец на купеческой дочери и задал пир на весь мир, и я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот ни капли не попало!

в) Жил-был солдат, любил выпить. Напала на него одышка, и пошел он к лекарке, лекарка была хоть и старуха, да еще крепенькая, как увидала солдата, засвербело у нее меж ногами.

— Что, служивой?

— Да вот, полечи от одышки.

— Раздевайся да садись.

Солдат сел, а лекарка поставила перед ним штоф водки:

— Кушай, служивый, на здоровье!

Солдат не заставил себя просить, так налился, что в глазах зарябило: тут же повалился да и заснул.

Старуха ну солдата ощупывать, добралась до пупа и пониже да как завоет:

— Ах, я взбалмошная! Что наделала, кляп-то у него не то что ожил, а совсем загнулся...

Уложила соладата на кровать и сама улеглась подле, лежит да все щупает: не ожил ли х...й у него? А солдат храпит себе во всю ивановскую. Дотронулась она в последний раз до корня, и корень-то глядит за спину, и уснула. Перед рассветом солдат очнулся, увидел бабу подле себя и думает: «Дай-ка ее с бока хвачу!»

И придвинулся как следует. А старуха была чутка, говорит спросонок:

— Что ты, служивый, делаешь? Как тебе не стыдно?

А сама еще больше на х...й наворачтывается.

— А что, бабушка, разве для хворого это вредно? Я, пожалуй, выну.

— Что ты, служивый! Засовывай, да нельзя ли поглубже; тебе оттого полегче будет!

Солдат отработал ее и ушел приговаривая:

— Хоть не легче, так сытно!

На горе солдата, на ту пору спала на полатах девка, старухина племянница, она все это видела и рассказала другим девкам. Стали они солдата дразнить:

— Старуху качал! Старуху качал!

Солдат терпел, терпел и пошел с жалобой к старухе.

— Ах, благодетель! — сказала старуха. — Да что ты давно мне не рассказал про это, я бы отучила смеяться мерзких девчонок. Ах они, такие-сякие! Да разве у старухи хуже ихней-то дыра! Да где им, паскудным, так подмахивать! Послушай же, ко мне ходит лечиться одна девка от грыжи, так ты, служивый, приходи завтра вечером сюда, я тебя спрячу на кровать, а девку-то поставлю на четвереньки, да и заставлю тебя откатать ее на все корки!

Вот на другой день солдат по-сказанному, как по-писаному, пришел и лег на кровать. Прошло с полчаса — глядь: идет молодая девка. Как увидел ее солдат, у него жила подтянулась и приподнялась не хуже штыка. Старуха огляделась на девку и говорит:

— Что ты, родимая! Да у тебя меж ног блохи гнездышко свили, и вывезть их нельзя ничем, как только рукой; а то, пожалуй, умрешь.

— Яви, бабушка, божескую милость, вылечи!

— Ну, делать нечего; не хотелось бы рукой туда лезть, да надо. На вот тебе платок, завяжи глаза, раздешься наголо да стань на четвереньки.

Девка все то сделала. Тут солдат подошел к мишени, взял х...й в обе руки и стал всаживать ей в пи...ду.

Девка ну кричать:

— Больно, бабушка, больно!

— Терпи, кормилица, вишь, проклятые блохи как расплодились, даже в устьях поделали!

Солдат всунул ей на целую четверть, девка взвизгнула:

— Ой, бабушка, умру; больно, родимая, больно!

— Постой, дитяtko, я с деготьком попробую, авось легче будет.

Солдат всадил х...й донельзя — девка и язык прикусила — и давай ее насаливать. Стало у них заходиться.

— Вот теперь, бабушка, хорошо! Право слово, хорошо! Да нельзя ли еще деготьком подмазать? С деготьком-то задорнее! Я уж у отца целую бадью с дегтем утащу да тебе принесу.

Солдат слышит, что девка-то разгорелась на гвоздю, и ну тискать свой хобот вместе с бубенчиками, да так разутешил, что сделал пи...ду шире шапки.

— Ну что, легче ли? — спрашивает старуха. — Кажись, все подошли!

— Как же, бабушка, теперь полегчило.

Солдат спрятался; девка встала, оделась и ушла.

На другой день девка-широкопи...дка повстречала солдата и стала его дразнить:

— Старуху качал! Старуху качал!

А солдат ей говорит:

— А с деготьком-то ведь лучше!

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин да еще был мужик, такой бедной, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит:

— Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь, и взять с тебя нечего, ступай ко мне и живи за долг три года.

Прожил у него мужик год и другой, и третий.

Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает, какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить:

— Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле, да смотри, чтоб все были целы! А то опять оставлю при себе на три года.

Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны.

«Что делать? — думает он. — Теперь пропал я!»

Сел и плачет. Откудова ни возьмись — явился старик и спрашивает:

— О чем, мужичок, плачешь?

— Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались; теперь беда мне неминуемая!

Старик дал ему дудочку и говорит:

— На тебе дудочку: когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут!

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее, как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой, барин пересчитал зайцев и говорит:

— Все целы! Ну, что нам делать? — сказал барин своей барыне, — какую вино на мужике сыскать?

— А вот что, душенька, когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца.

— Ну, хорошо!

Наутро погнал мужик зайцев в поле и только подошел к лесу, они тотчас все разбежались в разные стороны, а мужик сел на траву и начал лапти плести. Вдруг едет барыня, остановилась, подошла к нему и спрашивает:

— Что, мужичок, здесь делаешь?

— Скотину пасу.

— Какую скотину?

Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему.

— Ах, мужичок, — сказала барыня, — продай мне одного зайчика.

— Никак нельзя, ведь это господские зайцы. А барин у меня очень строг! Он, пожалуй, меня совсем заест.

Барыня стала к нему приставать:

— Пожалуйста, продай.

Мужик видит, что ей очень хочется зайчика, и говорит:

— У меня, барыня, завет положен.

— Какой завет?

— Кто даст поеть, тому и зайца уступлю.

— Возьми лучше деньгами, мужичок.

— Нет, мне больше ничего не надо!

Барыне делать нечего — дала мужику поеть. Он обработал ее и подал зайца:

— Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь.

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку — этот заяц услышал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику.

Приехала барыня домой.

— Ну что, купила зайца?

— Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел.

На другой день опять поехала барыня к мужику, подходит к нему и опять спрашивает:

— Что делаешь, мужичок?

— Лапти плету да господскую скотину пасу.

— Где ж твоя скотина?

Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца.

— У меня положен завет.

— Какой?

— Дай поеть.

Барыня опять дала и получила за то зайца, а как мужик заиграл, заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переделся и поехал сам барин.

— Что, мужичок, делаешь?

— Скотину пасу.

— Да где ж твоя скотина?

Заиграл мужик в дудочку, сбежались к нему зайцы.

— Продай мне одного!

— За деньги не продам. У меня положен завет.

— Какой завет?

— Кто захочет кобылу поеть — тому и зайца отдам.

Барин взлез на кобылу и сотворил грех с нею. Мужик подал ему зайца и говорит:

— Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь.

Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услышал и ушел от него к мужику.

Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на воле.

ПАСТУХ*

Водной деревне жил-был пастух, молодой парень. Деревенские девицы и молодые молодичи к нему были привычны и всякие шутки от него принимали. Многие девки на него завидовали, хочется полюбиться с ним, да не всякой удастся-то! Вот девки и придумали на него напаслину, а может, и взаправду — застали его на кобыле и ну над ним потешаться. Другие девки еще не так его доколяли, как одна Дуня. Погонит, бывало, она поутру скотину, а сама кричит пастуху:

— Смотри-ка, Иван, стереги мою кобылу!

Просто проходу ему не дает своею кобылой. Пастух все себе на ус мотает. А в деревне жила старуха, такая приветливая, а к этой старухе собирались девки на посиделки. Пошел пастух к старухе и прямо упал к ней в ноги:

— Заставь, бабушка, за себя вечно Бога молить, а я тебя до веку не забуду.

Рассказал ей про свое горе и дал ей полтинник денег.

— Хорошо, родимый! Приходи ужо в сумерки.

* Сравни со сказкой «Чудесная мазь».

Вечером пригнал пастух с поля стадо, а в то время дождик. Стали бабы звать свою скотину, Дуня тоже побежала по деревне искать свою корову, а старуха увидела ее в окно и закричала:

— Дуня, Дуня! Поди-ка сюда.

Девка прибежала. Как зачала бранить ее старуха, а пастух-то спрятан у нее за печкой.

— Смотри, Дуняша, будешь каяться, да не воротишь.

Дуня испугалась и не знает, какая-токая вина за нею.

— Экие вы дуры безопасные! — сказала старуха. — Бегаете неосторожно и прыгаете через канаву как попало! Годится ли эдак делать? Посмотри-кась, что ты теперь наделала: ведь ты, дура, честь свою испортила! Кто тебя замуж возьмет?

— Ах, бабушка! Нельзя ли похлопотать да поправить как-нибудь?

— То-то поправить! За все про все отвечай бабушка! Поди-ка сюда, делай, что скажу, да терпи, хоть и больно будет.

— Хорошо, бабушка.

— Смотри в окно да раскорячься пошире, а сама, чур, не оглядывайся; а то

все дело пропадет, в то время и поправить нельзя будет!

Заворотила ей сарафан и махнула пастуху. Иван подкрался тихонько, скинул портки и начал поправлять Дунькину честь.

— Ну что? Хорошо? — спрашивает старуха.

— Хорошо, бабушка! Ух, как хорошо! Еще поправь, бабушка! Я тебя николи не забуду.

Покончил свое дело пастух и спрятался за печку.

— Теперь, — сказала старуха, — ступай, глупенькая, домой! Да моли за бабушку Бога.

На другой день погнала Дуня скотину и опять стала дразнить пастуха кобылою; а он ей в ответ:

— А не хочешь ли, честь тебе поправлю!

— Нехорошо, Иван, — сказала с укором девка.

— Не знаю, как тебе, а мне хорошо было, — отвечал пастух.

СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стояли в деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны, дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка и пьет, и ест, и спит с солдатом! Вот у одного мужика была жена больно гульливая, много раз заставлял он ее с мужиками и с солда-

тами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае:

— Ну, бл...дь, что теперь станешь говорить?

А она покедова под парнем лежала — говорила:

— Виновата, мой милой друг!

А как встала, да прибежала в избу, сейчас бросилась к свекрови и давай плакать. Пришел муж и говорит:

— Ну, матушка, я людям не верил, а теперь я сам застал жену с парнем в сарае.

А баба со слезами:

— Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!

— Ах ты, бл...дь проклятая, вить я сейчас поднял тебя из-под Андрюшки.

— Врешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я головою лежала?

Мужик задумался и сказал:

— А черт тебя знает, куда ты головой лежала!

— Вот видишь, матушка, как он врет-то на меня!

Мать накинулась на сына и давай его ругать.

— Хорошо, — говорит мужик, — я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!

Прошло некоторое время, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай. Положил ее солдат на вязанку соломы и давай есть. Хозяин-то и подметил, пришел в сарай и захватил солдата на жене.

— Ах, брат служивый! Это нехорошо.

— Черт вас разберет, — отвечает солдат, — она говорит — хорошо, а ты — нехорошо, на вас не угодишь!

— Я, брат служивый, пойду на тебя просить!

— Ну ты ступай, еще проси, а я уж выпросил.

СОЛДАТ САМ СПИТ, А Х...Й РАБОТАЕТ

а) Жил-был мужик, у него была молодая хозяйка. Вот пришли в деревню солдаты и поставили к этому мужику в постояльцы одного служивого. Как легли они вечером спать все вместе: хозяйка в середине, а мужик с солдатом по краям. Мужик лежит да разговаривает с женою, а солдат улучил-то времечко и стал хозяйку через ж...пу валять. Мужик разохотился было и сам на бабу слазить и хотел ее пощупать — хватъ за пи...ду рукою и поймал солдатский х...й.

— Что ты делаешь, служивый?

А солдат хранит себе, будто спит крепким сном.

— Ишь, какой служивый! — сказал мужик, — сам спит, х...й в пи...ду на правил.

— Извини, хозяин, и сам не знаю, как он туда попал!

б) Долго подбирался солдат, как бы уеть хохлушку; вот и выдумал; говорит хохлу:

— Хозяин! У тебя в доме много чертей, спать не дают! А ты какво спал?

— Я, слава Богу, хорошо!

— Ну, я нынче с тобой ляжу!

Хохлушка говорит:

— Пушай с нами ляжет!

Хохол согласился. Вот сам хозяин лег с краю, хозяйку положил в середине, а солдат улегся к стене, и ну подталкивать хозяйку через ж...пу. Хохол проснулся, протянул тихонько руку и хватил солдата за х...й.

— А, господа служба, сам спит, а х...яку пустил в чужую пи...дяку!

— Что ты, чертов сын! Ухватил меня за х...й? — закричал солдат. — Я и жене своей не позволю — не только тебе!

— А зачем, господа служба, пускаешь х...яку в чужую пи...яку?

— Да разве он лазил туда?

— Ишь какой! Да я его оттуда насилу вытащил!

— Экой блудливой шельма! Ну, надую ж ему бока, не станет он у меня шляться по чужим дырам.

СОЛДАТ И ХОХЛУШКА

Ехал хохол с жинкою и сыном в город на волах, а кирасир привязал на дороге кобылу к дереву и е...ет ее.

— Что ты, москаль, делаешь?*

— Да вот казенная лошадь сплечилась, так лечу!

А хохлушка думает: «Верно, у него х...й большой! Ишь кобылу е...ет!»

Взяла и села в телеге на грядку; колесо ударило в канаву. Хохлушка упала с телеги и кричит:

— Беги скорей за солдатом, я сплечилась!

Хохол побежал, догнал солдата:

— Москаль, будь родной отец, помоги, пожалуйста, у меня хозяйка сплечилась.

* Вариант: Хохол подъехал:

— Помогай Бог, добрый чоловіче! Що робишь?

— Что делать, надо помочь твоему горю!
Воротился солдат, хохлушка лежит на земле да стонет:

— Ай, батенька, сплечилась.

— Есть ли у тебя, — спрашивает солдат хохла, — рядом, чем телегу накрыть?

— Есть!

— Хорошо, давай сюда!

Накрыл телегу и положил туда хохлушку.

— А есть ли у тебя хлеб-соль?

— Есть.

Солдат взял кусочек хлеба и посолил.

— Ну, хохол, ступай, держи волов, чтобы с места не трогались.

Хохол ухватил их за рога и держит, а солдат влез на телегу и давай еть хохлушку. Сын увидал, что солдат на матери лежит, сказал:

— Тятко, а тятко! Москаль мамку е...ет.

— И то, сынок, кажись, е...ет! Да нет, хлеб-соль его не попустит!

Солдат отработал и вылез из телеги. Хохлушка говорит:

— Ну спасибо, москаль! Вот тебе карбованец.

Хохол достал кошелек, дает ему два карбованца:

— Спасибо, москаль, что жинку вылечил!

СОЛДАТ И ХОХОЛ

Стоял солдат у хохла на квартире и свел знакомство с его хозяйкой. Хохол заметил и перестал ходить на работу; все сидит дома. Солдат поднялся на выдумку, переоделся в другую одежду, приходит вечером к хате и стучится в окно.

Хохлушка спрашивает:

— Кто там?

А солдат отвечает:

— Бабе.

— Какой бабе?

— Какой хохлов е...ет! Что, хозяин дома?

— На что тебе?

— Да вот последовал указ всех хохлов перееть! Отпирай-ка скорей двери!

Хохол испугался, не знает, куда деваться, схватил кожух, залез под лавку и укрылся тем кожухом. Хохлушка отперла двери и пустила солдата; вошел он в хату и кричит:

— Где же хозяин?

— Его нема дома!

Солдат начал искать его на печи, на полатях и по всем углам и наконец напал на хохла под лавкою.

— А это кто?

Хозяйка и говорит:

— Это теля.

А хохол услышал и замычал по-телячьи.

— Ну, коли нет хозяина, так сама ложись!

— Ах, боже мой, нельзя ли обождать до другого раза, пока хозяин придет?

— Тебе хорошо — до другого раза, а мне надо обойти все избы, а не обойду — так триста палок в спину. Ложись-ка скорее, мне с тобою некогда разговаривать.

Хохлушка легла, а солдат начал ее осаждать по-свойски, до того припер ей, что аж запе...дела с натуги. Отвалял солдат и ушел из хаты. Хохол вылез из-под лавки и говорит:

— Ну, спасибо тебе, жинка! Что за меня потрудилась!* У тебя две дыры: в одну прет, в другую дух идет — и то ты не утерпела да запе...дела, а я, кажись, совсем ус...ался бы! Ох, жинка! Ты умна, а я ще (еще) умней; ты сказала — теля, а я замычал по-телячьи!

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит: кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу. Вот пришла туда девка, а за нею парень; при-

---

* Вариант: Что меня пожалела!

несли с собою вина и разных закусок; поставили в угол, разделись и давай целоваться да любоваться. Парень повалил девку на сено и начал ее есть; девка подмахивает, а сама говорит:

— Ах, милый друг! Коли Бог даст, да рожу я ребенка — кто за ним присмотрит, кто его выводит?

А парень отвечает:

— Тот, кто над нами!

Как услышал эти речи солдат, не вытерпел и закричал:

— Ах, вы подлые! Вы блуд творите, а я за вас отвечать буду!

Парень тотчас вскочил с девки да бежать; девка тоже — давай Бог ноги!

А солдат слез наземь, забрал их одежду, вино и закуски и пошел своей дорогою.

СОЛДАТ И ПОП

Захотелось солдату попадью уеть; как быть? Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на двор.

— Ну, батька! Вышел такой указ, велено всех попов перееть, подставляй свою с...аку!

— Ах, служивый! Нельзя ли меня освободить?

— Вот еще выдумал! Чтоб мне за тебя досталось? Скидай-ка портки поскорей да становись раком.

— Смилуйся, служивый! Нельзя ли вместо меня попадью уеть?

— Оно, пожалуй, можно-то можно! Да чтоб не узнали, а то беда будет! А ты, батька, что дашь? Я ведь меньше сотни не возьму.

— Возьми, служивый, только помоги горю!

— Ну поди ложись в телегу, а сверху положи попадью, я влезу и будто тебя от...бу!

Поп лег в телегу, попадья на него, солдат задрал ей подол и ну валять на все корки.

Поп лежал-лежал, и разобрало его; х...й у попа натужился, просунулся в дыру, сквозь телегу и торчит, да такой красный! А попова дочь смотрела, смотрела и говорит:

— Ай да служивый, какой у него х...й здоровенный: матку и батьку насквозь пронизал, да еще конец мотается!*

* Записана в Московском уезде

СОЛДАТ РЕШЕТИТ

Была свадьба у богатого мужика: женил он сына. И было у него пиrowание великое. Обвенчали жениха с невестою и спать уложили, а наутро подняли, поздравили с законным браком, потом накрыли молодых белою простынею и стали решетить (то есть дарить молодых дарами), всякий кладет денег сколько может! Вот все отрешетили, остался один солдат. Старик видит, что он лежит с похмелья, и говорит:

— Что же, служивый, встань да порешети молодых!

Солдат встал.

— Решетить так решетить, — говорит да идет без портков, как спал, берется за решето и прямо поднял простыню и давай молодую решетить через ж...пу.

— Служивый, — кричит свекор, — ты не так решишь!

А молодая:

— Ничего, батюшка, пускай хоть так порешетит!

Отвалял ее солдат и полез на лавку. Вот свекру досадно стало и говорит он девкам:

— Спойте-ка солдату страшную песню!

Девки запели:

— Ах ты, солдат! По белу свету волочился, а решетить не научился!

— Ах вы, курвы, как умел, так и решетил!

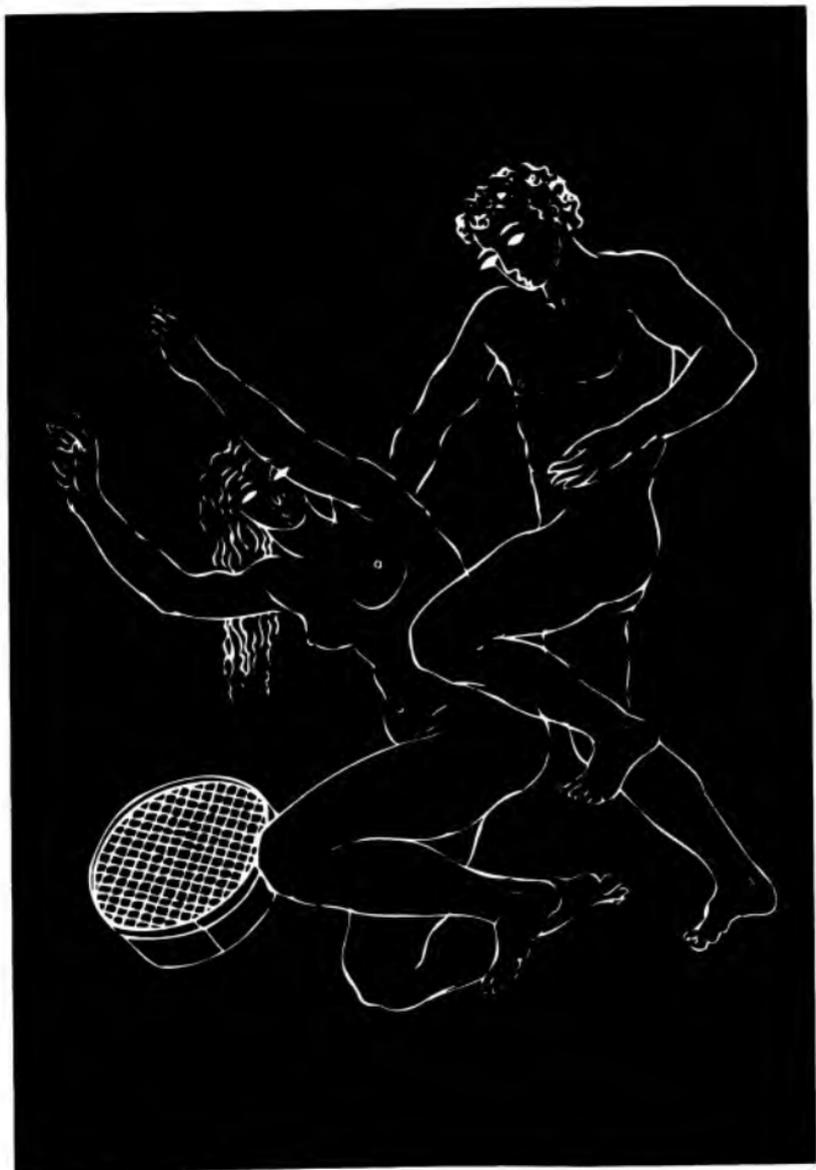
ТЕЩА И ЗЯТЬ-ДУРЕНЬ

Жил-был мужик с бабой, у них была дочь. Нашелся жених, высватал девку и женился на ней. Случилось зятю быть у тещи в гостях на святках. Теща посадила его за стол и начала угощать. Поставила перед ним разных закусок, сама зятя спрашивает:

— Послушай, сынок! У вас нонче какую животину к празднику били?

— Да вишь, мой батюшка перед самым праздником поймал суку в амбаре и так ее прибил, что она уса...ась и усра...ась. Насилу сука-то вырвалась, да бежать, а батька за нею вдогонку, нагнал ее у забора, как она лезла в дыру, да по пи...де еще раз ударил!

«Ну, нажила себе умного зятя! — думает теща, — экое словечко сбухал, больше ничего не спрошу у него».

БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА

Жил-был мужик, и захотелось ему попытаться: можно ли, когда случится, сказать жене тайну или нет?

Захотелось ему раз до ветру, он пошел на двор и вы...рался. Воротился в избу, сел на лавку, повесил голову и так тяжело вздыхает, будто что-то худое сделал!

Стала баба его спрашивать:

— Что ты, али захворал? Какой давеча веселый был, а теперича ишь насутился!

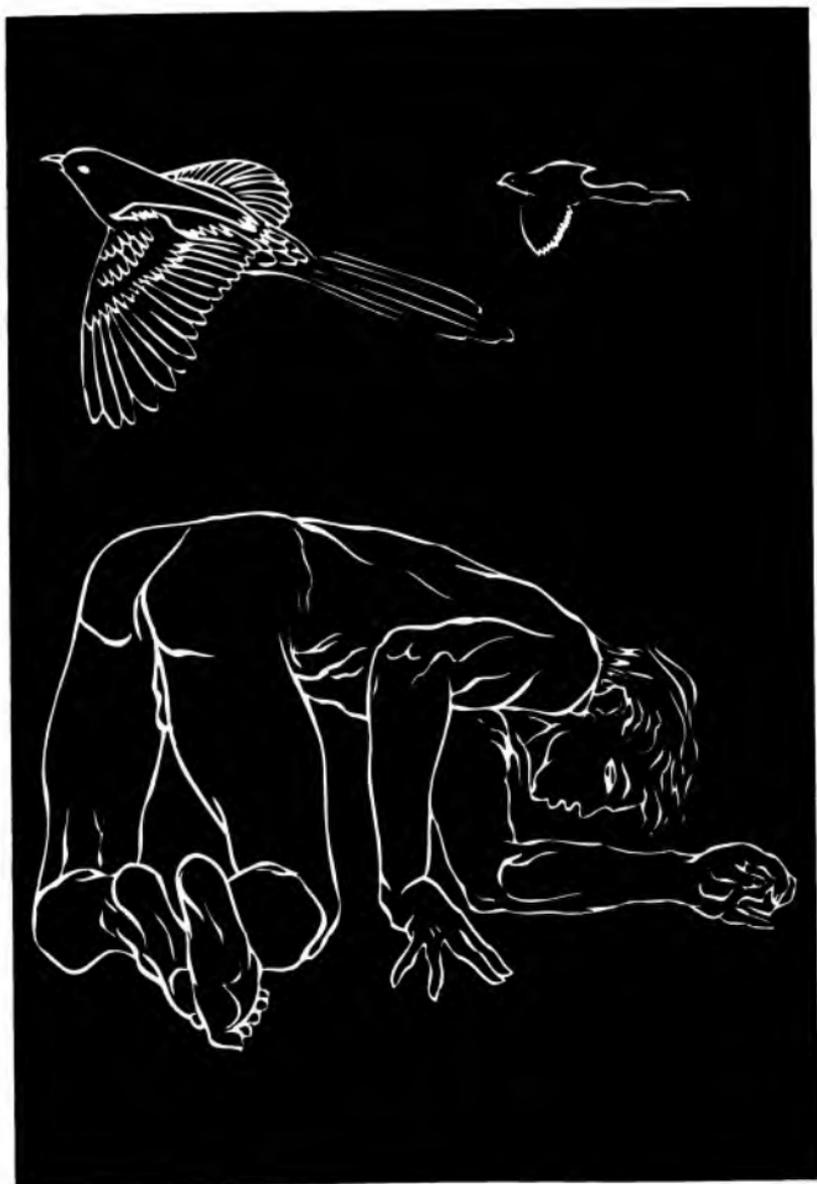
— Эх, жена, молчи! — говорит мужик. — Сам не знаю, перед добром или худом это со мной случилось!

Баба пристала:

— Скажи да скажи мне, что такое случилось?

— Сейчас ходил я, жена, до ветру. Только сел да пе...днул, как у меня из ж...пы вылетела одна сорока, вот я и думаю: к чему бы это такое было?

Как услышала баба про сороку, тут же побежала к куме за каким-то делом и давай ей рассказывать:

— Послушай, кума, что с моим мужем-то вчера случилось: пошел он до ветру, только перднул, как у него из жопы вылетели две сороки, к чему бы это такое?

— Не знаю, кумушка!

Потолковали они, потолковали и разошлись. Кума побежала сейчас к своей куме и говорит ей:

— Не слыхала ты, кумушка Арина, что с Иваном-то случилось? Ко мне жена его приходила и сказывала, что пошел он до ветру и только перднул раз, как у него из жопы вылетели три сороки!

Кума Арина побежала к соседям и нахвасталась, что пошел Иван до ветру, а у него из жопы вылетели четыре сороки. Чем далее шло, тем более сорок прибывало; как обошла весть всех деревенских баб, оказалось, что у мужика из жопы вылетели двенадцать сорок, и так пошла на него слава, что и показаться никуда нельзя! Кто ни попадется на глаза, всяк спрашивает:

— Как это у тебя из жопы двенадцать сорок вылетели? Расскажи, пожалуйста!

ПОП РЖЕТ, КАК ЖЕРЕБЕЦ

а) В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб, как только увидит, бывало, в окно, что мимо двора его идет молодка, сейчас высунет голову и заржет по-жеребьячьи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была очень хороша собой. И ходила она каждый день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее — сейчас высунет голову в окно и заржет. Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика:

— Муженек! Скажи, пожалуйста, отчего это, иду я за водой мимо попова двора, а поп на всю улицу ржет по-жеребьячьи!

— Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет! А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребьячьи: «иго-го», ты ему сама заржи тонким голосом: «иги-ги». Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его замани; вот мы попа-то и обработаем; пусть не ржет по-жеребьячьи!

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидал ее из окошка и заржал на всю улицу: «Иго-го, иго-го!» А баба в ответ ему заржала: «Иги-ги, иги-ги!»

Поп надел подрясник, выбежал из избы и к бабе:

— Что, Марьюшка! Нельзя ли того?..

— Можно, батька! Вот муж собирается в город на ярмарку, только лошадей нигде не добудет.

— Ты давно б сказала, присылай его ко мне, я дам свою пару лошадей с повозкой. Пусть себе едет!

Воротилась баба домой и говорит мужу:

— Так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет.

— Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадок на ярмарку съездить.

— Изволь, изволь, свет!

Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка! Я выеду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь да застучу в ворота — он испугается и станет спрашивать: «Где бы спрятаться?» Ты и спрячь его в этот сундук, что с голландской сажей стоит; слышь?

— Ладно.

Сел мужик в повозку и поехал за деревню, поп увидал и сейчас бросился к бабе.

— Здравствуй, Марьюшка!

— Здравствуй, батюшка! Теперь нам своя воля, погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки.

Поп выпил рюмочку, и не терпится ему, поскидал с себя рясу и сапоги, и портки — сбирается на постель ложиться. Вдруг как застучат у ворот. Поп испугался и спрашивает:

— Кто это, Марьюшка, стучится?

— Ах, батька! Ведь это мой муж домой приехал, кажись, что-то позабыл!

— Куда же мне-то, свет, спрятаться?

— А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда!

Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок. Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает:

— Что воротился?

— Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярмарке-то купят, пособику на повозку снести.

Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы.

— Отчего он такой тяжелой? — говорит хозяин. — Кажись, совсем порожний, а тяжел!

А сам тащит-тащит да нарочно об стену или об дверь стукнет. Поп ката-

ется в сундуке и думает: «Ну попал в добрый капкан!»

Втащили на повозку; мужик сел на сундук и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать — помчались они во весь дух! Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею:

— Поди, останови этого мужика да спроси — куда так шибко гонит?

Лакей побежал и кричит:

— Эй, мужичок! Пстой, пстой!

Мужик остановился.

— Барин велел спросить, что так шибко гонишь?

— Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню.

— Что же, мужик, поймал хоть одного?

— Одного-то поймал, а за другим гнался, да вот ты помешал! Теперь за ним не угонишься.

Лакей рассказал про то барину: так и так, одного черта мужик поймал! Барин сейчас к мужику:

— Покажи, братец, мне черта; я сроду их не видывал!

— Дашь, барин, сто рублей, покажу.

— Хорошо, — сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп, весь избитый да вымазанный в саже, с растрепанными патлами.

— Ах, какой страшный! — сказал барин, — как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глаза так и выпучил!

Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город, приехал на площадь, где была ярмарка, и остановился.

— Что, мужик, продаешь? — спрашивают его.

— Черта! — отвечает он.

— А что просишь?

— Тысячу рублей.

— А меньше как?

— Ничего меньше! Одно слово — тысячу рублей.

Тут собралось около мужика столько народу, что яблоку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке.

— Мужик, продай черта.

— Купите.

— Ну, что цена будет?

— Тысяча рублей, да и то за одного черта, без сундука. Сундук-то мне нужен, коли еще поймаю черта, чтобы было, куда посадить.

Купцы сложились и дали ему тысячу.

— Извольте получать! — говорит мужик, открыл сундук — поп как выскочит

да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от него в разные стороны, так поп и убежал!

— Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь, — говорят купцы промеж себя.

А мужик воротился домой и отвел к попу лошадей.

— Спасибо, — говорит, — батюшка, за повозку — славно торговал; тысячу рубликов зашиб.

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидела попа и ну ржать: «Иги-ги-ги».

— Ну, мать твою так! — сказал поп. — Муж твой славно меня угигикал.

С тех пор перестал поп ржать по-жеребьячи.

б) В некотором царстве, в некотором государстве жил поп, полюбилась ему мужикова жена: как только пойдет она по воду с ведрами — он и начнет ржать, как жеребец. Вот раз идет она по воду, а поп увидел и заржал; а она себе тож взяла и заржала. Поп выбежал:

— Что, умница, нельзя ли свести нам с тобой знакомства?

— Можно, батька, только надо уладить это дело!

Пришла домой и говорит мужу:

— Поп хочет со мной заняться, просится ко мне ночевать.

— Ну, что же? Пускай приходит, а я поеду пахать поле, да ворочусь и накрою его; авось что и слупим с него!

Поехал мужик в поле нарочно мимо попова двора.

— Куда, свет, едешь?

— Пахать, батюшка! Благословите на путь, на дорогу!

— Хорошее дело, — говорит поп, — Бог тебя благословит!

А баба пошла сейчас по воду, по-встречалась с попом и говорит:

— Ну, муж уехал пахать! Приходи, батька, нынче вечером; я тебе закуску приготовлю, а ты вина принеси...

Поп насилу вечера дождался; поскорее оделся, захватил в карман денег и штоф вина и побежал к бабе. Пришел.

— Здравствуй, умница!

— Здравствуй, батька!

Вынул поп штоф, поставил на стол; закусили они и выпили как следует. Тут поп начал с бабой заигрывать, за титьки ее пощупывать, уж совсем на кровать тащит!

Как вдруг застучит в окно:

— Отворяй, жена! Что заперлась? Али женихов прячешь?

— Погоди, муженек, сейчас отопру.

Поп испугался.

— Куда же мне? Куда деваться-то?

А баба ему говорит:

— Ты, батька, поскорей разденься да напяль на себя вот эту худенькую одежду-то и садись здесь у печки. Коли муж про тебя спросит, я скажу: нищий ночевать попросился, я и пустила.

Поп сейчас стащил с себя рясу, оделся в изорванную одежду и сел у печки.

Мужик вошел в избу.

— Что, муженек, рано воротился? Сказал: на три дня едешь.

— Да забыл бочонок с водою. А это что у тебя за человек?

— Это странник, попросился ночевать — я и пустила!

— Ну, хозяйка! Дай-ка поужинать, а там и спать ляжем, завтра рано надуть на пашню ехать.

Сел за стол и начал уписывать.

— Ты, может, винца выпьешь? — говорит жена.

— А разве есть?

— Есть; нынче ходила я к матушке, она дала мне целый штоф.

Мужик подвыпил порядком и говорит попу:

— Садись, земляк, с нами ужинать!

Поп уставился и молчит.

— Эх, жена! Ходил он по белому свету, оброс весь бородою и перед людьми стыдно теперь показываться, вишь как боится! Подай-ка сюда ножницы, я ему бороду-то обстригу!

Баба подала ножницы, мужик и остриг попу бороду догола. Потом сидел-сидел да и выдумал.

— Эй, хозяйка! — говорит. — Ступай к попадье, проси, чтоб пожаловала к нам закусить и выпить; она женщина хорошая! Ее можно попотчевать.

Побежала баба попадью звать, а та тому и рада; вскочила, оделась и пошла к мужику.

— Что так долго, матушка? — спросил мужик.

— Экой! Чай сам знаешь, какое собрание у поповой жены: покуда умоешься да оденешься — хороший мужик десять верст уйдет!

— Ну, садись, матушка, закуси с нами и выпей с чем Бог послал: у меня сегодня праздник: корова бычка родила!

И ну наливать ее водкой; один стакан поднес, и другой, и третий.

— Пей, матушка, за здоровье нашего бычка!

Так все вино и выпили.

— Жена! — говорит мужик своей хозяйке, — сходи-ка в кабак, да возьми-ка еще полштофа: я загулял сегодня!

Жена побежала в кабак, а мужик видит, что попадья захмелела, и стал у нее просить, чтоб дала ему поеть. Попадья отговаривалась, отговаривалась, никак не могла отговориться. Все мужик пристаёт:

— Дай, матушка! Я отродясь не пробовал у попадьи!

— Где же мы ляжем, — спрашивает попадья, — ведь здесь нищий сидит?

— Ничего, пусть себе посмотрит! — сказал мужик, положил попадью на кровать и давай ее зудить. (Вариант: сандалить.)

Поп сидит, поглядывает да тяжело вздыхает. Только мужик покончил с попадьею дело, пришла жена его с водкою. Ну тут опять выпили. Попадья распрощалась и ушла домой, а мужик лег с женою спать. И поп прилег на лавке будто спать, а сам выжидает время — как бы удрать. Мужик нарочно захрапел. Поп потихоньку вскочил да давай Бог ноги. Прибежал домой, насилу достучался, сбросил с себя тряпье и ложится к попадье. Вот попадья хватъ его за бороду — а бороды-то нет.

— Кто это, батька, тебя облупил!

— Да тот черт, что и тебя лупил!

Тут попадья и язык прикусила.

ХИТРАЯ БАБА*

а) Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожились. И говорит жена мужу:

— Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.

— А как поправиться?

— Уж я придумала, только не ругай меня.

— Ну делай, коли придумала.

— Спрячься-ка, — говорит жена, — да выждидай. Я найду и приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем.

— Ну, хорошо.

Вот взяла она короб, насыпала сажею и поставила на полатах, муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралась и вышла на улицу, да и села подле окошечка, такая наряженная!** Немного погодя едет мимо

* Сравни со сказкой «Поп ржет, как жеребец».

** Вариант: Эта сказка начинается так: мужик бедный, Ванька голый, задумал жениться на богатой купеческой дочери, выпросил у ее отца мерку мерить деньги и тем обманул его. Тот подумал: «Верно, мужик богат» — и отдал за него свою дочь. Он стал мотать и промотал все. Тут жена его пустилась на хитрости. Дождалась воскресенья и пошла к обедне. Увидал ее помещик, подошел к ней, стал бранить ее мужа за пьянство и говорит:

— Эх, Марья Дмитриевна! Нельзя ли с тобой ночку переночевать?

— Можно, — сказала она, — только когда мужа дома не будет.

верхом на лошади поп. Подъехал близко и говорит:

— Что, молодушка, нарядилась, али праздник у тебя какой?

— Какой праздник! С горя нарядилась! Теперь я одна дома.

— А муж где?

— На работу уехал.

— Что, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать!

Отстояла она обедню, смотрит, поп за ней бежит и просит:

— Как бы, Марья Дмитриевна, того — нельзя ли тебя хоть разок поеть?

— Можно, приходи, как мужа дома не будет.

(Место помещика занимает иногда воевода.)

Пришла Марья Дмитриевна домой и рассказала про все мужу. Сам он сейчас пошел по деревне, идет мимо помещичьего дома и кричит:

— Пойдет Ванька голый во царев кабак на всю ночь гулять!

— Зайди ко мне, — кричит помещик, — я поднесу.

— Нешто у меня денег нет?

А сам поскорей потащился к попову двору, идет и тож кричит себе:

— Пойдет Ванька во царев кабак на всю ночь гулять!

Как услышал такие слова, помещик сейчас нарядился и пошел к Ванькиной жене. Она посадила его за стол и стала потчевать, как вдруг воротился домой Ванька голый.

— Ах, Марья Дмитриевна, куда мне деться?

— Полезай в сундук.

Помещик полез туда, а муж вошел и заругался на хозяйку:

— Што до сих пор, мать твою туда-то, не ложишься спать?

Пошумел-пошумел и ушел. Он за дверь, а тут и поп пожаловал в гости. И с попом случилась та же беда, бросился он в сундук и прямо сел на помещика; тот схватил его за бороду.

— Это, ты, батюшка?

— Я, свет!

Ванька голый запряг лошадь, поставил сундук на воз, привез к реке и бросил его в воду. Поп с помещиком насилу выбрались; а Ванька забрал их одежду со всеми деньгами, что в карманах были, и стал со своей женой жить-поживать да добра наживать, а лиха избывать!

— Милости просим, батюшка!
— Куда же лошадь девать-то?
— Веди на двор, я велю батраку при-
брать ее.

Вот вошли они вдвоем в избу.

— Как же, голубушка, надо наперед
выпить; вот целковый, посылай за вином.

Принес батрак им целый штоф вод-
ки, они выпили и закусили.

— Ну, теперь пора и спать ложиться, —
говорит поп, — поваляемся да и по-
еб...мся немножко!

— Послушай, батяка! Коли гре-
шить, так грешить: раздевайся догола;
так веселее!

Поп разделся донага и только улегся на
кровать, как муж застучит шибко-нашибко.

— Ох, беда моя! Муж воротился!
Полезай, батюшка, на полати и
спрячься в короб.

Поп, как был голый, так и вскочил в
короб и улегся в саже. А муж идет в из-
бу да ругается:

— Что ты, мать твою разэдак! Дверь
долго не отворяешь?

Подошел к столу, выпил водки ста-
кан и закусил; вышел потом из избы и
опять спрятался, а жена поскорей на
улицу и села под окошечком.

Едет мимо дьякон. С ним то же случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажеею и прямо попал на попа.

— Кто тут?

— Это я, — говорит поп шепотом. — А ты, свет, кто?

— Я, батюшка, дьякон.

— Да как ты сюда попал?

— А ты, батюшка, как?

— Уж молчи, чтоб хозяин не услышал, а то беда будет!

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка и дьячка. Очутился и он в коробе с сажеей, ощупал руками попа и дьякона:

— Кто здесь?

— Это мы, я и отец дьякон, — говорит поп, — а ты, кажись, дьячок?

— Точно так, батюшка!

Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук; он бултых в короб:

— Кто тут?

— Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком. А ты, кажись, звонарь?

— Так точно, батюшка!

— Ну, свет, теперь весь причет церковный собрался!

Муж вошел и говорит жене:

— Нет ли у нас сажи продажной?
Спрашивают, купить хотят.

— Пожалуй, продавай, — говорит жена, — на полатах целый короб стоит.

Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге. Едет барин.

— Сворачивай! — кричит во всю глотку.

— Нельзя, у меня черти на возу!

— А покажи, — говорит барин.

— Давай пятьсот рублей.

— Что так дорого?

— Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут!

Дал ему барин пятьсот рублей. Как открыл он короб — повыскочил оттуда весь причет церковный. Да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные!*

* Вариант Пришел поп и только выпил рюмку, смотрит — муж стучится в избу Куда деваться?

— Садись сюда, — говорит жена, — мели в жерновах теперь темно, не признает, я скажу тетка мелет!

Поп стал молотъ Ванька вошел в избу, как треснет попа по уху

— Мели, тетка! Мели, курва!

Походит, походит по избе, да опять попу по уху

— Мели, тетка, мели, курва!

А потом закричал на жену

— Вдувай огонь!

Вдула жена огонь, посмотрел Ванька и закричал

— Ах ты, косматый черт, зачем сюда зашел?

Делать нечего попу, признался

— К жене твоей пришел!

— Давай пятьсот рублей выкупу!

б) Жил-был мужик, была у него молодая да пригожая жена. Полюбилась она попу, дьякону и дьячку.

— Что, Марьюшка, — спрашивает поп, — нельзя ли этого?..

— Приходите, батюшка, вечером, как только стемнеет.

Стал просить дьякон, она сказала ему:

— Приходите, отец дьякон, как совсем ночь наступит.

А дьячку велела приходиться около полуночи. Мужик сговорился с женой, ушел из дому, набрал мешков, будто хочет в город идти на базар.

Пришел к бабе поп и только разделся, разделся стук — мужик воротился. Поп спрятался в короб на самый низ. Потом пришел дьякон, туда же попал и лег на попа; а за ним дьячок, поверх всех улегся. Мужик кричит:

— Подай, жена, ружье! Хочу стрелять, да напиши мелом цель вот на этом коробе.

Пишет баба цель; поп шепчет ей:

— Пиши повыше!

А дьячок:

— Пиши пониже.

Поп говорит

— Дам, только отпусти душу на покаянье!

— Да еще выгони у меня из дому черта

Взял поп крест и запел молебен Ванька открыл короб — оттуда выскочил измазанный помещик и бежать. Поймал его Ванька и содрал тоже выкупу 500 рублей и стал себе жить припеваючи

Попугал их, попугал мужик и велел жене выпускать на волю, а сам стал с дубинкою у порога и давай потчевать. Дьячок и дьякон ушли, а поп спрятался в сенах под корову. Мужик приметил то и говорит жене:

— Жена! Ступай к попадье, пусть придет да корову купит: она давно торговала; я теперь дешево отдам.

Как услышала попадьа о корове, сейчас вскочила с кровати, оделась и прибежала.

— Что, Иван, коровку-то продаешь?

— Продаю, матушка!

— Что просишь?

— Давай сорок рублей; а коли попилить дашь, ничего не возьму.

— Ну, пили, свет!

Мужик разложил попадью в сенах, отработал ее и говорит:

— А корову, матушка, я завтра пришлю вместе с теленком.

Попадьа ушла, а мужик кричит на жену:

— Давай ужинать!

— Что тебе?

— Давай молока!

— Молока нету, теленок всю корову высосал!

Мужик взял дубинку и давай лупить попу, а поп, как теленок, мычит; мычал да видит: дело-то неважно, выскочил и драла домой.

— Где ты был? — спрашивает попадя. — Ишь полуношник, все по бл...дям шляешься!

А поп говорит ей:

— Молчи, мать твою так, а где коро-ва, что ты купила?

в) Жил-был кузнец, у него хозяйка была чудная красавица. Жили они бедно. Раз кузнец говорит своей жене:

— Послушай, хозяйка! Что нам делать? Откуда денег взять? Ты хоть бы женихов к себе приманила! На тебя и богатые станут зариться. Ступай-ка по городу, не попадется ли какой дурак! А ты смотри не плошай: коли кто у тебя попросит, ты сбри с него деньги и вели приходить на ночь в кузницу, через трубу. Я сам там буду и разделаюсь как надо!

Кузнечиха нарядилась почище и пошла по городу.

Попадается ей знакомый поп.

— Здравствуй, бабенка! Что, муж твой дома?

— Нету, батюшка! Барин потребовал его к себе на целый месяц на работу, я теперича живу одна.

— Ну, свет, тем лучше, что одна. Нельзя ли мне другому к тебе ночевать прийти?

— Отчего же, батюшка, можно, только дай двадцать рублей.

— Изволь, свет! На сейчас и деньги. Я вечером, после всенощной, прямо к тебе буду.

— Приходи, батюшка, только не в избу, я буду ночевать в кузнице — караулить мужнины струменты; так ты и спустишь туда потихоньку в трубу.

— Хорошо, свет!

Получила она с попа двадцать рублей и пошла дальше. Встречает ее староста церковный.

— А, здравствуй, кузнечиха!

— Здравствуй, добрый человек!

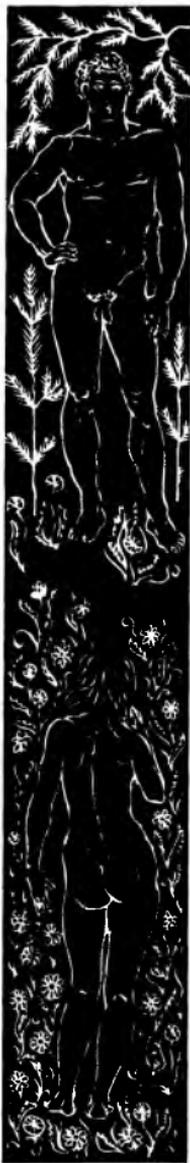
— Что муж твой, дома?

— Нету, ушел к барину работать на целый месяц, теперь одна дома живу.

— Нельзя ли с тобой, милая, хоть одну ночь переночевать?

— Отчего же! Теперь мне своя воля. Давай двадцать рублей и приходи вечером попозже. Я буду ночевать в кузнице; а как придешь, не стучись в дверь, чтоб шуму не было, а спущайся потихоньку в трубу.

— Ладно.

Взяла она со старосты двадцать рублей и пошла дальше. Повстречался с нею цыган.

— Гэ, здорова, пани матка!

— Здравствуй, цыган!

— А что, моя кохана, твой старик дома?

— Нету, уехал на целой месяц к барину работать. Я теперича одна живу.

— Гэ, моя коханочко! Дак я с тобой могу ночку переночевать?

— Отчего же! Приходи, цыган! Только давай двадцать рублей.

Цыган вынул деньги:

— На-на, моя коханочко! Я вечером к тебе прибегу.

— Приходи, цыган, прямо в кузницу и спустишь в трубу: я там стану тебя дожидаться.

— Хорошо, моя голубка!

Воротилась домой кузнечиха и говорит:

— Ну, муженек, придут к ночи три жениха в гости; со всех взяла по двадцати рублей.

— Ну, хозяйка, слава Богу! Я с ними сделаюсь.

Дождались вечера. Кузнец собрался и пошел в кузницу, развел огонь в горне, положил туда клещи и стал женихов

поджидать. Вот поп отправил всенощную, схватил рясу и бегом из церкви в кузницу. Нагоняет его староста.

— Куда вы, батюшка?

— А помалчивай, свет! Согрешил перед Богом, иду к кузнечихе на ночь и деньги вперед отдал.

— Ах, батюшка! Ведь и я туда же иду!

— Ничего, свет! Пойдем вдвоем, еще веселее будет.

Стали подходить к кузнице, нагнал их цыган.

— Гэ, куда вы, отцы духовные?

— Помалчивай, цыган, мы идем к одной бабе на ночь — вот в эту кузницу.

— Ага, батиньки, я и сам к ней бегу!

— Ну, пойдем с нами.

Пришли все трое.

— Ну, кому теперича вперед в трубу лезть?

Поп говорит:

— Мне, свет! Я ведь постарше вас.

— Ну, полезай, батюшка.

Поп снял с себя рясу, скинул долой сапоги и портки. Староста с цыганом взяли, зацепили его веревками под руки и хотят спускать в трубу. Поп говорит им:

— Как только, братцы, я сделаю свое дело, так и закричу: «фык», а вы меня шмыг! И тащите назад.

Только стали опущать попа в трубу, кузнец накалил клещи крепче и схватил батьку клещами-то за м...де, закрычал поп благим матом:

— Фык!

Они его шмыг и вытащили назад.

— Что, батенька, так скоро отработал? — спрашивает цыган.

— Ах, свет! Какая у нее пи...да-то горячая, только дотронулся, дак словно порохом обожгло. Я еще никогда эдакой не пробовал!

— Ну, теперича я полезу! — сказал староста.

— Полезай!

Староста разделся. Поп с цыганом подвязали его за руки и давай в трубу спущать. Кузнец взял клещи, схватил и этого жениха за м...де.

Староста заорал:

— Фык!

Они его шмыг и вытащили назад.

— Ну, цыган, — говорит староста, — не жалко двадцать рублей, было за что заплатить, полезай теперь ты.

— Я, батюшки, не по-вашему стану работать: покудова три раза не отваялю — не отстану от нее. Смотрите же, батеньки, не тащите меня, покудова три раза не скажу: «Фык!»

— Хорошо.

Стали спущать цыгана, кузнец услышал, что третий жених лезет в трубу, взял с горна горячие клещи, схватил цыгана прямо за м...де. Цыган во все горло орет:

— Фык!

Не тащат. Цыган в другой раз:

— Фык!

Не тащат. Цыган в третий раз:

— Фык! Серу, вашего батька! Тут не е...ут, а живого пекут! Фык!

Поп и староста шмыг и вытащили цыгана. М...де все у него облезли! Напустился цыган на батьку:

— Ты, псяча, козляча борода! Зачем не сказал, как там потчуют? Черт тебя бери, пушай бы у тебя одного яйца были поджарены. Ох, батеньки, мне-то пуще всех досталось!

— Ну, свет, ничего, когда подлая баба нас обманула, так пойдем же теперь к ней в избу, а с нею, шкурою, по-своему разделаемся.

Оделись они кое-как и потащились к кузнечихе, пришли в избу и застали ее одну.

— Что ты, шельма, с нами сделала?

— Ах, миленькие, — отвечает кузнечиха, — я ведь и сама не рада, что моего мужа черти домой принесли: воротился ни с того ни с сего да с вечера и пошел в кузницу работать. Садитесь-ка, голубчики, я маленько поубе-

реть: ночь большая, вся наша будет; а муж теперь в кузнице до белого дня пробудет.

Уселись гости. Вдруг идет домой кузнец, притворился пьяным, стучится в дверь и ругается на жену:

— Отворяй, бл...дища!

Как услышали шум да крик — гости повскакивали:

— Куда же нам теперь деваться?

Кузнечиха говорит:

— Не бойтесь, голубчики, я вас спрячу, ведь он пьяный, скоро уснет. Ты, батюшка, скидывай поскорей с себя одежду и становись голой в переднем углу: я скажу мужу, что святья* купила.

Поп сейчас скинул с себя долой рясу, портки, сапоги и сорочку, встал в переднем углу, словно святой, и косу, и бороду распустил.

— А я куда денусь? — спрашивает староста.

— А я куда? — кричит цыган.

— А вы, голубчики, скидайте с себя одежду догола. Тебя, — говорит старосте, — я привяжу к жерди и скажу, что большой кувшин купила, а ты, цыган,

* *Святые* — священные фигуры, которые делают к святкам

полезай вот в эту кадуюшку с гущею; там просидишь — он тебя и не увидит!

Разделись они догола; кузнечиха прицепила старосту веревкою к жерди, а цыган полез прямо в гушу. Отворила кузнечиха дверь мужу, он входит, ругается и кричит:

— Жена, давай ужинать!

Посмотрел, в углу стоит поп.

— А это что за черт у тебя стоит?

— Господь с тобой! Какой черт? Это святые.

— А что за такого большого заплатила?

— Завтра узнаешь, ложись-ка спать.

Кузнец зажег свечу, подошел к попу, взял его за кляп и спрашивает у хозяйки:

— А это что за штука?

— Эта штука, чтоб свечку ставить.

— Ну, дай-ка я сейчас поставлю!

Взял свечку и ну лепить к х...ю. Свечка не пристает — все отваливается.

— Надо этот подсвечник накалить, тогда лучше пристанет!

И стал свечкою конец поповского кляпа прижигать. Поп как пе...днет, прыгнул через стол и вон из избы — так голым и удрал.

— Ах, ты, бл...дища, — закричал муж, — ты ведь купила не святые, а черта, смотри, ведь он ушел, и деньги пропали!

Потом подошел к жерди:

— А это что висит?

— Кувшин большой для воды купила.

— Какой черт кувшин — это настоящая бочка! Да крепок ли он?

— Я стучала в него кулаком — хорошо звенит!

— Дай-ка я поленом попробую: не разобьется ли?

Взял полено и со всего маху как начал дуть старосту по ребрам. Староста только на веревке качается. Вдруг веревка оборвалась; староста головою об пол, вскочил и убежал вон.

— Ишь накупила! — говорит кузнец. — Дай-ка квасу напьюся.

Подошел к кадушке и видит: цыган в гуще по горло сидит, одно рыло выставил наружу. Кузнец креститься:

— Вот до чего с тобой дожил; верно, ты эту гущу держишь в кадушке с тех пор, как за меня замуж вышла: видишь, в ней уж черти завелись!

Взял — накрыл кадушку с цыганом кружком и заколотил накрепко гвоздями. Сидит цыган голодный день и другой; а на третий день запряг кузнец телегу, втащил на нее кадушку и поехал к озеру. Приехал и остановил-

ся здесь. Скинул сапоги, засучил штаны, влез в воду и ходит с кнутом около (озера) берега, будто что ловит. Немного погодя едет мимо барин.

— Здорово, мужичок!

— Эка, барин, зачем здоровкался; только охоте моей помешал.

— Какой охоте?

— Да вот сейчас было взялся черт за крючок, да как услышал твой голос и клевать не стал, назад воротился.

— Что ты врешь?

— Чего врать-то! Я уж одного поймал и в кадушку посадил; а другого ты испугал.

— А покажи мне того, что поймал!

— Не покажу, барин.

— Вот тебе пятьдесят рублей.

— Мне дома и свои господа дадут сотню.

— Ну, бери сто рублей!

Кузнец взял сто рублей с барина, открыл кадушку: как выскочит оттуда цыган весь в гуще, да тягу дал.

— В самом деле черт! — сказал и плюнул, — сколько лет на свете живу, а только в первый раз увидел черта!

Кузнец воротился домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, вить я продал цыгана за сто рублей; теперь надо еще продать попову рясю, и дело ладно будет.

Надел на себя попову рясу, взял попову палку и рано утром пошел к попову двору. Поп увидал кузнеца и думает: «Дело-то будет плохо, коли прихожане узнают».

И стал просить кузнеца:

— Сделай милость, свет, не смейши людей!

— Что дашь? Хочешь выкупить за сто рублей?

— Ни то за сто, полтора ста дам!

Кузнец отдал попу рясу и палку и взял с него полтора ста рублей. Пошел к жене и стал с нею жить да поживать маленько поисправнее*.

*Вариант Вместо кузнеца выведен маляр К жене маляра забрался цыган Муж воротился домой Куда де ваться цыгану?

— Раздевайся, — говорит хитрая баба, — наголо, я тебя поставлю в кладовую, где образа стоят

Муж вошел и спрашивает

— Что работники, много намалевали?

— Поди сам в кладовой погляди

Пошел маляр с женой в кладовую Цыган стоит у стенки, распял руки, точно Христос распятый Маляр посмотрел на него и говорит

— Кого они сделали? Как будто святой Аника — только х и великий! Будто святой Афанас — только х и прицеплен не так, как у нас! Будто святой Ониско — да х и висит низко!

Взял свечу и давай прижигать цыгану х и

Цыган как прынет и убежал домой На другой день маляр увидел цыгана на улице, среди народа, подошел и стал говорить

— Ах, братцы! Что у меня вчера-то случилось! Стали святые бегать

Цыган не утерпел и говорит

— Серу твоего батька! Как будешь х и припекать — еще не так будет утекать!

ЖИДОВКА

Пошел парень на работу; увидел на дороге кабак и заехал ночевать. А тот кабак держал жид; у него была жена. Вот стемнело, и полегли они спать на полу. Показалось жидовке жарко, она спросонок раскидалась и посбросила с себя все: лежит с открытой пи...дой. Взяла мужика охота; он не думал долго, взлез на нее и давай валять. Жидовка думает себе, что это муж ее качает, говорит:

— Волько, волько!

А парень отвечает:

— Какого ты черта волькаешь? Жид про-
снется!

Жидовка схватила его за голову, пощупала — а пейсиков нет!

— Ай вей, волько?

— И так потихонько! — сказал парень, отработал и слез долой.

СОЛДАТ И ЧЕРТ

Вышел солдат в чистую отставку и пустился на родину; а солдат-то был размычь горе: какие были деньжонки, все пустил в разные стороны. Идет дорогою.

— Дай, — говорит, — я с горя горилки тяпну! Продам последний ранец и развеселю ретивое.

Ладно, ранец побоку и урезал полштофа начисто. Пошел путем-дорогою, брякнулся спьяна наземь и стоит на четвереньках, никак не может подняться! Прибежал черт:

— Что ты делаешь, служивый?

— Сам видишь — е...у!

— А что ж у тебя х...й торчит наружу?

— Не попаду!

— Да кого ты еб...шь?

— Да кого велишь, того и стану.

Черт видит, что солдат — парень ловкой, а им таких и надо, взял его к себе. Солдат теперь живет богато — каждый день пьет горилку, курит махорку, редькой закусывает.

НИКОЛАЙ ДУПЛЯНСКОЙ

а) Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень молодой — Тереха Гладкой. Спознал про то старик и говорит жене:

— Хозяйка! Я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел; о чем его ни попросишь — то и даст тебе!

А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и заполз к ней в дупло. Вот баба его напекла пирогов, колобов да масленых блинов и пошла в лес молиться Миколу Дуплянскому. Пришла к сосне, увидела старика и думает: «Вот он, батюшка Микола Дуплянской-то!»

Давай ему молиться:

— Слепи, батюшка Микола, моего старика!

А старик отвечает:

— Ступай, женка, домой, будет твой старик слеп, а зобенку (корзину) с пирогами оставь здесь.

Баба поставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой. Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой.

— Что ты, старик, — спрашивает его жена, — так тихо ползешь? Разве не видишь?

— Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу!

Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. Вечеру того ж дня пришел к ней дружок — Тереха Гладкой.

— Ты теперь ничего не бойся! — говорит ему баба. — Ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколу Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намедня домой и уж ничего не видит!

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся уписывать за обе щеки.

— Смотри, Тереха! — говорит хозяйка, — не подавись блинами; я схожу масла принесу!

Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комком и пихнул Терехе в рот, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый.

— Говорила тебе: не ешь без масла, а то подавишься, дак не послушал: вот теперь и помер!

Взяла его, сволокла под мост и легла спать. Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит:

— Мне и здесь хорошо!

Полежал-полежал старик и закричал, ровно со сна:

— Жена, вставай, у нас под мостом Тереха лежит мертвой!

— Что ты, старик! Тебе во сне привиделось.

Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужи-

ку; увидел у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку — будто мед колупает. Смотрит мужик: кто-то мед ворует, подбежал да как ударит Тереху по голове: тот на землю и повалился, аки мертв. А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот:

— За что ты парня убил?

— Возьми сто рублей, только никому не сказывай! — говорит мужик.

— Давай пятьсот, а то в суд поволоку!

Дал мужик пятьсот рублей; старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жереб от попа, да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого о перекладину — он упал и покатился наземь. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду:

— За что убил парня? Пойдем-ка в суд!

Делать нечего, дал ему поп триста рублей.

— Только отпусти да никому не сказывай.

А Тереху похоронил.

б) Жил-был поп с попадьею, завела попадья себе любовника. Батрак заметил то и стал ей всячески помеху творить.

«Как бы избыть его?»— думает попадья и пошла за советом к старухе знахарке, а батрак с ней давно сделался.

Приходит и спрашивает:

— Родимая бабушка! Помоги мне, как бы работника с попом извести!

— Поди, — говорит старуха, — в лес; там явился Никола Дуплянской, его попроси — он тебе поможет.

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукою, влез на ель и кричит. Попадья глядь — и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить:

— Батюшка, Никола Дуплянской! Как бы мне извести батрака с попом?

— О жено, жено! — отвечает Никола Дуплянской. — Совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да помасляней блинов, они поедят и ослепнут; а еще навари им яиц, как поедят, так и оглохнут.

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали собираться в поле; она им и говорит:

— Наперед позавтракайте!

И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и подливает, ничего не жалеет.

— Кушайте, родные, масляные, мажьте в масло-то, покусней будет!

А батрак уже и попа научил. Поели они и стали говорить:

— Что-то темно стало!

А сами прямо-таки на стену лезут.

— Что с вами, родные?

— Бог покарал: совсем ослепли.

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним гулять, пить и веселиться.

— Дай-ка теперь мне поеть? — просит гость у попадья. — Только давай с заду, как козел козу е...ет!

Попадья задрала хвост и стала раком, а гость взлез на нее.

Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху — важно отдули!

ДВА БРАТА-ЖЕНИХА

Жил-был мужик, у него были два сына — парни большие. Стал старик со старухой советоваться:

— Какого бы сына оженить нам — Грицька или Лавра?

— Женим старшего, — сказала старуха.

И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на самую масленицу в другой деревне. Дождались святой недели, разговелись; вот и собирается Лавр вместе с братом Грицьком ехать к невесте. Собрались, запрягли пару лошадей, сели в повозку. Лавр, как жених, за барина, а Грицько — за кучера, и поехали в гости. Только выехали за деревню, как Лавру захотелось уже ср...ть; так налупился на разговенах!

— Брат Грицько, — говорит он, — останови лошадей.

— Зачем?

— Поср...ть хочу.

— Экой ты, дурак! Уж ли ты станешь на своей земле ср...ть? Потерпи маленько, съедем на чужое поле — там вали хоть во все брюхо.

Нечего делать, поднатужился Лавр, терпит — ажно в жар его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле.

— Ну, братец, — говорит Лавр, — сделай такую милость, останови лошадей, а то невтерпеж: до смерти хочу ср...ть!

А Грицько в ответ:

— Эка ты глупой! С тобой пропадешь; отчего не сказал, как ехали мы через свое поле; там смело бы сел и ср...л, покуда хотел. А теперь сам

знаешь: как ср...ть на чужой земле! Еще не ровен час, какой черт увидит да поколотит нас обоих и лошадей отберет. Ты потерпи маленько; как приедем к твоему тестю на двор — ты выскочи из повозки и прямо в нужник, и сери себе смело; а я тем временем лошадей выпрягу.

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в деревню и пустились к тестиному двору. У самых ворот встречает своего будущего зятя теща.

— Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!

А жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и прямо в нужник. Теща думала, что зять стыдится, схватила его за руку и говорит:

— Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у нас чужих людей никаких нету, прошу покорно в избу.

Втащила его в избу и посадила за стол в переднем углу. Пришло Лавру невмоготу, начал под себя валить и наср...л полные штаны, сидит на лавке, боится с места пошевелиться. Теща-то суетится: наставила перед гостями закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и подносит первый стакан жениху. Только поднялся жених со стаканом и встал на ноги — как

поплыло го...но вниз по ляжкам да в голенища, пошла вонь на всю избу. Что за причина! Воняет!

Теща бросается по всем углам, глядит: не ребяташки ли где напакостили? Нет, нигде не видеть, подходит к гостям.

— Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто; может, кто из вас ногой в го...но попал, встаньте-ко, я посмотрю: не замаран ли у кого сапог?

Осмотрела старуха Грицька — ничего нету, подошла к Лавру:

— Ну-ка, зятек, ты как приехал на двор — так и побежал к нужнику; не втяпался ли в го...но?

Стала его щупать и только дотронулась промеж колен — всю руку выпачкала.

Заругалась она на жениха:

— Что ты, с ума сошел, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал, а насмеяться над нами; подлая твоя душа! Еще не пил, не ел, а за столом обо...рался! Ступай же к черту, будь его зятем, а не нам!

Тотчас призвала старуха свою дочь и говорит:

— Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дрянного за...ерю, выходи за его брата: вот тебе жених!

Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохладиться до самого вечера. Пристигла ночь,

пора и спать ложиться. Старуха говорит гостям:

— Ну, ступайте с Богом спать в новой избе, а ты, дочка, снеси туда перину да постели жениху; а этому за...ере ничего не стели, пушай на голой лавке валяется!

Вот легли они спать, Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, все думает, как бы отомстить брату его насмешку. Слышит, что Грицько заснул крепко, он встал с лавки, взял стол и тихонько перетащил его к самым дверям, а сам опять улегся на лавке. В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идет до ветру прямо к дверям, подошел да как ударится о стол.

«Что такое? Где же двери?» — думает он.

Воротился назад, давай искать — куда ни сунется, все стены.

«Куда ж двери-то девались?»

А ср...ть так приспичило ему, хоть умирай! Что делать? Сел у стола и наср...л такую кучу, что на лопате не унесешь. Наср...л и раздумался: «Дело-то неладно, надо го...но до утра убрать!»

Поглядел кругом и увидел в стене большую щель, как ляпнет — в щель-то не попал, а прямо в стену, го...но отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утерся Грицько руками, забрал еще пригоршню, бросил в другой раз — опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого выпачкал. Надо умыться, стал искать воды; искал-искал и нашупал в печи чугунок с красною краской, что яйца к празднику красят.

Вытащил и стал умывать руки и голову.

«Ну, теперь ладно будет!»

Лег Грицько спать и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенес на старое место. Стало совсем рассветать, пришла невеста жениха будить.

— Вставай, душенька! — говорит она ему. — Уж завтрак готов.

Да как глянула на него и видит, что жених рожею на черта смахивает, испугалась и побежала вон. Прибежала к матери, а сама-то разливается.

— Что ты плачешь? — спрашивает мать.

— Как же мне не плакать? Вить я совсем пропала: поди-ка сама посмотри, что у нас в новой-то избе деется!

— А что деется? Там жених твой с братом.

— Какой жених? Это черт, а не жених!

Пошли все трое: отец, мать и невеста, в избу, где жених спал. Только вошли — жених

увидал их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все красное — настоящий бес!

Они бежать вон. Старик запер избу накрепко и пошел к попу.

— Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: завелась-таки проклятая!

— Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!

— Не бойся, батюшка! У меня есть кобыла: коли что случится — садись на нее верхом и уезжай. Так не то черт — птица не поймает!

— Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!

— Ваша, батюшка, ваша! — говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошел к избе, захватил с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнем, насыпал ладаном; ходят они кругом избы и поют:

— Святый Боже!

«Ишь, — думает Грицько, — поп ходит со крестом, стану у дверей, не равно взойдет в избу — так попрошу у него благословения».

Стал у дверей и дожидается. Поп обошел кругом избы три раза, подступил к дверям и только отворил да сделал шаг за порог — Грицько и протянул к нему свою красную руку. Поп как бросится назад, да на кобылу верхом, и давай стегать ее по бокам кадьлицею наместо кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает, да как-то махнул и попал ей невзначай под хвост горячим, кобыла еще пуще понесла, бьет задом и передом, споткнулась и грянулась наземь, поп через нее кубарем, сломил себе голову и околел, а женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.

НЕВЕСТА БЕЗ ГОЛОВЫ

а) Жил мужик с бабою. Повел он на ярмарку корову и продал мужику из другой деревни, выпили магарыч и стали сватами.

— Ну, сват, будь навсегда знаком!

— Как же, сват, как же!

С тех пор где они ни съедутся, величают друг друга сватами и угощают водкой. Случилось один раз съехаться им в харчевне.

— А, здравствуй, сват!

— Здорово, сват! Какова твоя коровушка?

— Слава Богу!

— Ну, слава Богу лучше всего. А вот, сват, как бы нам с тобой породниться?

— Ну что ж? У тебя сына время женить, а у меня дочь — хоть сейчас выдавай замуж!

— Так, значит, по рукам?

— По рукам!

Потолковали и разъехались. Воротился домой мужик, что корову-то продал, и говорит сыну:

— Ну, сынок, кланяйся: я тебе невесту нашел, хочу тебя женить.

— Где же так нашел, батюшка?

— А помнишь того свата, которому надесь я корову-то продал?

— Знаю, батюшка!

— Ну вот у этого свата дочка — красавица!

— Нешто ты видел?

— Сам-то я не видал, а от свата слышал.

— А не видал, так и хвалить неча. Сам ведаешь: заглазного купца кнутом дерут! Ты пусти меня, я схожу в ихнюю деревню, повысмотрю хорошенько и разузнаю: какова еще девка?

— Ну, ступай с Богом!

Парень надел на себя самую худую одежду, перекинул узду через плечо,

взял кнут в руки и отправился к свату. Пришел уже вечером и стучится под окошком у сватовой избы.

— Здорово, хозяин!

— Будь здоров, добрый человек, — отвечает мужик, — чего тебе надо?

— Пусти к себе от темной ночи укрыться.

— А ты откуда?

— Издалеча, верст за сто, ищу, дядюшка, хозяйских лошадей. Был я на ночлеге с лошадьми, у меня двух лошадей и увели. Вот третий день ищу, а толку нету...

— Пожалуй, переночуй у нас!

Вошел парень в избу, снял узду с плеча и повесил на гвоздь, сел на лавку и поглядывает на невесту. Старик спрашивает у своего ночлежника:

— А что в вашей стороне хорошего слышать?

— Хорошего, дяденька, ничего, а худого много.

— Что же то такое?

— Да вот что: кажную ночь волки людей едят: уж недели с две редкая ночь пройдет, чтобы волки не отгрызли пять или десять человек!

Потолковали и легли спать. Старик со старухой в клетки, дочь в сенях на койке, и ночлежник в сенях, только на сене, что наверху было на досках накладено. Парень лежит да все при-

слушивается, не придет ли к девке какой любовник? Прошел час и два, вдруг постучался кто-то в двери и говорит:

— Миленькая, отопри!

Девка встала потихоньку, отперла дверь и впустила своего любовника, он разделся и лег с нею спать. Поговорили промеж себя и до того договорились, что гость забрался на девку и ну валять ее во все лопатки. Отзудил раз, отзудил и в другой.

— Послушай, душа, я слыхала от баб, что если привязать ноги веревкою и притянуть покруче к самой шее, то пи...да вся внаруже будет и что эдак-то хорошо еться: не надо и подмахивать. Попробуем-ка, дружок!

Гость долго не думал, взял свой кушак, обвязал около ее ног, притянул их покруче к шее и давай качать. Тут ночлежник как бросится сверху да закричит во все горло:

— Караул! Рятуй, хозяин! Твоя дочь пропала, волки голову отъели.

Любовник соскочил да и к дверям, а ночлежник схватил его за шиворот.

— Нет, брат, стой, погоди маленько!

Старик со старухою услышали крик, что волки у ихней дочери голову отъели,

выбежали из клетки и к дочерней постели. Шукает ее старик руками и нащупал впотьмах пи...ду и ж...пу, оробел. Вить это, думает, одно туловище — головы-то нету. И закричал на старуху:

— Давай скорей огня! Теперича нашей дочки нет живой на свете!

А сам крепко ухватился и держится за пи...ду и ж...пу и плачет по дочери.

Принесла баба огня. Глядь, а дочка-то связана!

— Господи Боже мой, что это такое?

— А вот он, дядюшка, волк-та! — говорит ночлежник, держа любовника за ворот.

— Эка ты, сукин сын! — закричала старуха. — Разя не мог поеть ее попросту?

Давай толкать любовника в шею, так и вытолкали. А дочь развязали.

— Сделай милость, дружок, — просит старик ночлежника, — не сказывай никому нашего горя, вот тебе за то двадцать пять рублей.

— Нет, дядюшка, не скажу! Бог с вами! Какое мне дело!

Поутру угостил старик ночлежника и проводил за деревню. Пошел парень домой, идет, а навстречу ему целая ватага нищих с котомками.

— Послушайте, нищенские, — стал он говорить им, — ступайте вот в эту деревню, там на самом краю живет мужик богатый, нынче он делает поминки по своей дочери, у которой волки голову отъели. А мужик-то добрый, он вас примет, накормит и напоит, еще и в котомки наладит.

Нищие прямо туда и потащились, пришли на двор, выстроились в ряд и дожидаются обеда. Хозяин увидал:

— Ишь, сколько их нашло!

Взял большой каравай хлеба, разрезал и обдал все по куску, а нищие все стоят, не идут со двора вон.

— Чего же вы дожидаетесь? — спрашивает мужик. — Вить вам дали милостинку!

— Да не будет ли, дядюшка, твоей милости, не дашь ли нам пообедать да помянуть твою дочку.

— Какую дочку?

— Да которую волки съели.

— Какой черт вам сказал, у меня дома все благополучно!

— Да нас послал к тебе эдакий-то парень.

— Ну, ну, проваливайте! — закричал мужик.

Нищие ушли со двора, а хозяин говорит:

— Ну, старуха, пропали мои деньги! Только понапрасну дал этому сукину сыну: обещался никому не сказывать, а как вышел за ворота, полон двор нищих нагнал! Поди-кась он теперича по всем деревням славу пустил! Да еще

коли сват про то узнает, так дело наше дрянь выйдет!

Меж тем парень шел-шел и пришел домой.

— Ну что, сынок, видел свою невесту? — спрашивают его отец с матерью.

— Ах, батюшка, не досаждайте мне, лучше бы совсем не видеть.

— Что так?

— Да вить у моей нареченной невесты, царствие ей небесное, волки голову отъели. Одно туловище и оставили, завтра хоронить будут!

— Эка беда-то стряслась над ними! Надить, старуха, поехать да проститься, пока не похоронили. Люди они для нас были хорошие. Запряги-ка нам, сынок, лошадок, мы со старухою к свату поедем...

Сын запряг лошадей, они сели и поехали. Подъезжают ко двору, а сват увидал и выбежал навстречу.

— Здравствуй, сват! Как Господь милует? Милости просим в избу, гости дорогие!

А гости унылым голосом отвечают:

— Спасибо, сватушка, мы к тебе не гостить приехали, а проститься с твоею дочкою. Верно, не судьба нам быть в родстве с тобою.

- Отчего же, сват?
  - Да вить у тебя несчастье в доме: волки голову у дочки отгрызли!
  - Когда? Кто это вам сказывал?
  - Да сынок, вить он у тебя прошлую ночь ночевал. Все сам и видел.
  - Вот-те раз! Дак это твой сын был? Нечего делать, хоть дочка моя и жива, да дело-то неладно!
- Потолковали и решились с Богом, с тех пор и перестали они называться сватами.

б) Отпросился солдат в отпуск, шел-шел путем-дорогою и пришлось ему ночевать у одного попа. У этого попа была дочь, и солдат уж дорогою слышал про нее, что к поповне ходит полюбовник. Сели ужинать, поп и спрашивает:

- Служивый! Где ты служишь-то?
  - В Питере, батька!
  - А что, часто царя выдаешь?
  - Да безпереч.
  - Не слышать ли у вас чего нового?
  - Слышать-то слышать, да говорить нельзя!
  - Скажи, свет.
  - Тады узнаешь, как указ будет.
  - Пожалуйста, свет, скажи!
- Пристал поп к солдату, как банный лист к ж...пе.
- Ну, батька! Будет новая форма бабам на-счет е...ли, ноги в хомут и голову в хомут — так

и е...ись! Эдакая теперь пошла строгость во всем: даже еть нельзя без формы!

— Что делать, ихняя воля! — сказал поп.

А дочь сидит себе да слушает. Вот легли спать, дочка на печи, а солдат на полатях.

— Дай, батюшка, мне полено, — говорит солдат попу.

— А на что тебе, кавалер?

— Да у вас, пожалуй, ночью волки ходят!

Поп рассмеялся, подал ему полено и говорит поповне:

— Вишь, рассказывают, в Питере дураков нет, а вот — солдат да и тот с дурью; коли так в избу ходят волки?

Вот в самую полночь пришел полюбивник к поповне на печь и хочет на нее лезть, а она ему не дает.

— Найди, — говорит, — хомут. Теперь на то новая форма царем уставлена, нынче солдат батьке сказывал.

— Да где я тебе хомут-то возьму?

— В сенях на гвозде висит.

Вскочил он, принес хомут, надел поповне на ноги, а там задрал ей ноги кверху как можно покрутее и просунул в хомут поповнину голову. Только стал было ее запендрячивать, а солдат вско-

чил с полатей да как урежет его поленом по ж...пе, а сам кричит благим матом:

— Батюшка, волки!

Полюбовник удрал, не кончив дела, а поп с попадъей бросились на печь посмотреть, не съели ль волки поповну. Поп схватил ее за пи...ду, а попадья за ж...пу и голосят себе.

— Ах, бедная дочка! Отъели у тебя волки голову.

Солдат вздул огонь и на печь, тут поп с попадъей увидали, что дочка-то жива — в хомуте сидит. Солдат посмотрел и закричал:

— Да как вы смели без указа государева эдак делать?

— Не сказывай, служивый, — просит поп, — вот тебе сто рублей.

Солдат взял деньги и говорит:

— Ну, батька, так и быть — ей по глупости прощаю, а коли б ты сам да с попадъей стал эдак еться — тысячи рублей бы не взял!

БАБЬИ УВЕРТКИ

— Тетушка! Я хочу у тебя попросить...

— Ну говори, что тебе нужно?

— Я думаю, ты и сама можешь догадаться, что нужно.

Тетка сейчас догадалась:

— Я бы, пожалуй, Иванушка, сделала для тебя удовольствие, да вить ты не знаешь наших бабьих уверток.

— Авось, тетушка, как-нибудь и увернуся!

— Ну, хорошо, приходи сегодня ночью к нам под окошко.

Парень обрадовался, дождался ночи и пошел к дядину двору, а кругом двора-то была набросана кострика. Ходит он мимо окна, а кострика под ногами трещит!

— Посмотри-ка, старик! — говорит тетка. — Кто-то ходит около избы, не вор ли какой?

Дядя открыл окошко и спрашивает:

— Кто там по ночам шляется?

— Это я, дядя, — отвечает племянник.

— Какой черт тебя сюда занес?

— Да что, дядя! За спором дело стало: отец говорит, что у тебя изба срублена в девять венцов, а я говорю — в десять. Вот я и пришел пересчитать.

— Разве он, старый черт, разум-то прожил! — говорит дядя. — Сам же рубил со мной избу в десять венцов!

— Так, дядя, так; вот я пойду, отцу-то в глаза наплюю!

На другой день парень сказал тетке:

— Ну, тетушка! Эдак, пожалуй, с тобой дела не сделаешь, а попадешься!

— Экой ты чудной! Дядя с тобой говорит, а я как к тебе выйду? А ты знаешь, где наша закута, куда овец загоняют, туда и приходи в нынешнюю ночь. Уж я к тебе непременно выйду!

Парень послушался, пришел ночью в дядину закуту, прижался в угол и поджидает тетку. А тетка говорит своему мужу:

— Поди-ка, хозяин! Что-то у нас на дворе не здорово: нет ли зверя. Овцы наши что-то всполошились. Уж не волк ли к нам забрался!

Старик вышел на двор и спрашивает:

— Кто здесь в закуте?

Племянник выскочил:

— Это я дядюшка.

— Зачем тебя черт занес в эдакую пору?

— Чего, дядюшка? Отец не дает мне покою, чуть не дошло у нас до драки.

— За что ж так?

— А вот за что: он говорит, что у тебя девять овец, а десятый баран. А я спорю, что у тебя только девять овец, а барана вить ты зарезал.

— Да, твоя правда: барана я на крестины зарезал. Да вить он, старый дьявол, сам был у меня на крестинах и ел баранину. Даром, что он мне брат родной, а я завтра как увижу его — сейчас в глаза наплюю.

— А мне что? Даром, что он мне отец родной — пойду ему да бороду выдеру, а то вить сам не спит и людям не дает! Прощай, дядя!

— Прощай с Богом!

А тетка так со смеху и катается. На третий день племянник увидал тетку и говорит:

— Ах, тетка, тетка! Как тебе не стыдно? С тобою, право, пропадешь!

— Эх ты, Ваня, Ваня, какой глупой! Дядя-то с тобой разговаривает, а мне как к тебе выйтить? Вот теперя два раза увернулся. Смотри в третий раз не дай маху. Ночью приходи к нам в избу, вить ты знаешь, где мы спим, да как нащупаешь — так и валяй. У меня ж...па-то будет заворочена.

Только легла тетка спать с мужем, да и говорит ему:

— Послушай-ка, что я тебе скажу: чтой-то мне мочи нету, спала я шесть годов с краю, а теперь ложись ты сюда, а я к стенке.

— Мне все равно, — сказал старик и полез на край.

Полежала, полежала тетка да вздумала:

— Эх, хозяин, какая в избе-то жара! Посмотри-ка, должно быть, печка закрыта. А сама хватъ его рукой за ж...пу:

— А ты все в портках! Ах ты, прелое м...де! Ты бы спросил хоть у Лукьяна или Карпа: спят ли они когда в портках со своими женами?

Он послушал ее ума-разума, скинул портки и заснул: ж...па заворочена! Только пропели первые петухи, племянник пролез в подворотню, да сейчас в сени, приложил ухо к дверям: в избе тихо. Отворил дверь потихоньку, вошел в избу и ну щупать около постели. Нащупал дядину ж...пу и обрадовался голой с...аке, вынул свой кляп и наставил дяде в жопу. Как попер, дядя закричал благим матом и ухватил его за х...й. А тетка спрашивает:

— Что ты, что ты, старик?

— Вставай скорей! — закричал дядя на жену, — Зажигай лучину: я вора поймал.

Тетка вскочила, побежала будто огонь дуть, да взяла воды и остальной огонь залила.

— Что ж ты копаешься?

— Да огня нету!

— Беги к соседу!

— Как я пойду! Теперь дело ночное, волки таскаются.

— Ах, мать твою растак! На вот, держи вора, а я сам побегу за огнем-то. Да смотри не упусти!

Покедова дядя отыскал фонарь, отпер ворота, пришел к соседу, разбудил его и рассказал, что случилось, да добыл огня, тетка в это время оставалась с племянничком в избе.

— Ну, — говорит, — теперича делай со мной что хочешь!

Вот он положил ее на постелю и отработал ее два раза. Тетка проводила парня и думает: «Что сказать мужу? Как-де вора упустила?»

Спасибо, на ее счастье не так давно телилась корова, а теленок был привязан к ихней кровати. Баба хитра, ухватила этого теленка за язык и держит. Воротился муж с огнем и спрашивает:

— Жена, что ты держишь?

— Как дал ты, так и держу!

Мужик так рассердился, схватил ножик и отрезал теленку голову.

— Что ты, с ума сошел али взбесился? — закричала на него жена.

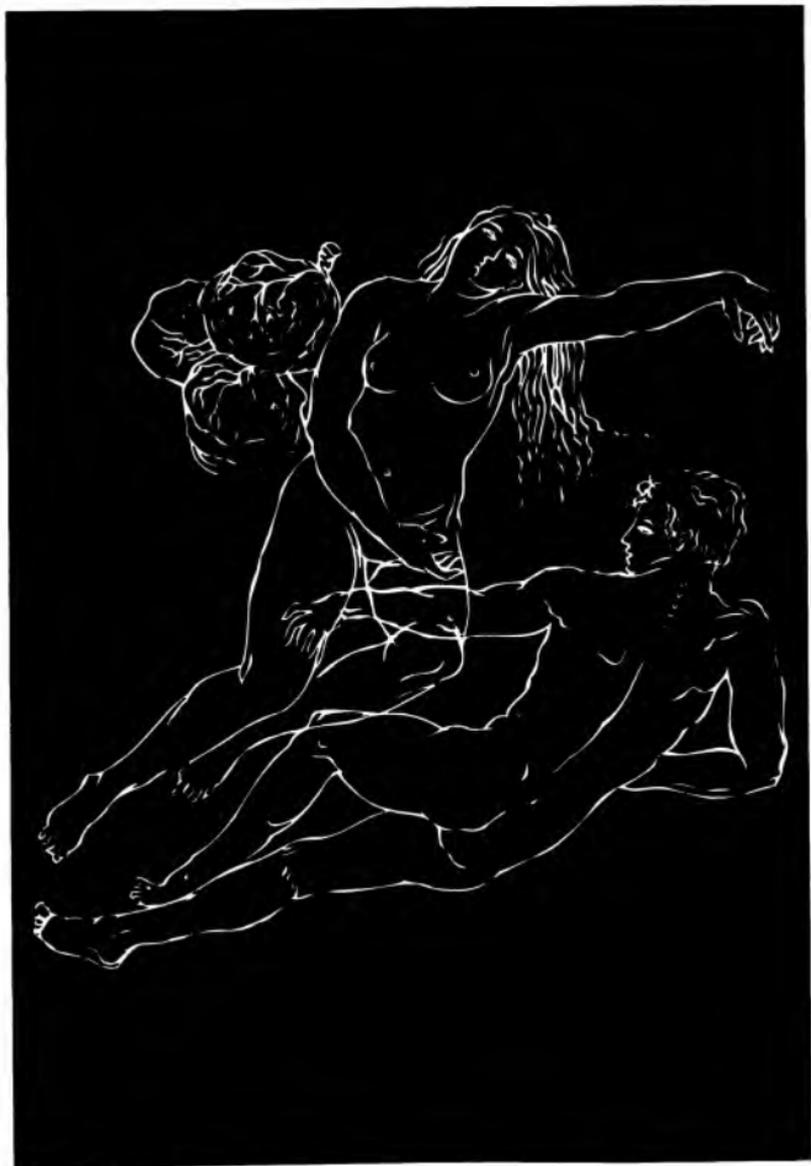
Он скинул свои портки и показывает ей ж...пу.

— На, посмотри, как он меня лизнул! Коли бы еще раз лизнул, кажись, и жив не был бы!

Повстречалась тетка с племянником и говорит:

— А что, Ваня, купишь мне красные башмаки (сапоги)?

— Отчего не купить! Вот завтра в город поеду и куплю.

— Купи, Ваня я те заслужу.

А Ванька-то был не промах, пошел на огород, выбрал кочан капусты, вырезал вилок да в платок завернул и несет тетке.

— Что, Иванушка, купил?

— Купил.

— Дай-ка я попробую.

— Сперва заработай!

Привел ее в сарай, платок с вилок положил ей под голову и давай попирать тетку: попирает, а капуста в головах скрипит да скрипит.

Тетка и говорит:

— Скрипи, не скрипи, а быть на ногах!

А парень:

— Съесть и в пирогах!

СТРАННЫЕ ИМЕНА

Жил-был мужик с женою. Поехал на поле пахать, только прошел одну борозду и выкопал котелок с деньгами. Обрадовался мужик, схватил котелок и только хотел припрятать — подходит солдат, увидал деньги и говорит:

— Послушай, мужик! Это мои деньги. Коли отдашь их мне, то, сколько борозд пропадешь нынче, столько котелков с деньгами найдешь!

Мужик подумал-подумал и отдал солдату свою находку. Начал опять пахать, прошел одну борозду, нет денег, прошел другую — тоже нет!

«Видно, соху пущаю мелко!» — думает мужик и пустил соху поглубже, едва лошадь тянуть сможет. А денег все нету.

Приходит к нему хозяйка с обедом и давай его ругать:

— Какой ты хозяин! Бога ты не боишься, поди-кась как лошадь упарил! Зачем так глубоко пахешь?

— Послушай, жена! — говорит мужик. — Только приехал я на поле да прошел первую борозду — сейчас и вырыл котелок, полный денег; да принеси на ту пору нечистая сила солдата. Коли ты, говорит, отдашь мне эти деньги, то, сколько ни пройдешь за день борозд, столько и котелков с деньгами найдешь. Я ему и отдал свою находку; стал пахать да вижу, что нет ничего, и подумал себе: видно, соха берет мелко, ну, взял и пустил ее поглубже: пахал-пахал, целый день пахал, толку нету!

— Экой ты дурак! Попало счастье, не мог сберечь. А в какую сторону пошел солдат?

— Да прямо вот по этой дороге.

— Пойду-ка его догоню!

И пошла хозяйка со своим сынишкой догонять солдата. Шли-шли и видят: идет какой-то солдат и несет в руках котелок. Нагнала.

— Здорово, служивый! Куда Бог несет?

— Иду в отпуск, голубушка!

— А в какую деревню?

— Да в такую-то.

— Ну и мне туда ж надо; пойдем вместе.

— Пойдем!

Идут вместе и разговаривают:

— Как тебя, голубушка, зовут?

— Ах, служивый, нас с сыном так зовут, что сказать стыдно.

— Что за стыдно! Украсть — стыдно, а сказать — ничего, все можно.

— Да вишь, меня-то зовут На...еру, а сына — На...рал.

— Ну, что ж — это ничего!

Пришли они на постоялый двор и легли ночевать. Только солдат заснул, баба выгатила у него котелок, разбудила сына и ушла с ним домой. Солдат проснулся, хватился — а денег нету, и стал звать:

— На...еру, На...еру!

А хозяин услышал и говорит:

— Служивый, ступай в нужник срать.

Солдат видит, что баба не откликается, давай звать мальчика:

— На...рал, На...рал!
А хозяин заругался:
— Экой ты, служба! Таки на...рал в хате!
Взял солдата и выгнал вон.

ПОП И ЦЫГАН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был цыган, у него был отец-старик. Крепко старик заболел, лежит в постели. А сын ходил, ходил за ним да потом бросил. Что отец ни попросит у него — пить або что, — цыган будто не слышит, только думает, кабы поскорее помер!

— Э, сынку, сынку! — говорит отец, — ты вже не став мене и за батька почитати, а я ж тебя на свит родыв!

А сын ему отвечает:

— Серу твоего батька! Ты не мене робыв, а свою душу солодыв (услаждал). Полизай ты к матери в с...аку, то я, батько, тебе перероблю.

Отец вздохнет и промолчит. Пришло время, помер старик. Одели его и положили на лавке. Лежит покойник, борода у него длинная; накурили в избе ладаном, все готово. Пошел цыган за попом.

— Здравствуй, батиньку!

— Здорово, цыган! Что скажешь?

— Мой батько помер, пида похорони.

— Невжели помер?

— Помер, легкой ему опочывок! Лежит на лавке, как Спас, и бородку свою распас, мосьмило по хатоньке походите и на его билое тило посмотрите. Да кажись, батиньку, он и просвятится, бо так и пахнет от него ладаном!

— Что же, цыган, есть у тебя деньги за похороны заплатить?

— За шо тоби деньги платить? За тое стерво, шо лежит на лавки, черный, як голешка, а выгаращив зубы, як бешена собака. Тай ще тоби за него деньги платили! Пожалуй, не приходи хоронить, я тоби приволоку его за ноги: шо хошь, то и роби з ним, хоть соби на вечину капти да жры!

— Ну ладно, ладно, — говорит поп, — сейчас приду да похороню.

Воротился домой цыган, вслед за ним пришел и поп; тут отпели цыганова отца, положили во гроб, снесли на кладбище и похоронили.

— Невжли ты, — говорит поп цыгану, — нисколько не заплатишь мне за своего отца? Тебе грешно будет!

— Ах, батиньку! — сказал цыган. — Сам знаешь, яки у цыгана деньги: було трошки,

узе потратив на поминки, а ты, батиньку, повремени до ярманки, добуду денег — отдам тобі!

— Ну, хорошо, свет! Подождать можно.

Началась ярманка, поехал цыган в город — лошадыми менять; поехал и поп по своим делам. Вот и попадается цыган попу навстречу.

— Послушай, цыган, — напоминает поп, — время тебе деньги отдать!

— Якие деньги? За шо тобі отдавать?

— Как за что? Я твоего батька схоронил.

— А тож мини и треба! Я сколько не ишу своего батька, нияк не могу найти; чужие батьки лошадыми миняют, а моего нема. А се ты, псяча-козляча твоя борода! Похоронив мого батьку!

Ухватил попа за бороду, повалил на землю, вытащил из-за пояса кнут и начал его отжаривать:

— От тобі, псяча-козляча борода! Хоть сдохны да роды мого батька! А то задеру кнутом!

Насилу поп вырвался из цыганских рук да давай Бог тягу!

С тех пор полно спрашивать с цыгана денег.

ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой: — Ну, работник! Служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет, — говорит поп, — Бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка!

Дождались они утра, встали рано. Поп и говорит попадье:

— Давай-ка нам, матка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыху.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуйста, и пообедаем.

— Подавай, матка, на стол обедать, — приказал поп жене.

Она подала им обедать. Они по ложке, по другой хлебнули и — сыты. Поп говорит работнику:

— Давай, свет, за одним столом и пополуднуем и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать — так полудновать.

Попадья подала на стол полудник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — и сыты.

— За равно, свет, — говорит поп работнику, — давай заодно и поужинаем, и заночуем на поле — завтра раньше на работу поспеем.

— Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда! Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД

Был поп, содержал на большой дороге постоялый двор. Идучи с заработков, заходили к нему ночевать и обедать всякие мужики. Вот разговорился раз поп с одним парнем.

— Что, свет, хороша работа была, много ль денег заработал?

— Сот пяток несु домой.

— Это доброе дело, свет! Давай-ка с тобой поспорим да об заклад побьемся на эти пять со-

тен; коли выиграешь, будет у тебя целая тысяча.

— О чем нам с тобой спорить-то?

— А вот что: живи у меня сутки, пей, ешь, что твоей душе угодно, только до ветру не ходи: вытерпишь — твое счастье, а не вытерпишь — мое!

— Изволь, батька!

И ударились об заклад.

Поп сейчас поставил на стол всякого кушанья и вина, парень давай уписывать. Нажрался и напился до того, что вздохнуть неумогу.

Запер его поп в особую горницу. Только дня еще не прошло, а мужику захотелось ср...ть: невтерпеж пришло; что делать, говорит он попу:

— Отопри, батька! Проспорил!

Поп обобрал с него деньги и отпустил домой начистоту. Понравилось попу огребать денежки, надул еще двух-трех мужиков таким же манером. Прошел о нем слух по деревням и селам, и выискался один хватюга. Шел он домой с работы, а денег у него в мошне-то меньше гроша; пришел к попу ночевать.

— Откуда идешь? — спрашивает поп.

— В работниках жил, теперя иду домой.

— А много ль денег домой несешь?

— Тысячи полторы будет!

Поп как услышал — чуть не подскочил от радости.

— Давай, — говорит, — об заклад биться. Ешь и пей ты у меня, что душе угодно, только до ветру не ходи целые сутки. Вытерпишь, я плачу тебе полторы тысячи, а не вытерпишь — ты мне заплатишь. Хошь?

— Давай, батька!

Уселся мужик и давай угощаться. Поп не успеваает носить кушанья да вина подливать — так все и прибирает.

Нажрался, напился и спать повалился. Поп его и запер накрепко. Ночью проснулся мужик и так захотелось ему до ветру, что, кажись, последнюю калитку ломает — туго приходит! Мужик увидал: на гвозде висит большая попова шапка, снял ее, навалил ее больше половины и опять повесил на стену, а сам улегся спать. Прошли сутки, мужик давай стучать.

— Отпирай, батька!

Поп отпер, осмотрел везде, нигде не видать на...ранного. Тут мужик и прижал попа:

— Подавай денежки!

Поп морщится, а делать нечего, заплатил ему деньги и спрашивает:

— Как тебя, проклятой, зовут-то? Николи тебя пущать не буду.

— Меня зовут Какофием, батько! —
отвечал мужик.

Взял денежки и ушел. Остался поп
один и раздумал: жалко стало ему денег.

— Пойду с горя лошадей посмотрю!

Схватил со стены шапку и напялил
на голову: го...но и потекло оттуда по го-
лове на шею ему и на плечи. Поп еще пу-
ще взбесился, выскочил на двор, сел
верхом на лошадь и погнал по большой
дороге, а навстречу ему извозчики едут.
Поп и спрашивает:

— Не видали ль, ребята, Какофья?

— Батька, каков ты? Неча сказать, хо-
рош! Кто тебя так славно изукрасил-то?

С тем поп и воротился.

КАКОВ Я!*

В некотором царстве, в некотором
государстве жил-был мужик, та-
кой плутоватый, что Боже упаси!
Стибрил где-то сотню рублей и убежал
из своей деревни; шел-шел и выпросил-
ся переночевать у попа.

— Ступай, — говорит поп, — ты у нас
места не пролежишь!

*Смотри сказку «Битье об заклад».

Пришел мужик, разделся, лег на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги — а на это они чутки, и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть! Дай-ка напою его пьяным, да и оберу!»

Вот поп немного погода подошел к мужику и говорит:

— Пойдем, свет, с нами ужинать!

Мужик обрадовался.

— Спасибо, батюшка!

Сели ужинать, поп поставил вино и давай его наливать, так потчует, просто отдыха не дает! Мужик напился пьян и свалился на пол. Поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку. Наутро проспался мужик, глядь — а в кармане пусто. Смекнул, в чем дело, да что возьмешь. Коли просить на попа, так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам отколь пришел? Еще беды наживешь!

Так мужик и ушел. Таскался кое-где месяц и другой, и третий — а там и думает себе: «Чай, поп теперь меня позабыл. Оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить».

Пришел к попу в избу, а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела.

— Пусти, матушка, переночевать к себе!

— Пожалуй, иди!

Он пошел в избу и уселся на лавке.

— Как тебя зовут, свет? Откуда идешь?

— Какофием, матушка, иду издалеча на богомолье.

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет — будто читает. А потом как заплачет. Попадья спрашивает:

— О чем, свет, плачешь?

— Как мне не плакать! В святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы, грешные, столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как еще Бог грехи-то терпит?

— А ты, свет, научен грамоте?

— Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от Бога!

— А петь по-дьячковски умеешь?

— Умею, матушка, умею; с малых лет учился, весь церковный устав знаю.

— А у нас, свет, дьячка нету, уехал отца хоронить: не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?

— Хорошо, матушка! Отчего не помочь?

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на клиросе и молчит себе. Поп закричал на него:

— Что же ты стоишь молча, не поешь?

А мужик ему:

— Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь!

И сел на жою. Поп опять кричит:

— Что же ты сидишь, а не поешь?

— Пожалуй, я и лягу.

И развалился на полу. Поп подошел и вытурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришел к попу на двор. Попадья спрашивает:

— Что, отслужил обедню?

— Отслужил, матушка!

— А где ж батька?

— Он в церкви остался — надо хоронить покойника, а меня послал к тебе взять новый тулуп, сукном крытый, да бобровую шапку: идти далеко, дак он хочет потеплее одеться!

Попадья пошла за тулупом и шапкою, а мужик зашел за избу, снял свою шапку, на...рал полную и положил ее на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой; попадья увидала, что он в старом тулупе, и спрашивает:

— Где ж новой тулуп-то?

— Какой?

Ну, тут рассказали друг другу про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, что с го...ном лежала, надел на голову и побегал по деревне искать мужика, а го...но из шапки так и плывет по рожке: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина:

— Не видал ли Какофья?

— Вижу, батюшка, каков ты! Хорош!

Кого не спросят, все ему одно отвечают.

— Какие дураки! — говорит поп. — Им одно толкуешь, а они тебе другое! Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добрался.

«Ну, — думает, — что с воза упало — то пропало!»

Воротился домой, снял шапку, а попадья как посмотрела на него, сейчас завопила:

— Ах, батька, вить у тебя оспа на голове выходит!

— Что ты врешь! — сказал поп; пощупал свою голову и всю руку в го...не вымазал. Тем сказка и кончилась.

КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК (Подобная есть у Боккаччо)

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке, а у него много было приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом; детина он был видный, зачал к хозяйке подбираться, шутить с нею всякие шуточки, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене:

— Послушай, душенька! Что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь.

— Что ты, Бог с тобой, соглашусь ли я! Не верь людям; верь своим глазам.

— Говорят, что он к тебе давно подбирался! Нельзя ли как-нибудь испытать его?

— Ну что ж, — говорит жена, — послушай меня, нарядись в мое платье и поди к нему в сад — знаешь, где он спит, да потихоньку шепотом скажи: «Я-де к тебе от мужа пришла!» Вот и посмотришь тогда, каков он есть.

— Ладно! — сказал купец.

А купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколотить. Чтобы он, подлец, долго помнил!

Дождь купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику.

— Кто это? — спрашивает приказчик.

— Я, душенька!

— Зачем?

— От мужа ушла да к тебе пришла.

— Ах ты, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу! А ты, бл...дь, хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину!

И давай колотить купца по шее, по спине да в поволочку:

— Не ходи, мерзавка! Не срами меня. Я ни за что не соглашусь на такие пакости!

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит:

— Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, срамить да бить — насилу ушел!

— Вот видишь, а ты всякому веришь! — сказала купчиха. И с того времени стала жить с приказчиком без всякого страха.

АФАНАСЬЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Родился 11 июля 1826 года в г. Богучарове Воронежской губернии. Образование получил в воронежской гимназии и Московском университете на юридическом факультете. А. Н. Афанасьев в 1849 году поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел, где в разных должностях работал до 1862 года. В это время А. Н. Афанасьев плодотворно сотрудничал с лучшими литературными журналами, такими как «Современник» и «Отечественные записки».

В 1858–59 гг. он издавал журнал «Библиографические записки», где поместил ряд своих статей. В 1860 г. издал в Москве «Русские народные легенды», вскоре изъятые из продажи. В том же году ему пришлось уйти со службы в связи с обвинениями в политической неблагонадежности.

Капитальный труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» был издан в Москве в 1866–69 годах. Наиболее известная работа А. Н. Афанасьева «Русские детские сказки» была опубликована в 1870 году и позднее много раз переиздавалась.

23 сентября 1871 года Афанасьев скончался от чахотки.

**ТАБУИЗИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА
из «Толкового словаря живого
великорусского языка» В.И. Даля
под редакцией профессора
И.А. Бодуэна де Куртенэ**

Табуизированная лексика была собрана В.И. Далем в удивительно малом количестве — всего полтора десятка слов. Но В.И. Даль постеснялся включить эти слова в текст своего словаря и оставил их в отдельной папке. Поэтому в первом и во втором изданиях «Толкового словаря живого великорусского языка», подготовленными к печати самим В.И. Далем, табуизированная лексика отсутствует. И.А. Бодуэн де Куртенэ при работе над третьим изданием словаря включил в него материалы из «заветной» папки В.И. Даля. Ученый мотивировал это тем, что для филолога ценность представляет любое слово, что бы оно ни означало. В тексте словаря табуизированная лексика приводится без фонетических лагун, с научной точностью и достоверностью. В нашем издании они печатаются с лагунами не из чувства ложной стыдливости, а ради сохранения единого текстового ди-зайна книги.

Бл...жник м. бл...дун, развратник. Ср. *бл...дь*.

Бл...дь ж. публичная женщина, проститутка; вообще распутная женщина. **Бл...дун** – *уна* м. развратник, распутный мужчина. **Бл...дунья** ж. ниже обыкновенной бл...ди, лахудра, плёха. **Бл...дский, бл...довской**, свойственный, присущий бляди. **Бл...довство** ср. любодееание, распутная жизнь. Бл...довать, предаваться блуду, любодеествовать. **Бл...дская трава** раст. *Aspidium filix mas*. **Бл...дские орехи**, *Pinus cambra*. **Бл...дская строка**, тип. (нем. *Huzenzeile*), неполная, коротенькая строчка, не уместившаяся внизу страницы или следующего столбца (прием, избегаемый в типографской практике). Ср. *ку...ва, бл...жник*.

Ети, еть, наст. вр. ед. 1. *е...у*, 3. –*ёть*, мн. 3. –*ут*, повел. ед. 2. *е...и*, прошед. ед. м. *ё...*, ж. *ё...ла*, мн. *е...ли*, вульг., совокупляться, употреблять женщину. Пошлая брань (ругань): *Е...и твою мать. Мать твою ети. Мать твоя ети. Еб...на мать. Убирайся к еб...не матери, убирайся к черту*. Возвр. *еться*, совокупляться. **Е...ец**, род. *е...ца*. **Е...ля**, действие по гл. **Е...ия**, явление этого действия. Сложные глаголы: *вьеть; заеть; поеть; распроеть*.

Ж...па ж. задница; та часть тела, которая во Франции свободна от телесного наказания.

Умал. **ж...пка**, увелич. и презрит. **ж...пища**. *Шире ж...пы не пернешь. Пристал как банный лист к ж...пе*, — о навязчивом, назойливом, наглom человеке. *Без мыла в ж...пу лезет*, — о льстивом, заискивающем человеке. *Голос как в ж...пе волос: тонок, да не чист. На бесптичье и ж...па соловей*. **Ж...полиз**, м., подлый льстец, угодник.

Ку...ва ж., неприл., бранно, публичная женщина, развратная женщина, бл...дь. Ку...ва, **ку...вяга** ж. сплетница пск. твер. **ку...вёнок**, —нка, м. рожденный ку...вой и похожий на нее делами и шалостями; негодяй. пск. твер.

М...де, собств. **м...де**, забытое двойств. ч. ср. р. от **м...до**, мошонка самца вместе с ядрами; иногда вместе и с детородным членом. Мн. им. **м...ди**; род. **м...дей**, дат. **м...дям**, твор. **м...дями**. **М...дистый**, у которого большие м...де.

Ни-х...я, ничего. Ср. *ни*; см. *х...й*.

Пи...да ж., вульг., женский детородный член, лат. *cunpus, vulva*.

Херик см. *хер*. **Херить** письмо, похерить, выхерить, перекрестить либо вымарать, зачеркнуть в крест. —ся, стрд. **Херить**, порицать, бранить. Херовина ж., ерунда. **Херовина**, матерщина, пск, твр. Опд. Ср. *хер*.

Хер, буква. *Игра в херики, в крестики, в оники. У него ноги хером, т.е. колесом. Хер то*

же, что **х...й**. *Убирайся к херу*. **Ни хера**, ничего. См. *херить*.

Х...ев. *Это, батюшка, х...ево* (скверное) *дело*, *нвг*. См. *хуй*.

Х...й, род. **х...я**, м., вульг. неприл., мужской детородный член. Становится почти местоимением в значении что, что-либо, какой, какой-нибудь. **Ни-х...я нет**, ровно ничего нет. *Ни-х...я не видно или не видать*, ничего не видно. См. *х...ев, ни-х...я*.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------------	---

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Лиса и заяц	8
Воробей и кобыла	10
Медведь и баба	14
Волк	17
Мужик, медведь, лиса и слепень	18
Кот и лиса	20
Вошь и блоха	20
Собака и дятел	21
Пи...да и ж...па	22
Мой ж...пу	24
Худо не худо	25
Дурень	26
Щучья голова	28
Женитьба дурня	32

Боязливая невеста	42
Горячий кляп	48
Прибаутки.....	50
Старческий стих	52
Семейные разговоры	53
Первое знакомство жениха с невестой	56
Мужик и барин.....	59
Догадливая хозяйка.....	61
Нет.....	62
Муж на яйцах.....	67
Охотник и леший	69
Мужик и черт	71
Мужик за бабьей работой	74
Жена слепого	78
Тетерев	80
Архиерейский совет.....	82
Посев х...ев	84
Волшебное кольцо	91
Раззадоренная барыня	104
По-собачьи	106
Две жены.....	110
Стыдливая барыня	113
Добрый отец.....	116
Сказка о том, как поп теленка родил.....	119
Поп и западня	123
Поп, попадьа, поповна и батрак.....	124
Поросенок	130
Духовный отец	133
Поп и мужик	134
Поп и батрак	144

Поповская семья и батрак.....	157
Чесалка.....	161
Загони тепла	167
Похороны кобеля (или козла).....	170
Суд о коровах	177
Жадный поп	183
Смех и горе	185
Чудесная мазь	191
Чудесная дудка	204
Пастух.....	210
Солдат, мужик и баба	213
Солдат сам спит, а х...й работает.....	215
Солдат и хохлушка	218
Солдат и хохол	220
Беглый солдат.....	221
Солдат и поп.....	222
Солдат решетит	225
Теща и зять-дурень.....	226
Болтливая жена	228
Поп ржет, как жеребец	231
Хитрая баба	242
Жидовка	261
Солдат и черт	261
Николай Дуплянкой	262
Два брата-жениха	268
Невеста без головы	275
Бабы увертки.....	285
Странные имена.....	292
Поп и цыган	295
Добрый поп	297

Битье об заклад	299
Каков я!	302
Купеческая жена и приказчик	307

АФАНАСЬЕВ А. Н.	310
------------------------------	-----

ТАБУИЗИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА ИЗ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ	311
---	-----

А. Н. АФАНАСЬЕВ

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Редактор *В. Иванов*

Художественный редактор *П. Сидоров*

Художник В. Казьмин

Компьютерная верстка *И. Петров*

Корректор *С. Иванченко*

Подписано в печать 15.07.04. Формат 70×90^{1/32}.

Гарнитура «Петербург». Бумага для ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7.

Тираж 5000 экз. Заказ № 410.

ООО Альта-Принт

117556, Москва, Варшавское ш., д. 85, стр. 2

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ФГУИПП «Уральский рабочий»

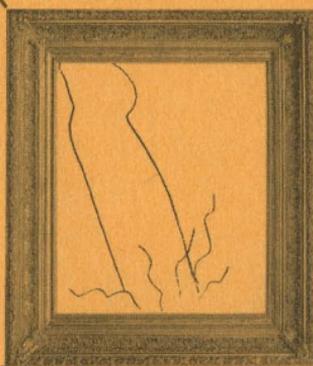
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

Анри
Матисс

Пабло
Пикассо

